

Главный редактор: Мышко Ф.Г., д-р юр. наук; e-mail: fg_myshko@guu.ru

Первый заместитель главного редактора: Кривошусов В.В., канд. филос. наук, д-р социол. наук, проф.; e-mail: vv_krivosusov@guu.ru

Заместитель главного редактора: Чернавин Ю.А., д-р филос. наук, проф.; e-mail: yua_chernavin@guu.ru

Ответственный секретарь: Каменева Т.Н., д-р социол. наук, доц.; e-mail: tn_kameneva@guu.ru

Ответственный за выпуск: Алексеева Л.Н.; e-mail: ln_alekseeva@guu.ru

Редактор: Кузнецова П.О.; e-mail: po_kuznetsova@guu.ru

Выпускающий редактор и компьютерная верстка: Гусева Е.А.; e-mail: ea_malygina@guu.ru

Технический редактор: Тарасова Д.С.; e-mail: ds_tarasova@guu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Горшков М.К. – д-р филос. наук, академик РАН, председатель редакционного совета (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Мышко Ф.Г. – д-р юр. наук, доц., (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Кривошусов В.В. – д-р социол. наук, канд. филос. наук, (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Волков Ю.Г. – д-р филос. наук, проф. (Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия)

Добрыньков В.И. – д-р филос. наук, проф. (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия)

Зотов В.Б. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия)

Кравченко С.А. – д-р филос. наук, проф. (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, г. Москва, Россия)

Маршак А.А. – д-р филос. наук, проф. (Институт социологии РАН, г. Москва, Россия)

Мелёхин А.В. – д-р социол. наук, канд. психол. наук (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия)

Митрович Л. – проф. (Университет Ниша, г. Ниш, Сербия)

Миронов А.В. – д-р социол. наук (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Петрова Т.Э. – д-р социол. наук, проф. (Департамент культуры, спорта, туризма и национальной политики Администрации Президента Российской Федерации)

Саакян А.К. – д-р социол. наук, проф. (Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Ереванский филиал), г. Ереван, Армения)

Силасте Г.Г. – д-р филос. наук, проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия)

Скворцов Н.Г. – д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия)

Соколова Г.Н. – д-р филос. наук, проф. (Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь)

Троицкий А.В. – канд. техн. наук, доцент (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Шалин В.В. – д-р социол. наук, проф. (Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия)

Хунагов Р.Д. – д-р социол. наук, проф. (Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия)

Чжан Ш. – д-р полит. наук, проф. (Китайская Академия общественных наук, г. Пекин, Китай)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мышко Ф.Г. – д-р юр. наук, доц. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Кривошусов В.В. – д-р социол. наук, канд. филос. наук, первый зам гл. ред. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Чернавин Ю.А. – д-р филос. наук, зам. гл. ред. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Каменева Т.Н. – д-р социол. наук, доц. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Арамян К.А. – канд. истор. наук (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Захаров М.Ю. – д-р филос. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Комарова А.А. – канд. социол. наук (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Корнилович В.А. – д-р социол. наук (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Костриков С.П. – д-р истор. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Скрипкина Т.П. – д-р психол. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Целуйко А.В. – канд. юр. наук (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям:

- 5.4.1 «Теория, методология и история социологии (социологические науки)»;
- 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)»;
- 5.4.5 «Политическая социология (социологические науки)»;
- 5.4.6 «Социология культуры (социологические науки)»;
- 5.4.7 «Социология управления (социологические науки)».

Миссия журнала состоит во всестороннем и объективном освещении, оперативном и независимом информировании читателей об исследованиях в сфере цифровой социологии.

Цели журнала:

- обмен научными сведениями о новых решениях и применении информационных технологий в социологии;
- широкое обсуждение новых идей в области цифровой социологии – отрасли социологической науки, исследующей роль сети «Интернет» и влияние электронных технологий на социальную жизнь в целом;
- организация международного сотрудничества через обмен научными идеями и привлечение специалистов в области цифровой социологии из разных стран к работе в составе редакционной коллегии и к опубликованию ими своих статей.

Все публикуемые статьи прошли обязательную процедуру рецензирования

Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 24.08.2018 ПИ № ФС 77-73528

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-ru.ru можно оформить подписку на 2023 год на печатную версию журнала «Цифровая социология» по подписному индексу 79135, а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Подп. в печ. 30.12.2022 г.
Формат 60×90/8
Объем 13,5 печ. л.
Тираж 1000 экз.
(первый завод 100 экз.)
Заказ № 1689

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Адрес редакции: 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99
Тел.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования.

Editor-in-chief: F.G. Myshko, Dr. Sci. (Jur.); e-mail: fg_myshko@guu.ru**First Deputy editor-in-chief:** V.V. Krivopuskov, Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Philos.), prof.; e-mail: vv_krivopuskov@guu.ru**Deputy editor-in-chief:** Yu.A. Chernavin, Dr. Sci. (Philos.), prof.; e-mail: yua_chernavin@guu.ru**Executive Secretary:** T.N. Kameneva Dr. Sci. (Sociol.), assoc. prof.; e-mail: tn_kameneva@guu.ru**Responsible for issue:** L.N. Alekseeva; e-mail: ln_alekseeva@guu.ru**Editor:** P.O. Kuznetsova; e-mail: po_kuznetsova@guu.ru**Executive editor and desktop publishing:** E.A. Guseva; e-mail: ea_malygina@guu.ru**Technical editor:** D.S. Tarasova; e-mail: ds_tarasova@guu.ru**EDITORIAL BOARD****Gorshkov M.K.** – Dr. Sci. (Philos.), Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (State University of Management, Moscow, Russia)**Myshko F.G.** – Dr. Sci. (Jur.), Assoc. Prof., (State University of Management, Moscow, Russia)**Krivopuskov V.V.** – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Philos.), (State University of Management, Moscow, Russia)**Volkov Yu.G.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)**Dobren'kov V.I.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)**Zotov V.B.** – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr.), Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Kibakin M.V.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Financial University under the Government of the Russian Federation)**Kravchenko S.A.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia)**Marshak A.L.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)**Melekhin A.V.** – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Psy.) (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)**Mitrovich L.** – PhD (Philos. Sci.), Prof. (University of Niš, Niš, Serbia)**Mironov A.V.** – Dr. Sci. (Sociol.) (State University of Management, Moscow, Russia)**Petrova T.E.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Department of Culture, Sport, Tourism and Nationality Policy of the Presidential Administration)**Saakyan A.K.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Plekhanov Russian University of Economics (Yerevan branch), Yerevan, Armenia)**Sillaste G.G.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)**Skvortsov N.G.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)**Sokolova G.N.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)**Troitskii A.V.** – Cand. Sci. (Engr.), Assoc. Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Shalin V.V.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia)**Khunagov R.D.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Adygeyan State University, Maikop, Russia)**Chzhan Sh.** – PhD (Polit. Sci.), Prof. (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)**EDITORIAL COLLEGIUM****Myshko F.G.** – Dr. Sci. (Jur.), Assoc. Prof., Editor-in-Chief (State University of Management, Moscow, Russia)**Krivopuskov V.V.** – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Philos.), First Deputy Editor-in-Chief (State University of Management, Moscow, Russia)**Chernavin Yu.A.** – Dr. Sci. (Philos.), Deputy Editor-in-Chief (State University of Management, Moscow, Russia)**Kameneva T.N.** – Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Aramyan K.A.** – Cand. Sci. (Hist.) (State University of Management, Moscow, Russia)**Zakharov M.Yu.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Komarova A.A.** – Cand. Sci. (Sociol.) (State University of Management, Moscow, Russia)**Kornilovich V.A.** – Dr. Sci. (Sociol.) (State University of Management, Moscow, Russia)**Kostrikov S.P.** – Dr. Sci. (Hist.), Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Skripkina T.P.** – Dr. Sci. (Psy.), Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Tseluiko A.V.** – Cand. Sci. (Jur.) (State University of Management, Moscow, Russia)

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications, in which should be published basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences in the field:

- 5.4.1 "Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)";
- 5.4.4 "Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)";
- 5.4.5 "Political sociology (sociological sciences)";
- 5.4.6 "Cultural sociology (sociological sciences)";
- 5.4.7 "Sociology of management (sociological sciences)".

The mission of the journal is to provide comprehensive and objective coverage, prompt and independent information to readers about research in the field of digital sociology.

The aims of the journal:

- exchange of scientific information on new solutions and application of information technologies in sociology;
- wide discussion of new ideas in the field of digital sociology - a branch of sociological science, that studies the role of the Internet and the impact of electronic technologies on social life in general;
- organization of international cooperation through the exchange of scientific ideas and the involvement of specialists in the field of digital sociology from different countries to work as part of the editorial board and to publish their articles.

All published articles have undergone a mandatory review procedure

Certificate of registration of mass media dated 24.08.2018
PI No. FS 77-73528

Signed to print 30.12.2022
Format 60×90/8
Size 13,5 printed sheets
Circulation 1000 copies
(the first factory 100 copies)
Print order № 1689

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office: 109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru

Articles are available under a Creative Commons «Attribution» International 4.0 public license, according to which, unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, specified the author's name and references to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цифровая партисипация: концептуализация понятия
в зарубежной практике гражданской активности4
Абрамова С.Б.

Психологические потребности и мотивация удаленных
работников: социологический аспект15
Пронин В.Ю., Кривоусков В.В.

Социальное исключение как побочный эффект
механизмов нейрообучения23
Тертышникова А.Г., Павлова У.О., Цимбал М.В.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА

Исследование социально-сетевой интерференции
процессов памяти у подростков31
Барышникова В.Е., Никишина В.Б., Петраш Е.А., Сотников В.А.,
Куликова Е.И.

Индивидуальные стратегии медиаактивности
интернет-пользователей38
Гримов О.А., Белкина В.А.

Пути повышения социальной эффективности малого
и среднего бизнеса в условиях цифровизации48
Деникин А.В., Деникина З.Д., Кубикова Н.В.

Медийная коммуникация как фактор самоорганизации
диаспоры56
Каменева Т.Н., Кунилова К.Д., Целуйко А.В.

Роль локальных инициатив и социальных сетей в решении
проблемы утилизации мусора в городах Апатиты
и Кировск Мурманской области: опыт включенного
наблюдения67
Колдобская Н.А.

Оплата труда STEM-специалистов в России:
значение человеческого капитала и институциональных
факторов78
Путинцева А.Э.

Цифровизация средств массовой информации как
фактор влияния на доверие к искусственному
интеллекту90
Разов П.В., Гараганов А.В.

Информационная безопасность несовершеннолетних:
опыт организации отдельных субъектов
Российской Федерации98
Титор С.Е.

CONTENTS

DIGITAL SOCIOLOGY: RESEARCH DIRECTIONS

Digital participation: category conceptualization in foreign
practice of civic engagement4
S.B. Abramova

Psychological needs and motivation of remote workers:
sociological viewpoint15
V.Yu. Pronin, V.V. Krivopuskov

Social exclusion as a side effect of machine learning
mechanisms23
A.G. Tertyshnikova, U.O. Pavlova, M.V. Cimbali

DIGITAL ENVIRONMENT

Study of social network interference of memory processes
in adolescence31
V.E. Baryshnikova, V.B. Nikishina, E.A. Petrash, V.A. Sotnikov,
E.I. Kulikova

The individual strategies of Internet users' media activity38
O.A. Grimov, V.A. Belkina

Ways to improve the social efficiency of small and
medium-sized businesses in the context of digitalization48
A.V. Denikin, Z.D. Denikina, N.V. Kubikova

Media communication as a factor of diaspora
self-organization56
T.N. Kameneva, K.D. Kunilova, A.V. Tseluiko

The role of local initiatives and social networks in solving
the problem of waste disposal in the cities of Apatity
and Kirovsk, Murmansk region: the experience
of participant observation67
N.A. Koldobskaya

STEM salaries in Russia: the importance of human capital
and institutional factors78
A.E. Putintseva

Digitalization of mass media as a factor of influence
on trust in artificial intelligence90
P.V. Razov, A.V. Garaganov

Information security of minors: individual subjects
of the Russian Federation organization experience98
S.E. Titov

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цифровая партисипация: концептуализация понятия в зарубежной практике гражданской активности

УДК 316.4 DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-4-14

Получено 29.09.2022

Доработано после рецензирования 21.10.2022

Принято 01.11.2022

Абрамова Софья Борисовна

Канд. социол. наук, доц. каф. прикладной социологии

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0003-4010-8406

E-mail: s.b.abramova@urfu.ru

АННОТАЦИЯ

Партисипаторная модель гражданского участия привлекает все больше внимания со стороны исследователей современных обществ. Статья посвящена вопросу определения содержательных и структурных компонентов концепта цифровой партисипации. Проблема эффективности использования цифровых технологий для реализации гражданской активности рассматривается в контексте практики и опыта зарубежных организаций по внедрению цифрового активизма. В работе проведен неформализованный анализ 46 зарубежных сайтов, содержание которых связано с развитием цифровой партисипации (правительственных структур, образовательных, просветительских и благотворительных организаций, цифровых платформ). Проведенное исследование позволило построить структурную модель цифровой партисипации, включающую основные субъекты, их цели

и необходимые условия / факторы внецифровой и цифровой сред, а также личностный компонент. С этим связан расширительный контекст в трактовке цифровой партисипации, учитывающий деятельность не только субъектов собственно гражданского участия, но и всех других субъектов и условий, необходимых для вовлечения граждан в цифровую партисипацию. Показано, что практико-ориентированное понимание цифровой партисипации опирается на ряд положений в документах международных организаций (Организации Объединенных Наций, Европейского союза) и на различные международные индексы. Партисипаторная трактовка позволяет сделать вывод об исключительно позитивной направленности гражданского участия, основанной на культуре со-участия и согласованности целей различных социальных групп и субъектов.

Ключевые слова

Цифровая партисипация, гражданское участие, социальная активность, активизм, цифровизация, цифровые платформы, цифровая демократия, цифровые технологии, цифровой разрыв

Для цитирования

Абрамова С.Б. Цифровая партисипация: концептуализация понятия в зарубежной практике гражданской активности // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 4–14.

Благодарности

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>

© Абрамова С.Б., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DIGITAL SOCIOLOGY: RESEARCH DIRECTIONS

Digital participation: category conceptualization in foreign practice of civic engagement

Received 29.09.2022

Revised 21.10.2022

Accepted 01.11.2022

Sofya B. Abramova

Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. at the Applied Sociology Department

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0003-4010-8406

E-mail: s.b.abramova@urfu.ru

ABSTRACT

The participatory model of civic participation is attracting more and more attention from researchers of modern societies. The article is devoted to the issue of determining the content and structural components of digital participation concept. The problem of the digital technologies' effectiveness for the implementation of civic activity is considered in the context of the practice and experience of foreign organizations in the implementation of digital activism. The author conducts an informal analysis of 46 foreign websites, their content is related to the development of digital participation (government agencies, educational and charitable organizations, digital platforms). The study made it possible to build a structural model of digital participation, including the main subjects, their goals and the necessary conditions / factors of the non-digital

and digital environment, as well as the personal component. This is connected with an expanded context in the interpretation of digital participation, which considers the activities of not only the subjects of civic participation itself, but also all other subjects and conditions necessary for the involvement of citizens in digital participation. It is shown that the practice-oriented understanding of digital participation is based on a number of provisions in the documents of international organizations (the United Nations, the European Union) and is based on the assessment through various international indices. The participatory interpretation allows us to conclude that civic participation is extremely positive, based on a culture of participation and consistency in the goals of various social groups and subjects.

Keywords

Digital participation, civic participation, social activity, activism, digitalization, digital platforms, digital democracy, digital technologies, digital divide

Acknowledgements

This work has been supported by the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region No. 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>

For citation

Abramova S.B. (2022) Digital participation: category conceptualization in foreign practice of civic engagement, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 4-14. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-4-14

© Abramova S.B., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Обращение к концепту цифровой партисипации отражает несколько значимых процессов, происходящих в современных обществах. Во-первых, в культурной, образовательной и иных сферах активно развивается партисипаторная парадигма, в русле которой расширяются права и возможности людей, стремящихся сделать мир демократичным и справедливым [Biegelbauer, Hansen, 2011]. Во-вторых, процессы мобилизации граждан в социально-политические акции стали более массовыми и эффективными благодаря цифровым технологиям и роли онлайн-сообществ [Сабурова и др., 2021], при этом социальные медиа становятся интерактивными площадками и создают условия для появления гибких, удобных, функциональных форм партисипаторного участия граждан [Зотов и др., 2021]. В-третьих, активно формируются новые формы поддержки различных гражданских инициатив, в том числе в интернет-пространстве [Башева, 2020]. Наконец, глубокие социальные трансформации как следствие цифровизации приватной, публичной и профессиональных сфер переосмысливаются в научном дискурсе и социальном прогнозировании [Чернов, 2021].

Понятие цифровой партисипации является для российского научного и публичного дискурса достаточно новым. С одной стороны, растет число публикаций в рамках партисипаторной модели. В большей мере это характерно для нескольких сфер: образовательной [Шкитина, Касаткина, 2019], управленческой [Вагин, Петрова, 2020], экономической и культурной [Деникин, 2018]. С другой – англоязычный концепт *digital participation* чаще переводится как «цифровое участие» [Попов, 2022] или другие близкие словосочетания по типу «участие в цифровой среде» [Гришаева, Шамаев, 2022]. Тем самым, на наш взгляд, в определенной мере теряются идеи партисипаторности, включенности субъектов в процесс создания проектного продукта на различных этапах – от генерации идеи до отслеживания результатов, формирования культуры со-участия и т.д.

Задача концептуализации понятия цифровой партисипации может быть размещена не только в плоскости теоретических изысканий и дискуссий, но и определена в практической перспективе. Несмотря на отсутствие теоретической однозначности, это понятие активно используется в практике правительственных, общественных, образовательных, культурных и иных коммуникаций, что особенно характерно для зарубежного опыта. Это открывает возможности изучения

содержательного и критериального наполнения категории цифровой партисипации через анализ сайтов, посвященных практическому внедрению этого социального феномена.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ / RESEARCH METHOD

Исследование цифровой среды с позиции социологии предполагает применение гибридных методов на стыке традиционных и цифровых подходов [Василенко, Мещерякова, 2021]. Рассматривая сеть «Интернет» (далее – Интернет) как информационно-коммуникативную структуру социального взаимодействия, в которой опредмечиваются общественные практики и культурные смыслы [Сиволов, 2007], можно говорить о том, что интернет-сайт отражает определенный фрагмент социокультурной реальности и может выступать в качестве объекта социологического исследования.

Можно выделить несколько категорий сайтов, посвященных или активно использующих концепт цифровой партисипации.

1. Правительственные сайты, сайты министерств или специальных правительственных комиссий. Основные цели связаны с информационным продвижением идей открытого и цифрового правительства, гражданского участия, партисипаторной демократии.

2. Профильные сайты, созданные исключительно для развития цифрового участия граждан и вовлечения различных категорий населения в процессы цифровой гражданской активности.

3. Образовательные сайты, ставящие задачу повышения цифровых компетенций населения в качестве инструмента роста уровня и эффективности гражданского участия.

4. Цифровые платформы, разрабатываемые для реализации возможностей цифровых проектов и предлагающие услуги поддержки гражданских инициатив.

5. Благотворительные организации, связанные с миссией преодоления цифрового неравенства и обеспечения равного доступа к цифровым технологиям и, как следствие, инклюзивной цифровой гражданской активности.

Несмотря на различия в базовых целях, стоящих перед создателями этих типов сайтов, многие из них уделяют особое внимание разъяснению своего понимания и оценки цифровой партисипации в современных гражданских и политических процессах.

В ходе исследования было проанализировано 46 сайтов, содержательная направленность

которых связана с цифровой партисипацией. Все сайты являются зарубежными / международными и представляют опыт наиболее передовых стран, корпораций, организаций или исследователей в вопросах развития цифрового участия граждан. Использовался традиционный неформализованный анализ, который предполагает целостное восприятие смыслов, извлечение интересующих сведений в соответствии с задачами исследования. Этот метод в наибольшей степени соответствует задачам формулятивного этапа исследования, а также позволяет определить направления и границы развертывания дискуссий о новом социальном процессе.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР / LITERATURE REVIEW

Одной из наиболее активно поднимаемых тем является вопрос цифрового неравенства и цифрового разрыва. Например, понятие цифровой партисипации включено в «Энциклопедию геронтологии и старения населения» [Seifert, Rössel, 2019], где определяется как «активное участие в цифровом обществе посредством использования современных информационных и коммуникационных технологий» (далее – ИКТ), а далее подчеркивается, что неучастие в цифровом мире может привести к ощущению социальной изоляции. «Энциклопедия информационных наук и технологий» определяет цифровую партисипацию как «идею о том, что полное использование цифровых возможностей способствует продвижению личных интересов», а цифровой разрыв – как «описание различий в использовании цифровых медиа между различными группами населения и внутри них» [Khosrow-Pour, 2021]. Выделяются три уровня барьеров: физические и материальные условия, образование и навыки, а также уровень и доступ участия. В своем исследовании благополучия благотворительная организация Carnegie United Kingdom Trust использует категорию демократического благополучия, связывает его с правом голоса при принятии тех решений, которые касаются жизни гражданина, и задачей преодоления цифрового разрыва и исследует социальную справедливость во взаимосвязи с отсутствием доступа к сети «Интернет»: «кто не в сети, почему и что мы можем с этим сделать» [White, 2016].

Несколько иную позицию занимают сотрудники британской благотворительной организации Good Things Foundation, которые связывают цифровое участие, прежде всего, с идеей жизни в мире, «где каждый может извлечь выгоду

из цифровых технологий»¹. Несмотря на то что интерес настоящего исследования в большей мере определяется ролью цифровой партисипации в гражданской активности, ракурс извлечения максимальной личной пользы из участия в цифровом пространстве (преодоления одиночества и ограничений в доступе к образованию, работе, потребительским рынкам, услугам государственных служб) также может быть включен в смысловое пространство концепта цифровой партисипации.

Отметим, что проблема цифрового неучастия как в общественно-гражданском, так и в личностном смыслах – одна из наиболее часто встречающихся тем зарубежных сайтов по теме цифровой партисипации. Австралийский исследовательский проект «Цифровая партисипация. Привлечение разнообразных и маргинализированных сообществ» относит к тем, кто находится на окраине цифровых технологий, людей с инвалидностью, пожилых, жителей удаленных территорий, обездоленную молодежь, представителей коренных народов и т.д.²

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS

Исходное понятие цифрового участия подразумевает, что люди могут вовлекаться в использование и разработку Интернета, цифровых медиа и современных технологий. Однако все проанализированные платформы расширяют представление о цифровой партисипации, что и представляет для автора основной интерес. Так, мотивационное послание тематического выпуска «Цифровое участие и коммуникативные расстройства на протяжении всей жизни» содержит отсылку к трем основным аспектам³:

- участие в цифровых технологиях – доступ к цифровым устройствам и грамотное их использование;
- участие посредством цифровых технологий, то есть через альтернативные варианты доступа;
- участие внутри цифрового мира – это активное участие в социальных сетях, цифровых услугах и СМИ.

¹ Good Things Foundation (2022). Get involved. Режим доступа: <https://www.goodthingsfoundation.org/get-involved/> (дата обращения: 21.09.2022).

² Digital participation. Engaging Diverse and Marginalised Communities (2022). Official website. Режим доступа: <https://digitalparticipationhci.wordpress.com/> (дата обращения: 20.09.2022).

³ Frontiers in Communication (2022). Digital Participation and Communication Disorders across the Lifespan. Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/research-topics/43134/digital-participation-and-communication-disorders-across-the-lifespan> (дата обращения: 22.09.2022).

Еще одной базовой опорой для развития практико-ориентированного понимания цифровой партисипации выступает позиция Организации Объединенных Наций (далее – ООН), которая опирается на основные направления ее деятельности: достижение целей устойчивого развития⁴, развитие электронных правительств⁵, поддержание демократии как инструмента защиты прав человека и достижения прогресса и другие. В документах ООН используется термин E-Participation, под которым понимается содействие гражданской активности и доступности управления с помощью ИКТ, а целью проекта выступает улучшение доступа к информации и общественным услугам, а также содействие в выработке политических стратегий и расширение возможностей граждан. Как результат, возникает социальное инклюзивное управление, измерение которого производится с помощью Индекса электронного участия (E-Participation Index). Цифровая партисипация здесь включает три элемента⁶.

1. Электронная информация (обеспечение участия путем предоставления гражданам публичной информации и доступа к информации).

2. Электронные консультации (привлечение граждан к участию и обсуждению государственной политики и услуг, взаимодействие властей с заинтересованными сторонами).

3. Электронное принятие решений (расширение прав и возможностей граждан посредством совместной разработки вариантов политики).

Отсюда в реальных практиках развития цифровой партисипации именно позиция ООН (а не теоретические изыскания) выступает основополагающей. Например, Министерство внутренних дел Объединенных Арабских Эмиратов разработало политику цифрового участия⁷, в рамках которой каждый гражданин может пройти бесплатный онлайн-курс, где на первой лекции определение цифрового участия дается полностью в соответствии с концепцией ООН⁸.

⁴ Организация Объединенных Наций. Цели в области устойчивого развития. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 20.09.2022).

⁵ Организация Объединенных Наций. Электронное правительство 2020. Режим доступа: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20-%20Russian.pdf> (дата обращения: 04.09.2022).

⁶ Организация Объединенных Наций. Индекс электронного участия. Режим доступа: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation-Index> (дата обращения: 28.08.2022).

⁷ Ministry of Interior United Arab Emirates (2022). E-participation.. Режим доступа: <https://www.moi.gov.ae/en/E.Participation.aspx> (дата обращения: 03.09.2022).

⁸ TDRA Virtual Academy (2019). TRA e-Participation Online Course [Видеозапись]. Режим доступа: <https://youtu.be/6gJ-CqjSgkg> (дата обращения: 03.09.2022).

Французская платформа CitizenLab определяет свою миссию через построение более сильной демократии, которая основана на общественном принятии решений через гражданское участие и ответственность. Продвижение гражданских инициатив построено на развитии по всему миру сети цифровых платформ, на которых правительства и государственные организации могут взаимодействовать с гражданами. Это создает инклюзивную культуру принадлежности для населения, а также открытую и гибкую демократию для властей. Для правительственных участников на платформе приводятся следующие аргументы в пользу цифровой партисипации⁹:

- возможность связаться со «своим сообществом» там, где оно есть;
- инклюзивность принятия решений;
- решения, основанные на объективных данных;
- возможность выделить темы, которые в наибольшей степени волнуют сообщество;
- возможность направлять потоки информации: делиться с сообществом, настраивать параметры проекта и т.п.;
- наличие регулярной обратной связи, еженедельных отчетов.

Молодежь проявляет высокий интерес к разнообразным формам гражданского активизма в цифровой среде и включается в различные кластеры мобилизационного потенциала [Домбровская, 2020]. Проекты в области молодежной цифровой партисипации также опираются на идеи Молодежной стратегии Европейского союза¹⁰, в рамках которой заявляется цифровая трансформация, приведшая к революции в жизни молодежи, и необходимость учитывать в политике позитивные возможности и потенциальные проблемы этой трансформации. Практически все проанализированные сайты поднимают вопрос ресурсов цифрового участия и их ограничений и рисков. Позитивными элементами цифровых инструментов, способствующих гражданскому участию, выступают следующие¹¹.

1. Информационный канал, через который молодые люди могут получить доступ к информации, поддерживающей их участие.

⁹ CitizenLab (2022). Features: Online Community Engagement Tool. Режим доступа: <https://www.citizenlab.co/platform-online-engagement-toolbox> (дата обращения: 04.09.2022).

¹⁰ European Union (2022). The European Union Youth Strategy 2019–2027. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2018:456:FULL> (дата обращения: 05.09.2022).

¹¹ SALTO. Participation and Information Resource Centre (2022). Digital Participation. Режим доступа: <https://participationpool.eu/resource-category/youth-participation/alternative-forms-of-participation/digital-participation/> (дата обращения: 03.09.2022).

2. Канал связи, через который молодые люди могут общаться друг с другом и теми, кто имеет отношение к участию молодежи, например, с лицами, принимающими решения.

3. Платформа для создания, обмена и распространения контента.

4. Виртуальное пространство, в котором может проходить деятельность с участием молодежи и где могут формироваться виртуальные сообщества.

В результате, одной из ключевых задач развивающихся цифровых платформ и сторонников цифровой партисипации в целом становится убеждение граждан в том, что цифровые технологии доступны, понятны и могут быть легко использованы для гражданской активности, что воплощается в лозунге «Почему цифровое участие проще, чем вы думаете»¹². Отсюда концепт цифровой партисипации неразрывно связан с аспектом наличия цифровых компетенций и готовности их использовать. Это расценивается не просто как комплекс знаний и умений, но и изменение мировоззренческих установок граждан. Создатели образовательного проекта для взрослых «Цифровое участие» продвигают идею восприятия мобильного телефона как инструмента для улучшения жизни местных сообществ¹³. Организаторы курса «Гражданское право 4.0: активное гражданство и участие в эпоху цифровых технологий» подчеркивают, что участие в общественной жизни подразумевает знание тех цифровых инструментов, которые лучше всего использовать в той или иной ситуации¹⁴. Большой спектр образовательных проектов, например британская программа «Навыки инклюзивного цифрового участия»¹⁵, направлен на работу с «группами исключения» – мигрантами, бедными слоями, пожилыми, инвалидами и т.д.

Интересно, что в аналогичном ключе развивается идея, что «политика не должна быть сложной». Как призывают на платформе для молодежного участия, любая идея может быть просто опубликована здесь, и она будет услышана¹⁶. «Мы даем легкий доступ к политике» –

такой лозунг мог появиться только в рамках цифрового активизма.

«Цифровая демократия» характеризует справедливый и устойчивый мир, участие в котором легко и безопасно для всех¹⁷. Индикатором роста эффективности участия выступает более широкое, более инклюзивное и более оперативное участие граждан в принятии управленческих решений. Платформа Polyas, специализирующаяся на онлайн-голосованиях, расширяет сферу цифрового голосования на любые форматы выборов – неважно, идет речь о выборах в совет церкви или молодежный парламент.

Особым образом внутренняя структура цифровой партисипации проанализирована на примере комплекса национальных программ Шотландии¹⁸. Цифровая стратегия «Меняющаяся нация: как Шотландия будет процветать в цифровом мире» не оставляет сомнений в ориентации цифрового правительства на благополучие людей. Стратегия «Полная реализация потенциала Шотландии в цифровом мире» нацелена на повышение доли населения с цифровыми навыками и развитие отраслей, связанных с цифровыми технологиями. Для решения задачи внедрения цифровых платформ в работу государственных служб создана глобальная сеть SWAN и стандарт обслуживания граждан «Цифровая Шотландия». Основная цель программы «Цифровая идентификация» – установить доверие в ходе цифровых взаимодействий гражданина с правительством и улучшить доступ к государственным услугам, предоставив безопасный способ идентификации личности. Стратегия «Национальная программа действий на местах» призвана поощрять граждан и организации использовать цифровые технологии. «Объединяя Шотландию» – проект по поддержке всех жителей Шотландии для подключения к Интернету¹⁹. Поощрение цифрового творчества также предусмотрено – фонд «Digital Xtra» призван поощрять молодых людей к самовыражению с помощью цифровых технологий. Наконец, «Программа цифровых стипендий первого министра» привлекает высокоэффективных специалистов на государственную службу²⁰.

¹² CitizenLab (2022). 4 reasons why digital participation is easier than you think. Режим доступа: <https://www.citizenlab.co/blog/civic-tech/4-reasons-why-digital-participation-is-easier-than-you-think-2/> (дата обращения: 29.08.2022).

¹³ Digital participation (2022). Engaging diverse and marginalised communities. Режим доступа: <https://digital-participation.eu/> (дата обращения: 31.08.2022).

¹⁴ European Citizen Action Service (2022). Launch: Open Online Course on Digital Participation. Режим доступа: <https://ecas.org/launch-open-online-course-on-digital-participation/> (дата обращения: 28.08.2022).

¹⁵ British Council (2022). Skills for Inclusive Digital Participation. Режим доступа: <https://www.britishcouncil.org/society/skills-inclusive-digital-participation> (дата обращения: 29.08.2022).

¹⁶ Engage.ch (2022). Official website. Режим доступа: <https://www.engage.ch/> (дата обращения: 04.09.2022).

¹⁷ POLYAS vision (2022). Digital democracy. Режим доступа: <https://www.polyas.com/about-polyas/digital-democracy> (дата обращения: 02.09.2022).

¹⁸ Scottish Government (2022). Digital. Режим доступа: <https://www.gov.scot/policies/digital/> (дата обращения: 01.09.2022).

¹⁹ Connecting Scotland (2022). Official website. Режим доступа: <https://connecting.scot/> (дата обращения: 04.09.2022).

²⁰ White D. (2016). Digital Participation and Social Justice in Scotland. Режим доступа: https://d1ssu070pg2v9i.cloudfront.net/pex/pex_carnegie2021/2016/09/09130108/v3-2697-CUKT-Digital-Participation-

Такой подробный обзор позволяет зафиксировать важный момент многоплановости цифровой партисипации как на уровне субъектов, вовлеченных в обеспечение данного процесса, так и на уровне условий технологической, культурной и образовательной среды, необходимых для его реализации. Например, для решения задачи объединения усилий различных субъектов создан австралийский проект «Содействие цифровому участию» с «живыми лабораториями»: здесь происходит сотрудничество граждан, исследователей, организаций, бизнеса, государственных учреждений для решения вопросов цифрового участия в жизни региональных сообществ²¹.

В качестве развития тезиса об условиях цифровой среды рассмотрим вопрос, который также поднимается на всех типах сайтов, посвященных цифровой партисипации, – использование и выбор цифровых платформ. Civic Technology Platform описывается как место взаимодействия местной власти, жителей и бизнеса, позволяющее вместе искать пути решения проблем и обмениваться мнениями²². Она позволяет визуализировать информацию, картографировать проекты, искать единомышленников, запускать социальные инициативы, организовывать краудфандинг и прочее.

Как заявляется²³, возникает необходимость разработки рейтинга платформ, инструкций по их выбору и использованию, чтобы обеспечить политикам, представителям гражданского общества, реформаторам и инициативным деятелям возможность не просто выбрать одну из платформ, но и установить необходимые настройки и обеспечить реализацию нужных функций. В обзоре Глобального центра партисипаторной демократии предлагается набор из 32 платформ, которые разделяются на комплексные (для многофункциональных процессов участия), простые (под конкретную функцию), специализированные (для определенной задачи или страны) и дополнительные²⁴. Оценка платформ осуществлялась по ряду критериев: стоимость использования,

мощность и техническая поддержка, доступные функции (голосование, коллекция идей, анализ настроений и т.д.) и прочее. Все эти показатели дают важный ракурс понимания, что цифровая партисипация невозможна без соответствующих институционализированных инструментов.

Становится очевидным, что рассматривать цифровую партисипацию только как собственно деятельность по участию в общественных процессах в отрыве от характеристик инфраструктуры цифровой среды – не представляется возможным. Компания Deutsche Telekom, работающая в сфере услуг связи, довольно амбициозно утверждает: «Мы даем обществу возможность использовать цифровые технологии»²⁵. При этом их понимание своей миссии в развитии цифровой партисипации вновь имеет расширительный характер и включает три компонента: доступ (развертывание сети высокоскоростного Интернета), доступность (финансово доступные тарифные планы, услуги и пользовательские устройства) и цифровые компетенции как способность и желание использовать цифровые технологии.

Наконец, еще одним важным аспектом цифровой партисипации может выступать ее обратная направленность, когда цифровые технологии позволяют передавать гражданам предложения и пожелания властей и определенным образом поощрять их, формируя механизмы мотивации. Например, проект City points (г. Кашкайш, Португалия) предлагает мобильное приложение, в котором жители получают баллы за определенные практики в области экологического поведения, социальной ответственности, донорства крови и т.п., а затем могут обменять их на билеты на концерты, мероприятия и другое²⁶. Инструменты геймификации популяризируют гражданское участие, создают более тесные связи местного сообщества и власти, поддерживают локальное предпринимательство, привязывая виртуальные схемы и карты геймификации к реальным местам и услугам.

summary.pdf (дата обращения: 04.09.2022).

²¹ *Fostering Digital Participation* (2022). Methodology. Режим доступа: <https://research.qut.edu.au/fdpp/methodology/> (дата обращения: 02.09.2022).

²² SAMSONOWA & Partners. Civic Tech: Как технологии объединяют государство и общество? Режим доступа: <https://www.samsonowa.com/ru/2020/06/02/civic-tech/> (дата обращения: 03.09.2022).

²³ Глобальный центр партисипаторной демократии. Платформы цифрового участия. Режим доступа: <https://ru.peoplepowered.org/digital-participation-platforms> (дата обращения: 01.09.2022).

²⁴ Глобальный центр партисипаторной демократии. Рейтинги платформ. Режим доступа: <https://ru.peoplepowered.org/platform-ratings> (дата обращения: 01.09.2022).

²⁵ Deutsche Telekom (2022). Our action areas – Digital Participation. Режим доступа: <https://www.telekom.com/en/company/digital-responsibility/details/our-action-areas-digital-participation-1008328> (дата обращения: 01.09.2022).

²⁶ Cascais (2022). City points. Режим доступа: <https://www.cascais.pt/citypoints> (дата обращения: 01.09.2022).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Анализ зарубежных источников, проведенный с целью определения концептуальных границ и содержательных характеристик понятия цифровой партисипации, позволяет сделать три принципиально важных вывода: о структуре этой категории, об оценочном компоненте и о направлениях развертывания дебатов.

Внутренние содержательные элементы цифровой партисипации могут быть представлены в виде следующей таблицы.

Вопрос оценочного контекста – один из наиболее важных в обосновании необходимости использования термина «партисипация» вместо понятия «участие». Люди могут участвовать в разнообразных мероприятиях, акциях, объединениях, но нельзя предполагать, что участие – само по себе позитивно направленное явление²⁷. Можно участвовать в экстремистских или деструктивных движениях.

²⁷ Hague C., Williamson B. (August 2009). Digital participation, digital literacy, and school subjects . A review of the policies, literature and evidence // Futurelab. Режим доступа: <https://www.nfer.ac.uk/publications/FUTL08/FUTL08.pdf> (дата обращения: 03.09.2022).

Таблица. Структурная модель цифровой партисипации

Table. Structural model of digital participation

Субъекты	Цели	Условия / факторы
<i>Внецифровая среда</i>		
– правительство; – органы местного самоуправления; – благотворительные и общественные организации; – государственные и муниципальные учреждения; – бизнес; – образовательные учреждения; – исследователи цифровой сферы и гражданского активизма; – СМИ	– рост доступности управления с помощью ИКТ; – обеспечение онлайн-сервисов доступа к информации; – улучшение онлайн-доступа к государственным и бизнес-услугам; – расширение возможностей гражданского участия, демократическое благополучие; – содействие гражданской активности, мобилизация граждан к участию; – внедрение электронного принятия решений; – выявление потребностей и запросов граждан; – инициирование идей и проектов; – содействие внедрению ИКТ в бизнес, образование, повседневные и профессиональные практики; – повышение образовательного уровня населения, сотрудников учреждений	– наличие цифрового правительства; – внедрение цифровых платформ в деятельность государственных, общественных и бизнес структур; – возможность управлять настройками тем, платформ, голосований; – наличие регулярной обратной связи; – объективность получаемых данных; – доступ к передовым цифровым навыкам и технологиям; – эффективность партисипаторной модели; – наличие доступных образовательных курсов по цифровым компетенциям и участию; – наличие условий для открытых и продуктивных инициатив, дебатов и дискуссий
<i>Цифровая среда</i>		
– предприятия сферы ИКТ; – цифровые платформы; – онлайн-сообщества; – ИТ-специалисты; – цифровое товарищество	– разработка стратегических и инновационных технологий; – достижение легкости и доступности использования цифровых технологий всеми категориями граждан; – рост экономической эффективности, прибыли; – построение системы партисипаторной демократии	– развитие отраслей, связанных с цифровыми технологиями; – наличие Civic Technology Platform (платформы гражданских технологий) с различными функциональными возможностями; – развитие онлайн-сообществ; – наличие информационных каналов; – наличие стандартов предоставления цифровых услуг; – обеспечение надежного способа идентификации личности; – развертывание сети «Интернет»; – разнообразие тарифных планов

Окончание табл.

Субъекты	Цели	Условия / факторы
<i>Личностный компонент</i>		
– граждане; – лидеры общественного мнения, инфлюенсеры; – маргинализированные сообщества / группы исключения	– рост личной пользы от использования цифровых технологий; – обеспечение права голоса при принятии решений, которые затрагивают личные интересы; – улучшение общества и решение отдельных проблем; – обеспечение социального равенства и справедливости; – инициирование идей и проектов; – расширение возможностей для самореализации, выполнения гражданского и нравственного долга	– компетенции (образование, цифровые компетенции, критическое мышление, знание цифровых механизмов участия, уверенность в своих компетенциях); – ценности (идентичность, гражданские права); – мотивация (желание участия, убежденность в доступности участия, уверенность в эффективности, стимулы участия); – осведомленность (о проектах, механизмах и результатах участия); – доступ (к цифровым устройствам, к сети «Интернет», к информации, финансовая доступность); – использование (грамотное использование цифровых устройств, готовность применять цифровые технологии для активизма); – участие (внутри цифрового мира, в гражданской активности)

ИКТ – информационно-коммуникационные технологии, ИТ – информационные технологии

Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Значит, определение участия – это вопрос оценочного определения целей и результатов. Партиципация подразумевает сосредоточение внимания на культуре со-участия, достижения общественно важных и коллективно обсужденных целей, основанных на обогащенном общественном мнении, что позволяет утверждать позитивную оценочную компоненту данного понятия.

К области дебатов о цифровой партиципации и, следовательно, потенциальных направлений развития могут быть отнесены следующие вопросы: обеспечение доступности цифровых инструментов и цифровых методов для широкого круга

граждан; набор компетенций необходимых различным категориям для проведения цифровой партиципации; связь онлайн-дискуссии и дебатов с выработкой окончательных решений; проблемы, влияющие на потребление СМИ и на уровень информационной безопасности и информированности граждан, такие как фейковые новости; гарантия поддержки цифровой партиципацией демократии, прав человека и социальной справедливости и другие. Именно они раскрывают поле перспективных исследований цифровой партиципации в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башева О.А. (2020). Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. Т. 6, № 1. С. 41–57. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4>
- Вагин В.В., Петрова И.В. (2020). Влияние гражданской партиципации на эффективность бюджетных расходов // Финансовый журнал. Т. 12, № 6. С. 25–38. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-25-38>

- Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. (2021). Социология цифрового общества: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 226 с.
- Гришаева С.А., Шамаев П.А. (2022). Политическое участие молодежи в цифровой среде // *Цифровая социология*. Т. 5, № 1. С. 25–35. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35>
- Деникин А.А. (2018). К определению термина «партиципация» в контексте современных художественных практик // *Наука телевидения*. Т. 14, № 1. С. 58–79. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.1-58-79>
- Домбровская А.Ю. (2020). Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования) // *Власть*. Т. 28, № 2. С. 51–58. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7134>
- Зотов В.В., Боев Е.И., Василенко Л.А. (2021). Гражданская активность населения в социально-сетевом пространстве региона // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. Т. 11, № 2. С. 203–216.
- Попов А.В. (2022). Особенности цифрового гражданского участия в России и за рубежом // *Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность*. Т. 3, № 1. С. 87–101. <https://doi.org/10.18334/social.3.1.114242>
- Сабурова Л.А., Благодатский Г.А., Стажилоа В.В., Вантрусев П.В. (2021). Факторы социальной мобилизации в интернет-сообществах // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. № 3. С. 156–170. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.3.11>
- Сивоволов Д.Л. (2007). Интернет-сайт как предмет социологического исследования: метод анализа интерактивных документов // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 16. С. 139–143.
- Чернов И.В. (2021). Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // *Гуманитарий Юга России*. Т. 10(47), №1. С. 121–132. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.1.11>
- Шкутина Н.С., Касаткина Н.С. (2019). Партиципативная подготовка студентов педагогических вузов // *Вестник Нижневартковского государственного университета*. № 4. С. 50–57. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/19-4/08>
- Biegelbauer P., Hansen J. (2011). Democratic Theory and Citizen Participation: Democracy Models in the Evaluation of Public Participation in Science and Technology // *Science and Public Policy*. No. 38(8). Pp. 589–597. <https://doi.org/10.3152/030234211X13092649606404>
- Khosrow-Pour M. (2021). *Encyclopedia of Information Science and Technology*. Fifth Edition. Hershey: IGI Global. 1966 p. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-3479-3>
- Seifert A., Rössel J. (2019). Digital Participation // Gu, D., Dupre, M. (eds) *Encyclopedia of Gerontology and Population Aging*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69892-2_1017-1

REFERENCES

- Basheva O. A. (2020), “Digital activism as a new method of civil mobilization”, *Research Result. Sociology and management*, vol. 6, no. 1, pp. 41–57, <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4>
- Biegelbauer P., Hansen J. (2011), “Democratic Theory and Citizen Participation: Democracy Models in the Evaluation of Public Participation in Science and Technology”, *Science and Public Policy*. vol. 38, no. 8, pp. 589–597, <https://doi.org/10.3152/030234211X13092649606404>
- Chernov I.V. (2021), “Digitalization as a Tendency of Development of Modern Society: Specificity of the Scientific Discourse”, *Humanities of the South of Russia*, vol. 10, no. 1, pp. 121–132, <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.1.11>
- Denikin A.A. (2018), “Concerning the definition of a term “participation” in the context of contemporary artistic practices”, *The Art and Science of Television*, vol. 14, no. 4, pp. 58–79, <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.1-58-79>
- Dombrovskaya A.Y. (2020), “Civil Activism of Youth in Modern Russia: Features of its Manifestation in Online and Offline Environments”, *Vlast' (The Authority)*, vol. 28, № 2, pp. 51–58, <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7134>
- Grishaeva S.A., Shamaev P.A. (2022), “Young people’s political participation in the digital environment”, *Digital sociology*, vol. 5, no. 1, pp. 25–35, <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35>
- Khosrow-Pour M. (2021), *Encyclopedia of Information Science and Technology*, 5th edition, IGI Global, Hershey, US, <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-3479-3>
- Popov A.V. (2022), “Features of digital civic engagement in Russia and abroad”, *Social entrepreneurship and corporate social responsibility*, vol. 3, no. 1, pp. 87–101, <https://doi.org/10.18334/social.3.1.114242>
- Saburova L.A., Blagodatsky G.A., Stazhilov V.V., Vantrusov P.V. (2021), “Factors of social mobilization in internet communities”, *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, no. 3, pp. 156–170, <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.3.11>
- Seifert A., Rössel J. (2019), “Digital Participation”, In: Gu, D., Dupre, M. (eds.) *Encyclopedia of Gerontology and Population Aging*, Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-319-69892-2_1017-1

Shkitina N.S., Kasatkina N.S. (2019), “Participative teacher training in pedagogical universities”, *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, no. 4, pp. 50–57, <https://doi.org/10.36906/2311-4444/19-4/08>

Sivovolov D.L. (2007), “Internet site as a subject of sociological research: a method for analyzing interactive documents”, *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 16, pp. 139–143.

Vagin V.V., Petrova I.V. (2020), “The Role of Public Participation in Ensuring the Efficiency of Budget Expenditures”, *Financial Journal*, vol. 12, no. 6, pp. 25–38, <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-25-38>

Vasilenko L., Meshchryakova N. (2021), *Sociology of Digital Society: monograph*, TPU Publishing House, Tomsk, Russia (In Russian).

Zotov V.V., Boev E.I., Vasilenko L.A. (2021), “Civic activity in the region’s socio-network space”, *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, vol. 11, no. 2, pp. 203–216. Available at: https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/archiv/2_2021.pdf (accessed 31.08.2022).

Психологические потребности и мотивация удаленных работников: социологический аспект

УДК 316.354:351/354

DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-15-22

Получено 03.10.2022

Доработано после рецензирования 28.10.2022

Принято 11.11.2022

Пронин Владимир Юрьевич

Индивидуальный предприниматель, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9828-4501

E-mail: proninvlr@yandex.ru

Кривопусков Виктор Владимирович

Д-р социол. наук, канд. филос. наук, проф.

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6070-4067

E-mail: vv_krivopuskov@guu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье приводятся результаты социологического исследования, направленного на выявление особенностей мотивации удаленных работников на основе положений теории самодетерминации. Представляя собой принципиально новую форму организации труда, удаленная работа образует новые условия, в которых решаются многие управленческие проблемы, в том числе проблема мотивации. Онлайн-опрос, проведенный среди российских удаленных работников ($N = 402$), позволил измерить удовлетворенность трех базовых психологических потребностей (в автономии, компетентности и социальной связности) и шести типов мотивации, образующих континуум от амотивации до внутренней мотивации. Согласно полученным результатам, более полное удовлетворение психологических потребностей

создает условия для развития внутренней мотивации удаленных работников, что соответствует положениям теории самодетерминации. Также было обнаружено, что наиболее развитые формы мотивации, а именно идентифицированная регуляция и внутренняя мотивация, по сравнению с другими типами выражены в большей степени. Это может объяснять преимущественно высокую в сравнении с традиционными формами организации труда оценку работниками своего опыта удаленной работы, отмечаемую во многих исследованиях. Статья подтверждает применимость и ценность теории самодетерминации для объяснения особенностей удаленной работы и проектирования оптимальных моделей труда с использованием дистанционного режима.

Ключевые слова

Удаленная работа, удаленные работники, мотивация, психологические потребности, теория самодетерминации, организация труда, управленческие проблемы, управление мотивацией, цифровизация управления, управленческий контроль

Для цитирования

Пронин В.Ю., Кривопусков В.В. Психологические потребности и мотивация удаленных работников: социологический аспект // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 15–22.

Psychological needs and motivation of remote workers: sociological viewpoint

Received 03.10.2022

Revised 28.10.2022

Accepted 11.11.2022

Vladimir Yu. Pronin

Individual Entrepreneur, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9828-4501

E-mail: proninvlr@yandex.ru

Viktor V. Krivopuskov

Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Philos.), Prof.

State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6070-4067

E-mail: vv_krivopuskov@guu.ru

ABSTRACT

The article presents the findings of a sociological study, which uses Self-Determination Theory to describe and explain the motivation of remote workers. Representing a fundamentally different form of labor organization, remote work forms new conditions in which many management problems are solved, including motivation. An online survey conducted among Russian remote workers (N = 402) measured the satisfaction of three basic psychological needs (for autonomy, competence and relatedness) and six types of motivation, forming a continuum from amotivation to intrinsic motivation. According to the results, satisfaction of psychological needs creates conditions

for the development of intrinsic motivation of remote workers, thus supporting Self-Determination Theory. The study also reveals that identified regulation and intrinsic motivation are more pronounced than other types of motivation. This may explain why in many studies remote workers are very positive regarding their remote work experience, in comparison with traditional forms of labor organization. The study thus confirms the applicability and value of Self-Determination Theory for explaining the features of remote work and designing optimal work organization models based on it.

Keywords

Remote work, remote workers, motivation, psychological needs, Self-Determination Theory, organization of labor, managerial problems, motivation management, management control

For citation

Pronin V.Yu., Krivopuskov V.V. (2022) Psychological needs and motivation of remote workers: sociological viewpoint, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 15–22. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-15-22

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Удаленная работа привлекает растущее внимание исследователей в широком спектре социальных наук, а также профессионалов в сфере бизнеса и управления. Несмотря на то что интерес к этой модели организации труда и сопутствующим проблемам начали проявлять уже в 1980-е гг. [Olson, 1983; Olson, 1984], только на рубеже XX-XXI вв. на фоне значительного прогресса в информационных технологиях началось систематическое изучение различных аспектов удаленной работы [Staples, 1996; Westfall, 1997; Cascio, 2000; Nickson, Siddons, 2004; Felstead, Henseke, 2017; Messenger, Chosheh, 2010; Нагибина и др., 2019]. Однако настоящий всплеск интереса вызвала пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 г. и приведшая к вынужденному массовому переводу организаций в режим удаленной работы по всему миру. Драйвером развития удаленной работы стала цифровизация [Конобевцева и др., 2019; Волков и др., 2021]; также удаленная работа оказалась востребованной в условиях трансформации бизнес-процессов, таких как развитие виртуальных организаций [Кручинин 2015]. Результатом стал значительный рост как числа научных публикаций, так и прикладных работ, ориентированных на нужды руководителей бизнеса [Dryselius, Pettersson, 2021; Galanti et al., 2021; Arunprasad et al., 2022]¹, а также эмпирических исследований, проводимых крупными социологическими и маркетинговыми центрами².

Точный смысл понятия «удаленная работа» остается предметом дискуссий, вследствие существенно различающихся подходов к выделению конкретных критериев [Sullivan, 2003], что негативным образом сказывается на методологии исследования тенденций удаленной работы и интерпретации полученных в различных исследованиях результатов. В основе может лежать определение той или иной длительности работы вне помещения организации, различия в локализации выполняемой работы, характер использования информационных технологий. Тем не менее при различных интерпретациях исследователи признают, что широкое использование удаленного режима работы существенным образом меняет условия ведения бизнеса и организационно-управленческие процессы,

заставляя по-новому подходить к решению ключевых проблем. Для изучения вопросов потребностей и мотивации были использованы методы социальной психологии.

Исследования, выполненные в последнее время, показывают, что опыт удаленной работы воспринимается, как правило, позитивным образом, и большинство работников рассматривают полную или частичную работу в дистанционном формате как привлекательный способ организации труда [Dryselius, Pettersson, 2021; Sullivan, 2003]. Это позволяет предположить, что удаленная работа оказывает положительное влияние на трудовую мотивацию. Вместе с тем теоретически обоснованное объяснение мотивационных особенностей удаленной работы на сегодняшний день отсутствует, а большинство исследований носит поверхностный и дескриптивный характер. В ряде работ для объяснения мотивации удаленных работников использовалась теория самоэффективности А. Бандуры [Staples, 2001; Hulland, Higgis, 1999]. Самоэффективность предполагает, что более высокое чувство контроля и уверенность работника в своих силах могут лежать в основе привлекательности удаленной работы. Однако исследования также показали, что уверенность работников в собственных силах, желание и готовность к автономной работе и профессиональному развитию во многом зависят и подкрепляются в ходе межличностного взаимодействия с коллегами и менеджерами (при соответствующем стиле социальных интеракций) [Gatti et al., 2019]. Это позволяет предположить, что объяснение мотивации удаленных работников исключительно на основе самоэффективности является недостаточным.

Альтернативной версией может служить теория самодетерминации (психологический подход, согласно которому человек способен ощущать и реализовывать в своем поведении свободу выбора, а самодетерминация рассматривается как врожденная склонность к вовлечению в интересующее поведение), которая предполагает, что в основе трудовой мотивации могут лежать как внешние факторы, так и внутренние, причем возможность внутренней мотивации зависит от того, в какой мере работа удовлетворяет базовые психологические потребности: в автономии, компетентности и социальной связности [Ryan, Deci, 2000]. В ряде работ теория самодетерминации привлекалась для объяснения мотивации удаленных работников, однако до сих пор систематическая и полная проверка такой возможности не предпринималась [Dryselius, Pettersson, 2021; Earl-Wilcox, 2021; Orsini, Rodrigues, 2020]. Целью

¹ *Harvard Business Review* (2021). Guide to Remote Work. Massachusetts: Harvard Business Review Press, 2021. 224 p.

² *OwlLabs; Global Workplace Analytics* (2021). State of Remote Work 2020. Режим доступа: https://resources.owllabs.com/hubfs/website/sorw/2020/owl-labs_sorw-2020_report-download_FINAL_07oct2020.pdf (дата обращения: 25.09.2022).

настоящего исследования стало обоснование применимости теории самодетерминации для содержательного описания и объяснения трудовой мотивации удаленных работников.

МЕТОДОЛОГИЯ / METHODOLOGY

Исследование было проведено с использованием онлайн-панели независимого поставщика услуг методом онлайн-опроса («Анкетолог»). Респондентам (N = 402), случайно отобранным из общероссийской онлайн-панели численностью более 100 тыс. чел., рассылались приглашения на участие в исследовании. Они заполняли электронную анкету и получали вознаграждение за участие в исследовании. В целевую выборку попадали только работающие люди, имеющие опыт удаленной работы. Респонденты представляют различные регионы России и отрасли, работают в организациях различного типа и форм собственности, что позволяет выявить наиболее общие и универсальные закономерности. Средний возраст респондентов составил 38,5 лет (степень отклонения 10,7), у 97 % трудовой стаж составляет не менее 1 года, опыт удаленной работы у большинства (55,7 %) не превышает нескольких месяцев, у четверти (26,9 %) – больше 1 года. Гендерный состав выборки составил 66,2 % женщин и 33,8 % мужчин. С точки зрения репрезентативности, гендерный дисбаланс и преобладание женщин представляют собой наиболее важное общее ограничение. При конструировании выборки эта проблема может решаться за счет дополнительного квотирования по гендерному признаку, однако в данном исследовании эта возможность не использовалась. Критериями отбора служили трудовой статус и опыт удаленной работы. Детальную характеристику выборки можно видеть в таблице 1.

Инструментарий исследования включал серию вопросов, позволяющих оценить различные аспекты удаленной работы. Его центральным элементом являются две хорошо валидированные шкалы, переведенные на русский язык.

1. Шкала удовлетворенности базовых потребностей, связанных с работой (Work-related Basic Need Satisfaction scale, WBNS), разработанная А. ван ден Бруком с соавторами [Van den Broeck et al., 2010]. Она включает 13 пунктов, измеряющих удовлетворенность трех базовых потребностей: в автономии, компетентности и связности.

2. Многомерная шкала трудовой мотивации (Multidimensional Work Motivation Scale, MWMS), разработанная М. Ганье с соавторами в соответствии с теорией самодетерминации, и является

усовершенствованной методикой для измерения трудовой мотивации (Motivation at Work Scale, MAWS) [Gagne et al., 2015]. В отличие от стандартной модели теории самодетерминации, она оперирует шестью типами регуляции, разбивая внешнюю мотивацию на две части: социальную и материальную. Шкала использует 19 опросных элементов для измерения шести мотивационных переменных: амотивация, внешняя социальная регуляция, внешняя материальная регуляция, интроективная регуляция, интернализованная (идентифицирующая) регуляция, внутренняя мотивация.

Таблица 1. Общая характеристика выборки

Table 1. General characteristics of the sample

Характеристика	Значение
Пол, %	
женский	66,2
мужской	33,8
Средний возраст, лет (степень отклонения)	38,5 (10,7)
Отраслевая принадлежность, %	
торговля и ремонт	16,7
образование	15,2
ИТ и телекоммуникации	11,2
строительство, энергетика, ЖКУ	9,5
финансы	8,7
СМИ, культура, спорт, развлечения	8,7
транспорт, хранение, логистика	6,7
другие категории	42,0
Тип организации, %	
коммерческая компания, частный бизнес	48,3
государственная компания	14,2
бюджетное учреждение	17,2
органы власти, правоохранительные органы	2,5
фриланс, прямая работа с клиентами	10,4
другое / затрудняюсь определить	7,5
Размер организации, %	
менее 10 чел.	13,2
от 10 до 50 чел.	21,9
от 51 до 150 чел.	16,2
от 151 до 500 чел.	20,6
от 501 до 5 000 чел.	15,4
свыше 5 000 чел.	12,7
Общий трудовой стаж, %	
менее 1 года	3,0
от 1 до 3 лет	12,9
от 3 до 10 лет	26,6
от 10 до 20 лет	34,6
более 20 лет	22,9

ИТ – информационные технологии, ЖКУ – жилищно-коммунальные услуги, СМИ – средства массовой информации

Составлено авторами по материалам исследования /
Compiled by the authors on the materials of the study

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ / RESULTS AND DISCUSSION

Использование шкалы WBNS позволило определить степень удовлетворения трех базовых психологических потребностей, которые, согласно теории самодетерминации, лежат в основе внутренней мотивации. Проверка надежности субшкал показала, что все три их русскоязычные версии являются достаточно надежными. Значение альфа Кронбаха (показатель согласованности переменных, состоит из среднего значения корреляции между переменными, входящими в шкалу) составило: для субшкалы «Автономность» – 0,70, для субшкалы «Компетентность» – 0,68, для субшкалы «Социальная связность» – 0,73. Значение альфа Кронбаха 0,7 является достаточно надежным и позволяет использовать полученные шкалы в статистическом анализе.

В среднем по выборке значение удовлетворенности каждой из трех потребностей составило:

- по шкале «Автономность» – 3,2 балла по 5-балльной шкале;
- по шкале «Компетентность» – 4,0 балла;
- по шкале «Социальная связность» – 3,5 балла.

Таким образом, в наибольшей степени удовлетворенной оказалась потребность в компетентности, в наименьшей – в автономии. Однако прямое сравнение степени удовлетворенности различных потребностей не имеет большого смысла, поскольку не учитывает другие действующие факторы, связанные с характером работы или организацией труда. Ряд статистических тестов показал, что пол, возраст и опыт удаленной работы не имеют существенной связи с удовлетворенностью потребностей, хотя больший опыт удаленной работы слабо-положительно связан с удовлетворением потребности в автономии ($\rho = 0,113$, $p = 0,02$). Более важное значение имеет тип

занятости: уровень автономности является наибольшим у независимых профессионалов и фрилансеров, однако для них также характерна наименьшая удовлетворенность потребности в социальной связности. Вместе с тем было выявлено, что модели организации удаленной работы, предполагающие наиболее активный переход к новому формату труда, несколько больше удовлетворяют потребности в автономии и компетентности, чем гибридные модели, сочетающие удаленный и традиционный режимы, но характеризуются также меньшей социальной связностью.

Шкала MWMS использовалась для измерения шести уровней мотивационного континуума. Для всех субшкал, состоящих из 3 пунктов, были получены высокие показатели надежности. Значения альфа Кронбаха, а также средние значения выраженности каждого типа мотивации по 7-балльной шкале представлены в таблице 2.

Результаты показывают преобладание типов мотивации, относящихся к правой стороне мотивационного континуума, то есть в большей степени относящихся к внутренней мотивации и условиям самодетерминации. Это согласуется с имеющимися данными о положительном мотивационном воздействии удаленной работы. Вместе с тем высокое значение показателей вариации свидетельствует о значительном разнообразии удаленных работников с точки зрения структуры мотивации.

Одно из ключевых положений теории самодетерминации заключается в том, что условия для внутренней мотивации возникают при удовлетворении базовых психологических потребностей. Для проверки этой гипотезы применительно к удаленным работникам были рассчитаны коэффициенты корреляции между типами мотивов и удовлетворением трех психологических потребностей, а также их суммы, обозначенной как «интегральная» потребность.

Таблица 2. Надежность шкал и среднее значение выраженности различных типов трудовой мотивации удаленных работников

Table 2. Scales reliability and the remote workers' various types of labor motivation severity average value

Тип мотивации	Надежность шкалы, альфа Кронбаха	Выраженность мотива	
		Среднее значение	Степень отклонения
Амотивация	0,80	2,5	1,6
Внешняя социальная регуляция	0,80	3,9	1,6
Внешняя материальная регуляция	0,81	4,4	1,6
Интроективная регуляция	0,77	4,3	1,5
Идентифицированная регуляция	0,85	5,0	1,5
Внутренняя мотивация	0,91	4,9	1,6

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Полученные результаты позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, характер связи между потребностями и мотивацией среди удаленных работников хорошо согласуется с результатами, полученными в ходе исследований других социальных групп [Gagne et al., 2015]. Амотивация отрицательно связана со всеми тремя потребностями, а два наиболее развитых типа мотивации, наоборот, связаны с ними наиболее сильно и положительным образом, причем значения связи выше для внутренней мотивации. Кроме того, внешняя мотивация в основном не связана с психологическими потребностями, а интроективная связана с компетентностью и связностью, и в меньшей степени – с автономностью. В целом, изменение направления и силы связи между потребностями и мотивами при движении от одной стороны мотивационного континуума к другой соответствует логике теории самодетерминации. Это может служить подтверждением как самой теории самодетерминации, так и ее применимости к удаленной работе.

Во-вторых, обращает на себя внимание отсутствие значимой связи между удовлетворением психологических потребностей и внешней регуляцией. То есть применение внешних стимулирующих механизмов не решает задачу удовлетворения психологических потребностей и может даже вредить им, по крайней мере, в отношении автономии, а следовательно – негативно сказываться на возможности самодетерминации. С практической точки зрения это означает, что создание условий для внутренней мотивации и настройка внешней системы вознаграждения должны рассматриваться как две относительно независимые управленческие задачи.

В-третьих, для удаленных работников психологические потребности вносят неодинаковый вклад во внутреннюю мотивацию. Наибольшее значение имеет потребность в автономии, наименьшее – в связности. Это соотносится с существенными особенностями удаленной работы, которые способствуют самостоятельному выполнению трудовых задач и при этом предоставляют очень ограниченные возможности для развития социальных связей.

В-четвертых, интегральное значение психологических потребностей связано с внутренней мотивацией сильнее, чем отдельные потребности. Это показывает комплексный характер воздействия удовлетворения психологических потребностей на трудовую мотивацию. Прикладной смысл этого факта заключается в том, что

создание условий для удовлетворения всех трех потребностей проявляет дополнительный синергетический эффект, положительно влияющий на внутреннюю мотивацию.

Таким образом, теория самодетерминации является эффективным средством для описания и объяснения трудовой мотивации удаленных работников. Она позволяет выявлять ее сложную внутреннюю структуру и связь с различными организационными факторами и эффектами, а также сравнивать различные модели организации труда с точки зрения условий самодетерминации, позволяя определить оптимальный способ организации труда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Удаленная работа представляет собой контекст трудовой деятельности, существенно отличающийся от традиционных форм организации труда, как индустриального, так и в сфере услуг. С организационно-управленческой точки зрения, одной из главных особенностей является отсутствие прямого рутинного контроля над работниками со стороны руководителей. Это может восприниматься как проблема и приводить к поиску решений, направленных на восстановление контроля, например, путем внедрения электронных средств учета. У таких решений, однако, имеется множество негативных побочных последствий, альтернативой чему могут стать стратегии, основанные на создании условий для внутренней мотивации. Теория самодетерминации позволяет определить, каким условиям должна соответствовать работа, чтобы труд удаленных работников был производительным и ответственным. Компании, создающие условия для удовлетворения психологических потребностей в автономии, компетентности и социальной связности, получают преимущество в виде высокой внутренней мотивации удаленной работы. При этом существенные особенности удаленной работы содержат в себе как предпосылки для удовлетворения потребностей, прежде всего, в автономии, так и потенциальные проблемы, связанные с сокращением социальных связей. Теория самодетерминации представляет собой ценный и перспективный инструмент для понимания того, какие модели организации труда с применением дистанционного формата работы могут оказаться наиболее благоприятными для развития внутренней мотивации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков Ю.Г., Кривошусов В.В., Курбатов В.И. (2021). Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тренды международной миграции // *Цифровая социология*. Т. 4, № 4. С. 102–108. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-102-108>
- Заполева Е.О., Симонова А.А., Путь В.В. (2022). Социологический анализ удаленной работы как нового формата современной занятости населения России // *Цифровая социология*. Т. 5, №3. С. 68–70. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-3-68-75>
- Конобевцев Ф.Д., Лаас Н.И., Гурова Е.В., Романова И.А. (2019). Удаленная работа: технологии и опыт организации // *Вестник университета*. № 7. С. 9–17. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-9-17>
- Кручинин С.В. (2015). Удаленная работа как новая форма экономической активности населения // *Научные дискуссии: Тенденции и перспективы развития современного общества*. № 3. С. 62–64.
- Нагибина Н.И., Имамутдинова О.Р., Дятлова А.А. (2019). Удаленная работа: эволюция, анализ, перспективы // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. Т. 8, № 4. С.50–59. https://doi.org/10.12737/article_5d7b93e6a4a726.48395170
- Arunprasad P., Dey C., Jebli F. et al. (2022). Exploring the remote work challenges in the era of COVID-19 pandemic: Review and application model // *Benchmarking: An International Journal*. V. 29, no. 10. Pp. 3333–3355. <https://doi.org/10.1108/BIJ-07-2021-0421>
- Cascio W.F. (2000). Managing a virtual workplace // *Academy of Management Executive*. V. 14, no. 3. Pp. 81–90.
- Dryselius A., Pettersson J. (2021). Understanding the threats and opportunities to motivation during enforced remote work. Stockholm: KTH Royal Institute of Technology. 57 p.
- Earl-Wilcox K.A. (2021). Autonomy and Engagement as Intrinsic Motivation Factors for Remote Workers. PhD Dissertation. Phoenix: Grand Canyon University.
- Felstead A., Henseke G. (2017). Assessing the growth of remote working and its consequences for effort, well-being and work-life balance // *New Technology, Work and Employment*. V. 32, no. 3. Pp. 195–212. <https://doi.org/10.1111/ntwe.12097>
- Gagne M., Forest J., Vansteenkiste M. et al. (2015). The Multidimensional Work Motivation Scale: validation evidence in seven languages and nine countries // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. V. 24, no. 2. Pp. 178–196. <http://dx.doi.org/10.1080/1359432X.2013.877892>
- Galanti T., Guidetti G., Mazzei E. et al. (2021). Work from home during the COVID-19 outbreak: The impact on employees' remote work productivity, engagement, and stress // *Journal of occupational and environmental medicine*. V. 63(7). P. e426–e432. <https://doi.org/10.1097%2FJOM.0000000000002236>
- Gatti P., Bligh M.C., Cortese C.G. (2019). When a leader job resource can be ambivalent or even destructive: independence at work as a double-edged sword // *Plos One*. V. 14, no.5. Art. num. e0217482. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0217482>
- Messenger J.C., Ghosheh N. (2010). Offshoring and Working Conditions in Remote Work. New York: Palgrave Macmillan. 282 p.
- Nickson D., Siddons S. (2004). Remote Working: Linking People and Organizations. Burlington: Elsevier Butterworth-Heinemann. 215 p.
- Olson M.H. (1983). Remote office work: changing patterns in space and time // *Communications of the ACM*. V. 26, no. 3. Pp. 182–187. <https://doi.org/10.1145/358061.358068>
- Olson M.H., Primps S.B. (1984). Working at home with computers: work and nonwork issues // *Journal of Social Issues*. V. 40, no. 3. Pp. 97–112. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1984.tb00194.x>
- Orsini C., Rodrigues V. (2020). Supporting motivation in teams working remotely: the role of basic psychological needs // *Medical Teacher*. V. 42, no. 7. P. 828–829. <https://doi.org/10.1080/0142159x.2020.1758305>
- Ryan R., Deci E. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. V. 55, no. 1. Pp. 68–78. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.55.1.68>
- Staples D.S. (1996). Management of remote workers: an information technology perspective. PhD Dissertation. London, Ontario: The University of Western Ontario.
- Staples D.S. (2001). A study of remote workers and their differences from non-remote workers // *Journal of End-User Computing*. V. 13, no. 2. Pp. 3–14. <https://doi.org/10.4018/joeuc.2001040101>
- Staples D.S., Hulland J.S., Higgs C.A. (1999). A self-efficacy theory explanation for the management of remote workers in virtual organizations // *Organization Science*. V. 10, no. 6. Pp. 758–776. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1998.tb00085.x>
- Sullivan C. (2003). What's in a name? Definitions and conceptualisations of teleworking and homeworking // *New Technology Work and Employment*. V. 18, no. 3. Pp. 158–165. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-005X.00118>
- Van den Broeck A., Vansteenkiste M., De Witte H. et al. (2010). Capturing autonomy, competence, and relatedness at work: construction and initial validation of the Work-related Basic Need Satisfaction scale // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. V. 83. Pp. 981–1002. <http://dx.doi.org/10.1348/096317909X481382>
- Westfall R.D. (1997). Remote work: a conceptual perspective on the demand for telecommuting: PhD Dissertation. Ann Arbor: University of Michigan.

REFERENCES

- Arunprasad P., Dey C., Jebli F. et al. (2022), "Exploring the remote work challenges in the era of COVID-19 pandemic: Review and application model", *Benchmarking: An International Journal*, vol. 29, no. 10, pp. 3333–3355, <https://doi.org/10.1108/BIJ-07-2021-0421>
- Cascio W.F. (2000), "Managing a virtual workplace", *Academy of Management Executive*, vol. 14, no. 3, pp. 81–90.
- Dryselius A., Pettersson J. (2021), *Understanding the threats and opportunities to motivation during enforced remote work*. KTH Royal Institute of Technology, Stockholm, Sweden.
- Earl-Wilcox K.A. (2021), *Autonomy and Engagement as Intrinsic Motivation Factors for Remote Workers*, PhD Dissertation. Grand Canyon University, Phoenix, US.
- Felstead A., Henseke G. (2017), "Assessing the growth of remote working and its consequences for effort, well-being and work-life balance", *New Technology, Work and Employment*, vol. 32, no. 3, pp. 195–212, <https://doi.org/10.1111/ntwe.12097>
- Gagne M., Forest J., Vansteenkiste M. et al. (2015), "The Multidimensional Work Motivation Scale : validation evidence in seven languages and nine countries", *European Journal of Work and Organizational Psychology*, vol. 24, no. 2, pp. 178–196, <http://dx.doi.org/10.1080/1359432X.2013.877892>
- Galanti T., Guidetti G., Mazzei E. et al. (2021), "Work from home during the COVID-19 outbreak: The impact on employees' remote work productivity, engagement, and stress", *Journal of occupational and environmental medicine*, vol. 63(7), pp. e426–e432, <https://doi.org/10.1097%2FJOM.0000000000002236>
- Gatti P., Bligh M.C., Cortese C.G. (2019), "When a leader job resource can be ambivalent or even destructive: independence at work as a double-edged sword", *Plos One*, vol. 14, no.5, art. num. e0217482, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0217482>
- Konobevtsev F., Laas N., Gurova E., Romanova I. (2019), "Remote work: technologies and experience of the organization", *Vestnik Universiteta*, no. 7, pp. 9–17, <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-9-17>
- Kruchinin S.V. (2015), "Remote work as a new form of economic activity of the population", *Scientific discussions*, vol. 3, pp. 62–64.
- Messenger J.C., Ghosheh N. (2010), *Offshoring and Working Conditions in Remote Work*, Palgrave Macmillan, New York, US.
- Nagibina N.I., Imamutdinova O.R., Dyatlova A.A. (2019), "Remote work: evolution, analysis, prospects", *Management of the personnel and intellectual resources in Russia*, vol. 8, no. 4, pp. 50–59, https://doi.org/10.12737/article_5d7b93e6a4a726.48395170
- Nickson D., Siddons S. (2004), *Remote Working: Linking People and Organizations*, Elsevier Butterworth-Heinemann, Burlington, US.
- Olson M.H. (1983), "Remote office work: changing patterns in space and time", *Communications of the ACM*, vol. 26, no. 3, pp. 182–187, <https://doi.org/10.1145/358061.358068>
- Olson M.H., Primps S.B. (1984), "Working at home with computers: work and nonwork issues", *Journal of Social Issues*, vol. 40, no. 3, pp. 97–112, <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1984.tb00194.x>
- Orsini C., Rodrigues V. (2020), "Supporting motivation in teams working remotely: the role of basic psychological needs", *Medical Teacher*, vol. 42, no. 7, pp. 828–829, <https://doi.org/10.1080/0142159x.2020.1758305>
- Ryan R., Deci E. (2000), "Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being", *American Psychologist*, vol. 55, no. 1, pp. 68–78, <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.55.1.68>
- Staples D.S. (1996), *Management of remote workers: an information technology perspective*, PhD Dissertation. The University of Western Ontario, Ontario, Canada.
- Staples D.S. (2001), "A study of remote workers and their differences from non-remote workers", *Journal of End-User Computing*, vol. 13, no. 2, pp. 3–14, <https://doi.org/10.4018/joeuc.2001040101>
- Staples D.S., Hulland J.S., Higgs C.A. (1999), "A self-efficacy theory explanation for the management of remote workers in virtual organizations", *Organization Science*, vol. 10, no. 6, pp. 758–776, <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1998.tb00085.x>
- Sullivan C. (2003), "What's in a name? Definitions and conceptualisations of teleworking and homeworking", *New Technology Work and Employment*, vol. 18, no. 3, pp. 158–165, <http://dx.doi.org/10.1111/1468-005X.00118>
- Van den Broeck A., Vansteenkiste M., De Witte H. et al. (2010), "Capturing autonomy, competence, and relatedness at work: construction and initial validation of the Work-related Basic Need Satisfaction scale", *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, vol. 83, pp. 981–1002, <http://dx.doi.org/10.1348/096317909X481382>
- Volkov Yu.G., Krivopuskov V.V., Kurbatov V.I. (2021), "Digital migrants and digital diaspora: new problems and trends of international migration", *Digital Sociology*, vol. 4, no. 4, pp. 102–108, <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-102-108>
- Westfall R.D. (1997), *Remote work: a conceptual perspective on the demand for telecommuting*: PhD Dissertation. University of Michigan, Ann Arbor, US.
- Zapoleva E.O., Simonova A.A., Pit V.V. (2022), "Sociological analysis of remote work as a new format of current population employment in Russia", *Digital Sociology*, vol. 5, no. 3, pp. 68–75, <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-3-68-75>

Социальное исключение как побочный эффект механизмов нейрообучения

УДК 316.455 DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-23-30

Получено 13.09.2022

Доработано после рецензирования 13.10.2022

Принято 27.10.2022

Тертышникова Анастасия Геннадьевна

Канд. социол. наук, ст. преп. каф. социологии
 Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия
 ORCID: 0000-0001-5873-9850
 E-mail: tertyshnikova_ag@pfur.ru

Павлова Ульяна Олеговна

Студент
 Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия
 ORCID: 0000-0003-0437-6438
 E-mail: 1032192397@pfur.ru

Цимбал Мария Владимировна

Студент
 Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия
 ORCID: 0000-0002-2028-0930
 E-mail: 1132223166@pfur.ru

АННОТАЦИЯ

В условиях развития нейросетевых технологий и внедрения их в процессы принятия решений на уровне таких значимых социальных институтов, как здравоохранение, образование, трудоустройство и других, встает вопрос о корректности использования искусственного интеллекта в подобной деятельности. Основная цель работы – рассмотреть возникновение и воспроизводство социального исключения, неравенства и дискриминации в обществе как результат процесса нейрообучения. Под нейрообучением понимаются принципы обучения любых нейронных сетей. Социальная эксклюзия и вытекающая из нее дискриминация в решениях, принимаемых искусственным интеллектом, рассматривается как последствие принципов обработки больших данных. Обозреваются теории зарубежных и российских авторов, затрагивающие влияние искусственного интеллекта на укрепление существующего социального

порядка, а также проблемы с обработкой и интерпретированием данных для обучения на них компьютерных систем. Кроме того, приводятся реальные ситуации, в которых специфика самих данных и их интерпретация привели к усилению неравенства и эксклюзии. В связи со схожестью функционирования естественных и искусственных нейросетей делается вывод об источниках социального исключения и стигматизации в обществе. Высказывается предположение, что именно принципы нейрообучения в «естественном» обществе ведут не только к дискриминации на макроуровне, но и обуславливают негативные реакции по отношению к представителям эксклюзивированных групп, например, межнациональную ненависть, гомофобию, сексизм и прочее. Поднимается вопрос о возможности изучения «естественного» общества в сравнении с «искусственным».

Ключевые слова

Социальное неравенство, эксклюзия, искусственный интеллект, нейронные сети, дискриминация, большие данные, алгоритмы, смещение данных

Для цитирования

Тертышникова А.Г., Павлова У.О., Цимбал М.В. Социальное исключение как побочный эффект механизмов нейрообучения // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 23–30.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках НИР № 100929-0-000 «Феномен эксклюзии в современном обществе (на основе мнений студентов московских вузов)»

© Тертышникова А.Г., Павлова У.О., Цимбал М.В., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Social exclusion as a side effect of machine learning mechanisms

Received 13.09.2022

Revised 13.10.2022

Accepted 27.10.2022

Anastasiya G. Tertyshnikova

Cand. Sci. (Sociol.), Senior Lecturer at the Sociology Department
RUDN university, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5873-9850

E-mail: tertyshnikova_ag@pfur.ru

Ul'yana O. Pavlova

Student

RUDN university, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0437-6438

E-mail: 1032192397@pfur.ru

Mariya V. Cimbali

Student

RUDN university, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2028-0930

E-mail: 1132223166@pfur.ru

ABSTRACT

The development of neural network technologies leads to their integration in decision-making processes at the level of such important social institutions as healthcare, education, employment, etc. This situation brings up the question of the correctness of artificial intelligence decisions and their consequences. The aim of this work is to consider the origin and replication of social exclusion, inequality and discrimination in society as a result of neurotraining. Neurotraining understood as the principles of any neural networks' training. Social exclusion and the resulting discrimination in decisions made by artificial intelligence is considered as a consequence of the big data processing principles. The authors review the theories of foreign and Russian authors concerning the impact of artificial intelligence on strengthening the existing social order, as well

as problems with processing and interpreting data for training computer systems on them. Real situations of the specifics of the data itself and its processing that have led to increased inequality and exclusion are also given. The conclusion about the sources of social exclusion and stigmatization in society is made due to the similarity between natural and artificial neural networks functioning. The authors suggest that it is the principles of neurotraining in a "natural" society that lead not only to discrimination at the macro level, but also cause vivid negative reactions towards representatives of the exclusive groups, for example, interethnic hatred, homophobia, sexism, etc. The question about the possibility of studying "natural" society in comparison with "artificial" one is raised.

Keywords

Social inequality, exclusion, artificial intelligence, neural networks, discrimination, big data, algorithms, data bias

For citation

Tertyshnikova A.G., Pavlova U.O., Cimbali M.V. (2022) Social exclusion as a side effect of machine learning mechanisms, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 23–30. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-23-30

Acknowledgements

The article is a part of research work No. 100929-0-000 "The phenomenon of exclusion in modern society (based on the opinions of students of Moscow universities)".

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Неравенство – одна из старейших проблем социальных наук и, в частности, социологии. Понятие неравенства включает в себя множество иерархических систем, влияющих друг на друга, а также на социальные институты и на отдельно взятых индивидов в контексте всего общества. Частные и институциональные случаи неравенства становятся причиной социальных конфликтов, ведущих к изменениям различного масштаба. Часто на вопрос о том, возможно ли общество без неравенства, дается отрицательный ответ.

Неравенство, как правило, подкрепляется негативными эмоциями, которые, в свою очередь, на индивидуальном уровне связаны с макроуровневыми стигматизацией и дискриминацией. Можно предположить, что такого рода эмоции по отношению к представителям определенной социальной группы (как правило, отличной от той, к которой принадлежит субъект эмоциональной реакции) – своего рода механизм закрепления макросистемы на уровне микровзаимодействий.

Однако сама причина возникновения негативных реакций по отношению к той или иной группе далеко не всегда очевидна. Во-первых, социальное неравенство как способ упорядочения социальных систем само по себе не требует эмоционального подкрепления. Во-вторых, формирование негативных эмоций требует от индивидов определенного опыта научения, даже если эта реакция в целом иррациональна. Таким образом, мы подходим к теме социальной эксклюзии.

ЭКСКЛЮЗИЯ КАК ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ, ВОСПРОИЗВОДИМЫЙ ДОМИНАНТНОЙ ГРУППОЙ / EXCLUSION AS A WAY OF THINKING, REPRODUCED BY THE DOMINANT GROUP

На момент возникновения термин «эксклюзия» определял широкий круг различных категорий людей, не вписывающихся в стереотип «правильного» члена общества: психически больные, инвалиды, беспризорные дети и дети-сироты, алко- и наркозависимые, правонарушители, родители-одиночки, маргинальные асоциальные и социальные лица и прочие. Обоснованием для включения этих и других групп в список исключенных часто являлось финансовое положение, возможность доступа к материальным ресурсам [Rodgers, Gore, 1994].

Со временем, однако, термин стал обозначать общий процесс социальной дезинтеграции, характеризующийся разрывом отношений между

личностью или группой и обществом. Связано это, в основном, с неприятием социумом групп, которые как-либо отклоняются от действующей нормы.

Эксклюзия не тождественна дискриминации и стигматизации, однако все эксклюзированные группы воспринимаются так или иначе обобщенно: каждый индивид, относящийся к исключенной группе, будет ассоциироваться прежде всего именно с ней.

Группы, владеющие большей частью ресурсов (будучи большинством или по каким-либо другим причинам), имеют возможность конструировать понятие общесоциальной нормы. Явления, образы, паттерны поведения, свойственные большинству, постоянно перевоспроизводятся и попадают в поле зрения индивидов, что приводит к маркировке их как «нормальных» из-за постоянного присутствия в информационном пространстве большинства [Иванова, 2011].

Соответственно, отраженные в культуре нормы и общности знакомы индивидам более подробно. Такие элементы достаточно привычны, гуманизированы: индивиды в них чаще воспринимаются как отдельные и уникальные личности. В свою очередь то, что оказывается исключено из инфополя преимущественно или целиком, воспринимается как однородное, абнормальное, нежелательное.

Группы, не репрезентированные в доминирующей культуре как нормальные, стигматизируются – подвергаются своего рода «клеимлению», навешиванию ярлыков. Индивидуальные качества членов таких групп для удобства восприятия большинством упрощаются до набора предубеждений [Ярская-Смирнова, 1997].

Представитель эксклюзированной группы, в первую очередь, воспринимается именно как часть этого общего – воплощение набора ярлыков и предубеждений, с этой группой связанных. Это определенным образом влияет на поведение индивидов, относящихся к меньшинству, так как каждый отдельно взятый воспринимается доминирующей культурой как репрезентация всей эксклюзированной общности целиком, а значит и все его действия, в особенности оцениваемые обществом как негативные и порицаемые, закрепляются как свойственные всем представителям этой группы [Гофман, 1963].

Свою роль играет эффект предвзятости подтверждения, из-за которого в том случае, если индивид соответствует стереотипу об эксклюзированной группе, это воспринимается как подтверждение правомерности стереотипа, а если индивид не соответствует заданным ожиданиям, то его поведение и характеристики считаются исключением, подтверждающим правило.

Не имея достаточного количества ресурса, чтобы самостоятельно репрезентовать себя в доминантной культуре в качестве равноценной общности, «абнормальная» группа и ее представители становятся исключены из доминирующей культуры – эксклюзирваны.

Соответственно, эксклюзия – своего рода устойчивый образ мышления, воспроизводимый доминантной культурой. При этом такое положение вещей возникает естественным образом. Социальное исключение – продукт ежедневной жизнедеятельности общества и индивидов в нем. Выражение субъективного опыта членов доминантной группы постепенно становится подавляющим, институционализируется и приобретает характер нормы, вытесняя альтернативные интерпретации социальной реальности. Так как человек считает нормальным и безопасным то, что постоянно воспринимает, и считает неправильным и отталкивающим то, с чем сталкивается изредка, последнее в этом случае начинает восприниматься как девиантное.

Итак, речь идет о том, что человеческая психика учится воспринимать социальную реальность определенным образом в соответствии с доступными ей данными и принципами обучения, что приводит к конкретным эмоциональным реакциям на те или иные социальные явления. В таком случае, эксклюзия должна будет воспроизводиться и в других системах со схожими принципами обучения. Такой системой является так называемый искусственный интеллект (далее – ИИ).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИОТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ / THEORETICAL ASPECT OF THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE FUNCTIONING IN SOCIOTECHNICAL SYSTEMS

Нейронная сеть или искусственная нейронная сеть – электронно-вычислительная машина пятого поколения, функционирующая сходно естественной нервной системе и способная благодаря этому имитировать мышление, из-за чего иногда также называется искусственным интеллектом [Васенков, 2007].

Изучение специфики работы искусственных нейросетей позволило сделать выводы и об особенностях функционирования нервной системы животных, в том числе и человеческого мозга. На настоящий момент подобные системы стали предметом исследования ряда социальных и гуманитарных наук, в том числе в сферах антропологии, коммуникации, социологии и права.

ИИ представляет собой алгоритм, который с высокой точностью обобщает данные. На основе выявленных закономерностей он может самостоятельно анализировать и принимать решения. Однако он не способен оценивать и корректировать результаты с точки зрения норм морали: принимаемые решения зависят исключительно от тех числовых массивов, на которых проводилось обучение нейросети.

В свою очередь, социологический взгляд на данные в целом подразумевает гуманистическое их восприятие: понимание того, что за ними скрываются множественные социальные явления, процессы, субъективные значения и смыслы. Соответственно, и решения, принимаемые на их основе, будут иметь реальные социальные последствия, формировать социальную реальность и жизнедеятельность индивидов в ней.

Социологическое понимание такого рода поливалентности числовых массивов важно, поскольку некорректное их использование в алгоритмических системах может привести к воспроизводству и, возможно, даже усилению ранее существовавшего социального неравенства.

Исследования показали, что системы данных не представляют собой нейтральный числовой массив, в них содержатся смыслы, включенные в их конструкции. Это привело к тому, что фундаментальная объективность, которую приписывали алгоритмам, стала рассматриваться как спорная [Wajcman, 2017]. Данный факт способствовал повышению числа исследований в области ИИ. Сейчас можно сделать вывод о том, что ИИ, обучающийся на данных, которые содержат в себе неравенство и стигматизацию, укрепляет их институциональный статус и усиливает эксклюзию.

Так, С. Ноубл одной из первых сосредоточилась на структурных, интерсекциональных измерениях неравенства и алгоритмов [Noble, 2018]. Она опиралась на исследование феминистского движения, чтобы показать, как поисковая система Google воссоздает сексизм и расизм, присутствующие повседневно жизни. Социолог продемонстрировала, что точка зрения сотрудников Google влияет на их решения о том, что считать расистским или сексистским.

Исследователь отметила, что Google уделяет приоритетное внимание ранжированию информации и поисковым системам, создавая то, что получило название «технологическая красная черта». Данная концепция иллюстрирует, что расизм, из-за которого банки обращаются с темнокожими клиентами иначе, чем с другими, все еще повсеместно воспроизводится на практике,

хотя и в новых формах, в том числе посредством ИИ. Так, в отличие от предполагаемой нейтральности результатов поиска Google, угнетение и неравенство замешаны и усиливаются в решениях, которые их производят.

Обращая внимание на структурные, глобальные аспекты ИИ, Т. Макмиллан Коттом утверждал, что платформенный капитализм – это расовый капитализм, в котором программное обеспечение составляет социально-политические режимы, производящие новые формы валюты – данные – и новые формы обмена (например, криптовалюта), и структурирует новые организационные механизмы между владельцами, работниками и потребителями, которые выходят за рамки национальных границ [McMillan Cottom, 2020]. Хотя корпорации, производящие системы искусственного интеллекта, уверяют, что алгоритмы или пользователи платформ виноваты в создании расистских и сексистских результатов, эту информацию можно опровергнуть. Социологические исследования иллюстрируют, что именно разработчик по заказу компании принимает решения на каждом этапе процесса кодирования. Стремление корпораций держать процессы в секрете для защиты интеллектуальной собственности и отвлечения внимания в сочетании с отсутствием государственного и гражданского надзора позволяет принимать такие решения вне поля зрения общественности.

С другой стороны, проблема принятия решений состоит не только в «дискриминирующих» данных, но также затрагивает некорректное их использование и интерпретацию. Т. Круз в своих работах обратил внимание на то, что происходит, когда социальные и поведенческие факторы добавляются в истории болезни пациентов в крупной государственной больнице [Cruz, 2020]. Социолог доказывает, что такие домены как гендер, здоровье, раса, и пол связаны между собой, кроме того, они в совокупности являются частью понимания социальных детерминант состояния пациента. Автор разрушает идею о том, что «другие данные» об обществе, более качественные, приведут к более справедливому распределению ресурсов в области здравоохранения. Обращая внимание на необходимость структурных изменений помимо сбора данных, ученый пишет: «Чтобы действительно добиться справедливости, нам нужно больше чем «просто данные»: нам нужно противостоять фундаментальным условиям социального неравенства».

Российские социологи Т. Мартыненко и Д. Добринская [2020] рассматривают алгоритм как сложную систему, возникающую в результате

взаимодействия технологии и человека. Социальная значимость алгоритмов раскрывается авторами через описание социальных явлений и процессов, движущей силой которых являются алгоритмические системы. Эти системы включают в себя не только сами алгоритмы, но и вычислительные сети, в которых они функционируют, людей, которые их проектируют и используют, данные (и пользователей), на которые они воздействуют, а также субъектов (индивидуальных и корпоративных), которые предоставляют услуги с помощью алгоритмов. Здесь на первый план выходят вопросы ответственности за разработку и внедрение алгоритмов, а также проблема контроля над результатами их работы, зачастую непреднамеренными и непрогнозируемыми.

РАССМОТРЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕАЛЬНОСТИ / CONSIDERING INEQUALITY THROUGH THE PRISM OF REALITY

Все чаще признается, что системы ИИ предвзяты, особенно это касается расовых и гендерных признаков. Так, недавняя разработка алгоритма Amazon для сортировки резюме продемонстрировала гендерные предубеждения, понизив в списках резюме, которые содержали слово «женщина» или ссылку на женские колледжи. Поскольку алгоритм был обучен на исторических данных и в компании работал большой процент мужчин, что объясняет дискриминацию, он в итоге не мог быть исправлен и должен был быть отброшен¹.

Расовую предвзятость алгоритма можно также наблюдать в области здравоохранения. ИИ, который используется в медицинских центрах, лечащих более чем 200 млн граждан США, также продемонстрировал дискриминацию². Алгоритм был разработан, чтобы предсказать, какие пациенты вероятнее будут нуждаться в дополнительной медицинской помощи, однако затем выяснилось, что он давал ошибочные результаты, которые советовали назначать лечение белокожим пациентам, обходя темнокожих. Разработчики алгоритма использовали базу расходов на здравоохранение за предыдущие годы в качестве базы данных, на которой происходило обучение. Это была неверная интерпретация

¹ *Dastin J.* (Thursday 11 October 2018). Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women // Reuters. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight-idUSKCN1MK08G> (дата обращения 10.09.2022).

² *Ledford H.* (Thursday 24 October 2019). Millions of black people affected by racial bias in health-care algorithms // Nature. Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-03228-6> (дата обращения: 10.09.2022).

исторических данных, потому что доход и раса являются сильно коррелирующими показателями, и выводы, основанные только на одной переменной коррелированных показателей, привели к тому, что алгоритм предоставил неточные результаты.

Другой случай дискриминации – на этот раз в отрасли медиаплатформ – был зарегистрирован в социальной сети Facebook³. В 2019 г. платформа разрешила своим рекламодателям намеренно таргетировать рекламу в соответствии с полом, расой и религией. Например, женщинам показывали вакансии медсестер или секретарей, тогда как объявления о вакансиях для дворников и водителей такси в основном показывались мужчинам, в частности мужчинам из меньшинств. В результате, руководством Facebook было принято решение в дальнейшем не позволять работодателям указывать возраст, пол или расовый таргетинг в своих объявлениях⁴.

Некоторые проблемы, связанные с предвзятостью и расизмом, наблюдались и в уже упоминавшейся ранее корпорации Google. В 2015 г. алгоритм распознавания изображений предоставил результаты, в которых приложение идентифицировало африканцев как горилл. Google извинился за это и заявил, что технологии распознавания изображений все еще находятся на ранней стадии, но они решают проблему. Если у такой мощной и технологически продвинутой компании, как Google, могут возникать подобные проблемы, нетрудно представить сотни тысяч других предприятий, которые создают программное обеспечение и приложения на базе ИИ без такого опыта. Это хорошее напоминание о том, как трудно обучить программное обеспечение ИИ быть последовательным и надежным⁵.

Несмотря на явную ненадежность ИИ, за последние два десятилетия инструменты оценки риска прогнозирования использовались для определения судеб миллионов людей в системе уголовного правосудия. Решения о том, будет

ли обвиняемый задержан до суда или освобожден условно-досрочно, принимались на основе алгоритмического расчета риска. Технология была принята судами и политиками, а один законопроект Конгресса США зашел так далеко, что призвал к внедрению систем оценки рисков в каждой федеральной тюрьме. Однако в 2018 г. исследователи Д. Дрессель и Х. Фарид опубликовали свой отчет: широко используемый инструмент оценки риска под названием COMPAS показывал ошибочные результаты практически в половине случаев. Поскольку точность COMPAS всего на несколько процентных пунктов выше, чем у людей без предыдущего судебного опыта, некоторые судьи задавались вопросом, не будет ли правильнее отказаться от использования программы⁶.

Как можно заметить, и западные, и российские социологи говорят о высокой опасности искусственного интеллекта, о возможности усиления им социального неравенства или появления его новых форм. То же самое демонстрируют и практические ошибки при использовании искусственных нейросетей. Но важно понимать, что базовой, фундаментальной причиной является существующее социальное неравенство, которое укоренилось в обществе, а также проблемы в проектировании ИИ и ответственность разработчиков.

В мире, где повсеместно используются технологии ИИ, его изучение с точки зрения социальных дисциплин имеет практическое значение. Являясь ценным источником данных об опыте применения алгоритмов, существующие практики предоставляют материал для анализа последствий внедрения компьютерных систем.

Итак, приведенные выше примеры демонстрируют, что внедрение ИИ в социальные институты для регулирования протекающих в них процессов связано с рисками усиления неравенства, дискриминации и стигматизации. Тем не менее, источник проблемы кроется не в самом принципе работы нейросетей, а в тех данных, на которых они обучаются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Искусственная нейронная сеть обучается на больших данных об обществе. Схожесть функционирования искусственных нейронных систем с «естественной» нервной системой позволяет проводить параллели между процессами в обществе и аналитикой ИИ. Использование

³ Владелец социальной сети Facebook компания Meta внесена в перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности на территории Российской Федерации по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

⁴ Hao K. (Friday 5 April 2019). Facebook's ad-serving algorithm discriminates by gender and race // MIT Technology Review. Режим доступа: <https://www.technologyreview.com/2019/04/05/1175/facebook-algorithm-discriminates-ai-bias/> (дата обращения: 10.09.2022).

⁵ Mac R. (Friday 4 October 2021). Facebook Apologizes After A.I. Puts 'Primates' Label on Video of Black Men // The New York Times. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2021/09/03/technology/facebook-ai-race-primates.html> (дата обращения: 10.09.2022).

⁶ Zhu M. (Friday 15 May 2020). An Algorithmic Jury: Using Artificial Intelligence to Predict Recidivism Rates // Yale Scientific. Режим доступа: <https://www.yalescientific.org/2020/05/an-algorithmic-jury-using-artificial-intelligence-to-predict-recidivism-rates/> (дата обращения: 10.09.2022).

нейросетей приводит к воспроизводству ею устоявшихся социальных паттернов, в том числе дискриминации и исключению тех или иных групп.

Проблема заключается в том, что вопросы, касающиеся меньшинств, не учитываются ИИ при принятии решений, так как он опирается на статистически значимые данные. Соответственно, нейросети воспроизводят феномен эксклюзии сходно с тем, как его воспроизводят индивиды в обществе. Отличительной чертой является то, что ИИ по определению безоценочен и лишь игнорирует подобные «выбросы», тогда как люди, столкнувшись с незнакомым, склонны к негативным эмоциональным реакциям.

Эта проблема не имеет очевидного решения. Существующие данные о реальном обществе, очевидно, содержат в себе и данные о «негативных» с гуманистической точки зрения явлениях, которые усиливаются, когда ИИ принимает повторяющие их решения. Однако замена данных на более инклюзивные также не представляется возможной. Сложность заключается в том, что таких данных попросту не существует. Из чего следует, что, если мы хотим добиться от ИИ иных результатов, единственным вариантом является «фальсификация» больших данных, что,

во-первых, само по себе достаточно сложно технически, во-вторых, не вполне этично. Безусловно, создание «исправленных» данных также повлечет за собой методические и практические проблемы, так как не до конца ясно, что конкретно должно быть изменено и к каким решениям это приведет. Роль сыграет также и то, кто конкретно будет решать, что необходимо изменить в данных. Еще более явным станет фактор субъективного влияния разработчиков и владельцев корпораций. Даже если предположить, что подобные искажения будут сведены к минимуму, в итоге решения о действиях в реальном обществе будут приниматься на основе общества в некотором смысле выдуманного, что автоматически ставит эти решения под сомнение.

Безусловно, человеческий мозг – система пока что непревзойденная в своей сложности, благодаря чему естественное общество и индивиды в нем по определению сложнее, чем паттерны, выводимые искусственным интеллектом. Однако развитие технологий в сфере искусственных нейронных сетей поднимает качественно новые вопросы и позволяет нам получить новые данные и построить новые, более глубокие теории о принципах функционирования общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васенков Д.В. (2007). Методы обучения искусственных нейронных сетей // Компьютерные инструменты в образовании. № 1. С. 20–29.
- Гофман И. (1963). Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Пер. с англ. Добрякова М.С. Нью Йорк: Prentice Hall. 40с.
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. (2020). Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв») // Социологические исследования. № 10. С. 158–164. <https://doi.org/10.31857/S013216250009459-7>
- Иванова Н.А. (2011). Понятия «Габитус» и «Хабитуализация» в контексте социологических теорий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. №1 (13). С. 115–129.
- Ярская-Смирнова Е.Р. (1997). Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: Изд-во СарГТУ. 271с.
- Cruz T.M. (2020). Perils of data-driven equity: safety-net care and big data's elusive grasp on health inequality // Big Data & Society. V. 7, no. 1. <https://doi.org/10.1177/2053951720928097>
- McMillan Cottom T. (2020). Where platform capitalism and racial capitalism meet: The sociology of race and racism in the digital society // Sociology of Race and Ethnicity. V. 6, no. 4. Pp. 441–449. <https://doi.org/10.1177/2332649220949473>
- Noble S.U. (2018). Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism // Ethnic and Racial Studies. V. 43, no. 3. Pp. 592–594. <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1635260>
- Rodgers G., Gore Ch., Figueiredo J. (1994). Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labour studies. Geneva: United Nations development program. 102p.
- Wajcman J. (2017). Automation: is it really different this time? // The British journal of sociology. V. 68, no. 1. Pp. 119–127. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12239>

REFERENCES

- Cruz T.M. (2020), “Perils of data-driven equity: safety-net care and big data's elusive grasp on health inequality”, *Big Data & Society*, vol. 7, no. 1, <https://doi.org/10.1177/2053951720928097>

- Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. (2020), "Is digital equality possible? (on the book "The Digital Divide" by J. van Dijk)", *Sociological research*, no. 10, pp. 158–164, <https://doi.org/10.31857/S013216250009459-7>
- Goffman E. (1963), *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*, trans. from Eng. Dobryakova M.S., Prentice Hall, New York, US (in Russian).
- Ivanova N.A. (2011), "The concepts of 'Habitus' and 'Habitualization' in the context of sociological theories", *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 1(13), pp. 115–129.
- McMillan Cottom T. (2020), "Where platform capitalism and racial capitalism meet: The sociology of race and racism in the digital society", *Sociology of Race and Ethnicity*, vol. 6, no. 4, pp. 441–449, <https://doi.org/10.1177/2332649220949473>
- Noble S.U. (2018), "Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism", *Ethnic and Racial Studies*, vol. 43, no. 3, pp. 592–594, <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1635260>
- Rodgers G., Gore Ch., Figueiredo J. (1994), *Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses*, International Institute for labour studies, United Nations development program, Geneva, Switzerland.
- Vasenkov D.V. (2007), "Methods of teaching artificial neural networks", *Computer tools in education*, no. 1, pp. 20–29.
- Wajcman J. (2017), "Automation: is it really different this time?", *The British journal of sociology*, vol. 68, no. 1, pp. 119–127, <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12239>
- Yarskaya-Smirnova E.R. (1997), *Sociocultural analysis of atypical*, Saratov State Tech University Publ. House, Saratov, Russia (in Russian).

ЦИФРОВАЯ СРЕДА

Исследование социально-сетевой интерференции процессов памяти у подростков

УДК 159.953.34 DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-31-37

Получено 03.10.2022 Доработано после рецензирования 31.10.2022 Принято 09.11.2022

Барышникова Валерия Евгеньевна

Студент
Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6561-4279
E-mail: lerra2006@yandex.ru

Никишина Вера Борисовна

Д-р психол. наук, проф., зав. каф. клинической психологии
Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2421-3652
E-mail: vbnikishina@mail.ru

Петраш Екатерина Анатольевна

Д-р психол. наук, доц., проф. каф. клинической психологии
Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3177-088X
E-mail: petrash@mail.ru

Сотников Владислав Андреевич

Канд. психол. наук, зав. каф. общей психологии и психологии развития
Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5081-6153
E-mail: lifastraton@yandex.ru

Куликова Елизавета Игоревна

Ординатор каф. неврологии
Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9414-5977
E-mail: nikishinaelizaveta998@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Память представляет собой фундаментальную основу обучения человека. Концептуальная оценка и изучение механизмов памяти, ее формирования, упрочения и сохранения на разных уровнях структурно-функциональной организации нервной системы составляет необходимое знание для решения многих задач практической и фундаментальной психологии. Статья представляет исследование памяти, а именно процесса ее перехода из кратковременной в более устойчивую долговременную форму в условиях цифровой среды под влиянием фактора интерференции социальных сетей. Целью исследования является изучение влияния фактора интерференции социальных сетей на процессы консолидации и реконсолидации памяти у подростков. Общий объем выборки составил 68 подростков в возрасте 12–17 лет. Для реализации поставленной цели был проведен эксперимент, результаты которого показали, что

подростки испытывают трудности в запоминании информации в форме коротких сменяющих друг друга видеороликов в условиях цифрового пространства. Было обнаружено, что видеоролики, для которых характерно не только визуальное сопровождение, но и речевая продукция подлежат лучшему запоминанию. В условиях воздействия интерферирующего фактора социальных сетей, подростки сталкивались с трудностями связывания отдельных элементов стимулов между собой – связывали элементы одного видеоролика с элементами другого. Согласно одному из положений теории интерференции, для хранения информации характерно «развязывание» репрезентаций объектов, за которым следует их обратное связывание в произвольной комбинации при дальнейшем воспроизведении.

Ключевые слова

Память, консолидация памяти, реконсолидация памяти, механизмы памяти, фактор интерференции, социальные сети, память у подростков, когнитивная нагрузка, запоминание информации

Для цитирования

Барышникова В.Е., Никишина В.Б., Петраш Е.А., Сотников В.А., Куликова Е.И. Исследование социально-сетевой интерференции процессов памяти у подростков // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 31–37.

© Барышникова В.Е., Никишина В.Б., Петраш Е.А., Сотников В.А., Куликова Е.И., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DIGITAL ENVIRONMENT

Study of social network interference of memory processes in adolescence

Received 03.10.2022

Revised 31.10.2022

Accepted 09.11.2022

Valeriya E. Baryshnikova

Student

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6561-4279

E-mail: lerra2006@yandex.ru

Vera B. Nikishina

Dr. Sci. (Psy.), Prof., Head of the Clinical Psychology Department

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2421-3652

E-mail: vbnikishina@mail.ru

Ekaterina A. Petrash

Dr. Sci. (Psy.), Assoc. Prof., Prof. at the Clinical Psychology Department

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3177-088X

E-mail: petrash@mail.ru

Vladislav A. Sotnikov

Cand. Sci. (Psy.), Head of the General Psychology and Developmental Psychology Department

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5081-6153

E-mail: lifastraton@yandex.ru

Elizaveta I. Kulikova

Neurology Department resident

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9414-5977

E-mail: nikishinaelizaveta998@gmail.com

ABSTRACT

Memory is the fundamental basis of human learning. Conceptual assessment and study of the memory mechanisms, its formation, consolidation and preservation at different levels of the structural and functional organization of the nervous system constitutes the necessary knowledge for solving many problems of practical and fundamental psychology. This article presents the study of memory, namely the process of its transition from a short-term to a more stable long-term form in a digital environment under the influence of the interference factor of social networks. The aim of the work is to study the influence of the social network interference factor on the processes of consolidation and reconsolidation of memory in adolescence. The total sample size was 68 adolescents aged 12–17 years. The authors conducted an experiment to achieve

this goal. Its results showed that adolescents have difficulty remembering information in the form of short, successive videos in the digital space. It was found that videos that are characterized not only by visual accompaniment, but also by speech production are subject to better memorization. Under the influence of the interfering factor of social networks, adolescents faced difficulties in linking individual elements of stimuli with each other – they connected elements of one video with elements of another. According to one of the provisions of the theory of interference, information storage is characterized by the “unbinding” of representations of objects, followed by their reverse linking in an arbitrary combination during further reproduction.

Keywords

Memory, memory consolidation, memory reconsolidation, memory mechanisms, interference factor, social media, memory in adolescence, cognitive offloading, memorization of information

For citation

Baryshnikova V.E., Nikishina V.B., Petrash E.A., Sotnikov V.A., Kulikova E.I. (2022) Study of social network interference of memory processes in adolescence, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 31–37. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-31-37

© Baryshnikova V.E., Nikishina V.B., Petrash E.A., Sotnikov V.A., Kulikova E.I., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Сеть «Интернет» (далее – Интернет) изменила доступ к информации, что имеет как очевидные преимущества в виде легкости ее извлечения в любой момент времени, так и ряд недостатков. Главный недостаток заключается в том, что Интернет замещает потребность человека в запоминании информации, ведь у него есть постоянный повсеместный доступ к ее извлечению. В результате этого явления человек запоминает не информацию, а те источники, с помощью которых он может их получить. Данный феномен несет название «когнитивной разгрузки» и отражает растущую зависимость человека от использования Интернета как источника доступа к обширному ресурсу информации онлайн, оказывающему влияние на мыслительные процессы для решения проблем, обучения или способности вспоминать необходимую информацию [Чернавин, 2021]. Целью данного исследования поставлено изучение влияния фактора интерференции социальных сетей на процессы консолидации и реконсолидации памяти у подростков.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР / LITERATURE REVIEW

Память представляет собой форму психического отражения и выполняет функцию запечатления, сохранения, забывания и воспроизведения информации. Изначально память пребывает в неустойчивом состоянии по отношению к внешнему воздействию в виде поведенческих, фармакологических или электрических помех. Со временем память приобретает более устойчивую форму к этим видам вмешательства посредством процесса консолидации [Alberini, Ledoux, 2013]. Консолидация памяти – это процесс перехода кратковременной памяти в долговременную форму [Ricker et al., 2018]. Тем не менее, память, прошедшая стадию консолидации, может принимать лабильную форму в том случае, если после ее формирования применить условный раздражитель, что отражает процесс реконсолидации памяти. Реконсолидация памяти – это процесс, в ходе которого реактивированная долговременная память временно приобретает нестабильную форму, становясь чувствительной к амнестическим агентам [Nader, 2015].

Развитие интереса к проблеме интерференции в теоретической и экспериментальной науке связано с попытками поиска причин забывания. Изначально теории забывания развивались из бытовых представлений об этом явлении, используя представление о распаде мало используемой отложенной в памяти информации, что

получило название «пассивное забывание». Однако противники данной теории утверждали, что время не может быть единственной причиной забывания [McGeoch, 1932].

Согласно распространенной гипотезе, консолидирование памяти требует перехода мозга в состояние, при котором поступление новой информации и ее кодирование приостанавливаются [Craig et al., 2018; Wang et al., 2021]. В попытках проанализировать процесс забывания теории интерференции указывают на то, что трансформации, происходящие в каждой отдельной репрезентации, с течением времени влекут к возрастанию смещений репрезентаций друг с другом. Данный процесс влечет за собой трудности распознавания и дифференцирования этих репрезентаций. Таким образом, теории интерференции объясняют природу забывания как процесс взаимного наложения отвлекающих элементов, представленных либо до обучения, что несет название «проактивная интерференция», либо после обучения, во время процессов консолидации, что несет название «ретроактивная интерференция» [Susic-Vasic et al., 2018].

Феномен интерференции, с одной стороны, может быть средством исследования высших психических функций, таких как память, внимание. В этом случае явление интерференции выступает инструментом экспериментальной работы и учитывает такие факторы, как зависимость от сходства задач, временной интервал и степень первичного научения на момент введения второй задачи, возраст испытуемого, тип выполняемых задач и режим их чередования. С другой стороны, феномен интерференции может выступать в роли явления, отражающего процессы, которые заложены в основе поведения в условиях многозадачности или наличия противоречивых требований [Cocchini et al., 2002].

Теории интерференции получили развитие в нескольких вариациях, каждая из которых предполагает немного разные механизмы интерференции. Одна из теорий, исходя из изучения зрительной памяти, предполагает, что со временем признаки отдельных объектов объединяются и «усредняются» [Dube et al., 2014]. Усреднение признаков предъявляемых стимулов приводит к тому, что испытуемый будет воспроизводить из зрительной рабочей памяти фрагменты воспоминаний не о реально предъявленном, а о «типичном» объекте.

Другая теория интерференции, объясняя процесс забывания, утверждает, что при хранении информации происходит «развязывание» репрезентаций объектов, после которого следует

их обратное связывание в произвольной комбинации при дальнейшем воспроизведении [Pertzov et al., 2012]. Таким образом, даже с учетом высокой сохранности репрезентаций отдельных признаков объектов, информация об их образе может быть воспроизведена ошибочно. В частности, было установлено, что несмотря на возможность опознания стимулов, которые были представлены испытуемым на короткий промежуток времени, они испытывали значительные трудности при выполнении задачи расположения этих стимулов в пространстве экрана таким образом, как это было представлено в образце. Важно отметить, что верность и точность ответа возрастали с уменьшением количества объектов, что отражает типичную картину интерференции. Таким образом, при сохранной зрительной памяти на сами стимулы, испытуемые сталкивались с трудностями связывания репрезентаций объектов и их пространственных признаков и отношений. При этом испытуемые часто допускают ошибки и связывают объекты с местами, которые изначально принадлежали другим объектам.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ / MATERIALS AND METHODS

Для решения поставленной цели исследования были использованы методы эксперимента и клинической беседы в форме структурированного интервью. Общий объем выборки составил 68 человек в возрасте от 12 до 17 лет. Все испытуемые являются учащимися общеобразовательных школ и получили заключение «здоров» по результатам профилактического медицинского осмотра. Исследование осуществлялось на условиях добровольного информированного согласия со стороны родителей (законных представителей).

По результатам предварительной оценки, у всех испытуемых зафиксированы нормативные показатели объема кратковременной слухоречевой и зрительно-образной памяти при первичном обследовании с помощью ряда нейропсихологических проб (методика «Заучивание десяти слов» (А.Р. Лурия), методика заучивая двух групп слов по три слова (Н.Я. Семаго, М.М. Семаго), методика запоминания пяти трудновербализуемых фигур (Т.В. Ахутина, З.А. Меликян, 2008).

Метод клинической беседы в форме структурированного интервью предполагал исследование социально-демографических данных (возраст, пол), характеристик активности испытуемых в пространстве социальных сетей (общее экранное время, используемые социальные сети), а также количество часов сна в день.

Метод эксперимента предполагал изучение интерферирующего воздействия социальных сетей путем просмотра видеороликов популярной социальной сети TikTok. Испытуемому предъявлялось два блока видеороликов продолжительностью 5 минут, продолжительность видеороликов составляла 10–20 секунд. Отбор каждого видеоролика для первого и второго блока проводился по визуально-акустическому и визуально-речевому признаку соответственно. Визуально-акустический признак характеризуется наличием музыкального тона либо ритмического шума и стимуляции визуального восприятия. Визуально-речевой признак характеризуется наличием непосредственной речевой продукции и стимуляции визуального восприятия. Всего было выделено 22 видеоролика визуально-речевого типа и 28 видеороликов визуально-акустического типа. Испытуемому предлагалось посмотреть оба блока видео, после чего воспроизвести по памяти ту информацию и те видеоролики, которые он запомнил.

Организация исследования осуществлялась последовательно в два этапа. На первом этапе происходила оценка экранного времени подростков с учетом среднесуточного количества времени, проведенного в цифровых платформах, а также максимальной длительности непрерывного времени нахождения на цифровых платформах. На втором этапе проводилось экспериментальное изучение интерферирующего воздействия в форме просмотра видеоконтента социальной сети TikTok.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ / RESULTS AND DISCUSSION

Анализируя характеристики активности испытуемых в пространстве социальных сетей, можно отметить, что все испытуемые используют социальные сети и все испытуемые являются активными пользователями не менее 2-х различных цифровых платформ. Среднее количество экранного времени по выборке испытуемых составляет 5 часов 46 минут в день. При этом максимальное количество экранного времени по всей выборке испытуемых составляет 13 часов 2 минуты в день, минимальное – 1 час.

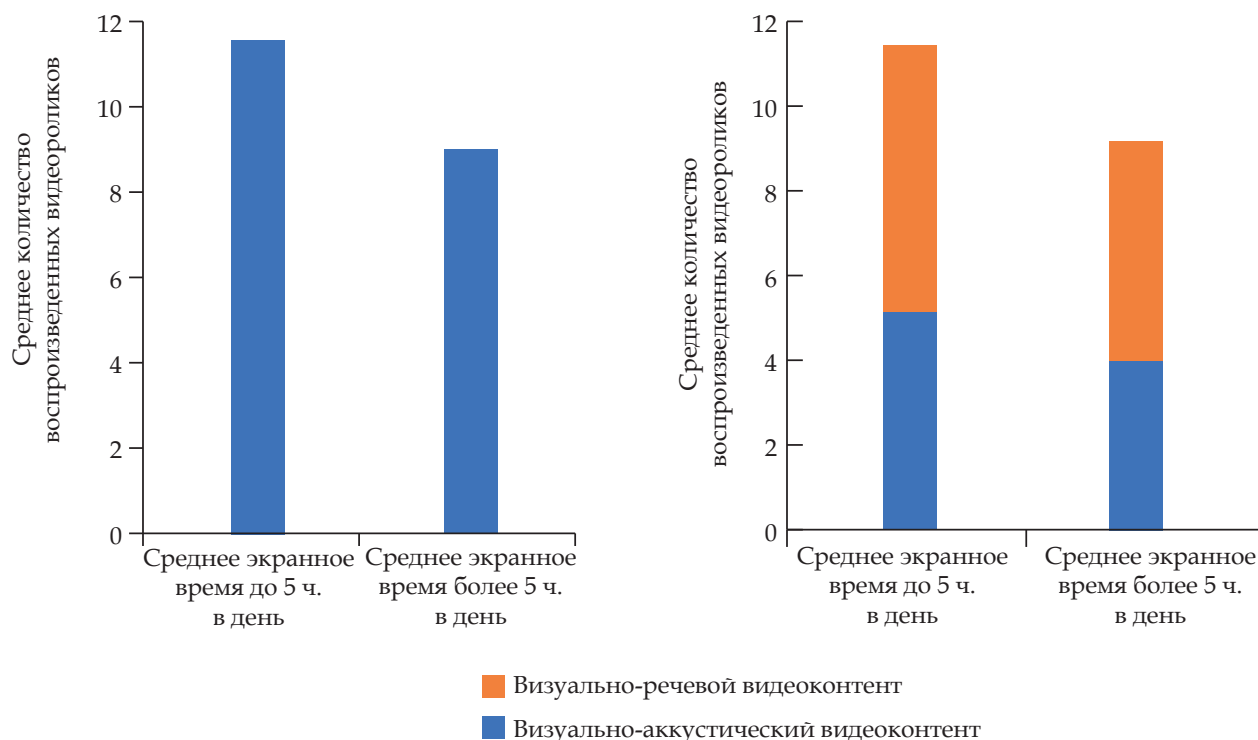
Анализируя количество часов сна в день, можно сказать, что среднее количество часов сна по всей выборке испытуемых составляет 7 часов 42 минуты. Это свидетельствует о том, что в среднем 35 % времени своего бодрствования дети проводят, используя телефон или посещая социальные сети.

По результатам проведенного эксперимента, из 50 видеороликов испытуемые способны вспомнить и воспроизвести только 11, из них 5 несут визуально-акустический характер, а другие 6 – визуально-речевой характер. Это означает, что от всего субстрата визуально-акустического контента дети воспроизводят 18 %, а от визуально-речевого – 27 %, то есть те видео, которые содержат в себе непосредственную речевую продукцию подлежат лучшему запоминанию.

Нами было выдвинуто предположение о том, что средние показатели времени, проведенного у экранов электронных устройств (смартфонов, планшетов, компьютеров и прочего), могут быть основным интерферирующим фактором в запоминании информации в условиях цифрового пространства. Разделив группы испытуемых на основании количества экранного времени в день, было обнаружено, что подростки, чье экранное время не превышает 5 часов в день, в среднем запоминают на 2 видеоролика больше из всего потока контента, что составляет только 4 % от всего субстрата видеороликов, чем подростки, которые проводят в цифровом пространстве больше 5 часов в день (рис. 1).

В ходе проведения качественного анализа полученных результатов было обнаружено, что подключение фактора интерференции социальных

сетей может способствовать смещению репрезентаций элементов представленной информации и формированию искажений. При этом подобные искажения были обнаружены только при воспроизведении визуально-акустического стимульного материала. Это указывает на возможность того, что, несмотря на высокую сохранность репрезентаций отдельных элементов, информация об их целостном образе может быть воспроизведена ошибочно. Также можно наблюдать ошибки по типу привнесения и изменения деталей. При описании просмотренных видеороликов подростки воспроизводили их не в порядке предъявления. В описании смыслового содержания происходит подмена истинного содержания конкретного видеофрагмента элементами содержания других просмотренных видеороликов. Описывая содержание видеофрагмента, подростки называют героев, а также окружающие их предметы и иные детали из других, предшествующих или последующих роликов. Закономерным при этом является проявление эффекта края: в большинстве своем подростки описывают содержание либо первых двух-трех видеофрагментов контента, либо последних в демонстрируемом ряду.

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 1. Показатели средних значений количества воспроизведенных видеороликов подростками с распределением по типам видеоконтента

Fig. 1. Average values indicators of the videos played by teenagers with distribution by types of video content

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Подростки имеют открытый доступ к общему потоку информации, содержание которого для детей и взрослых практически не отличается. Результаты клинической беседы в форме структурированного интервью отражают повсеместное использование подростками средств технологических достижений и социальных сетей в своей жизни: каждый опрошенный является активным пользователем хотя бы двух социальных сетей, среднее количество экранного времени по всей выборке испытуемых – 5 часов 46 минут в день, что составляет 35 % всего времени бодрствования. Следует отметить, что эти показатели отражают только активность смартфона, не включая другие возможно используемые цифровые гаджеты.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на нормативные показатели слухоречевой и зрительной памяти, в условиях цифровой среды подростки испытывают трудности в припоминании и воспроизведении той информации, которая была представлена им в виде видеоконтента. Также можно отметить, что тот стимульный материал, который отбирался по визуально-речевому признаку и имел в своем содержании непосредственную речевую продукцию, подлежит более эффективному запоминанию как по параметру объема запоминаемой информации, так и по параметру

отсутствия формирования искажений, чем тот стимульный материал, который отбирался по визуально-акустическому признаку.

Основываясь на данных о том, что подростки, чье экранное время составляет 5 часов в день и меньше, в среднем запоминают только на 2 видеоролика больше из всего потока предъявленного контента, чем подростки, которые проводят в цифровом пространстве больше 5 часов в день, трудно сделать вывод в пользу гипотезы о том, что время, проведенное у экранов смартфонов, может быть решающим фактором в запоминании информации в условиях цифрового пространства. Для дальнейшего изучения этой гипотезы требуется выделить группы с меньшим разбросом по показателям экранного времени и большим количеством рассматриваемых групп испытуемых.

В условиях воздействия интерферирующего фактора социальных сетей испытуемые сталкивались с трудностями связывания отдельных элементов стимулов между собой, то есть связывали элементы одного видеоролика с элементами другого. Это соотносится с одной из ранее представленных интерпретаций процесса забывания в рамках теории интерференции, согласно которой для хранения информации характерно «развязывание» репрезентаций объектов, за которым следует их обратное связывание в произвольной комбинации при дальнейшем воспроизведении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Чернавин Ю.А. (2021). Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // *Цифровая социология/Digital Sociology*. Т. 4, № 2. С. 4–12. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12>
- Alberini C.M., Ledoux J.E. (2013). Memory reconsolidation // *Current Biology*. V. 23, no. 17. Pp. R746–R750. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2013.06.046>
- Cocchini G., Logie R.H., Sala S.D., MacPherson S.E., Baddeley A.D. (2002). Concurrent performance of two memory tasks: Evidence for domain-specific working memory systems // *Memory & Cognition*. V. 30. Pp. 1086–1095. <https://doi.org/10.3758/bf03194326>
- Craig M., Ottaway G., Dewar M. (2018). Rest on it: Awake quiescence facilitates insight // *Cortex*. No. 109. Pp. 205–214. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2018.09.009>
- Dube C., Zhou F., Kahana M.J., Sekuler R. (2014). Similarity-based distortion of visual short-term memory is due to perceptual averaging // *Vision Research*. No. 96. Pp. 8–16. <https://doi.org/10.1016/j.visres.2013.12.016>
- Nader K. (2015). Reconsolidation and the Dynamic Nature of Memory // *Cold Spring Harbor Perspectives in Biology*. V. 7, no. 10. Art. number: a021782. <https://doi.org/10.1101/cshperspect.a021782>
- Pertsov Y., Bays P.M., Joseph S., Husain M. (2012). Rapid Forgetting Prevented by Retrospective Attention Cues // *Journal of Experimental Psychology Human Perception & Performance*. V. 39, no. 5. Pp. 1224–1231. <https://doi.org/10.1037/a0030947>
- Ricker T.J., Nieuwenstein M.R., Bayliss D.M., Barrouillet P. (2018). Working memory consolidation: insights from studies on attention and working memory // *Annals of the New York Academy of Sciences*. V. 1424, no. 1. Pp. 8–18. <https://doi.org/10.1111/nyas.13633>
- Sosic-Vasic Z., Hille K., Kröner J., Spitzer M., Kornmeier J. (2018). When Learning Disturbs Memory – Temporal Profile of Retroactive Interference of Learning on Memory Formation // *Frontiers in Psychology*. V. 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00082>

Wang S.Y., Baker K.C., Culbreth J.L., Tracy O., Arora M., Liu T., Morris S., Collins M.B., Wamsley E.J. (2021). Sleep-dependent' memory consolidation? Brief periods of post-training rest and sleep provide an equivalent benefit for both declarative and procedural memory // *Learning & Memory*. V. 28, no. 6. Pp. 195–203. <https://doi.org/10.1101/lm.053330.120>

REFERENCES

- Alberini C.M., Ledoux J.E. (2013), "Memory reconsolidation", *Current Biology*, vol. 23, no. 17, pp. R746–R750, <https://doi.org/10.1016/j.cub.2013.06.046>
- Chernavin Yu.A. (2021), "Digital society: theoretical outlines of the emerging paradigm", *Digital Sociology*, vol. 4, no. 2, pp. 4–12, <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12>
- Cocchini G., Logie R.H., Sala S.D., MacPherson S.E., Baddeley A.D. (2002), "Concurrent performance of two memory tasks: Evidence for domain-specific working memory systems", *Memory & Cognition*, vol 30, pp. 1086–1095, <https://doi.org/10.3758/bf03194326>
- Craig M., Ottaway G., Dewar M. (2018), "Rest on it: Awake quiescence facilitates insight", *Cortex*, no. 109, pp. 205–214, <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2018.09.009>
- Dube C., Zhou F., Kahana M.J., Sekuler R. (2014), "Similarity-based distortion of visual short-term memory is due to perceptual averaging", *Vision Research*, no. 96, pp. 8–16, <https://doi.org/10.1016/j.visres.2013.12.016>
- Nader K. (2015), "Reconsolidation and the Dynamic Nature of Memory", *Cold Spring Harbor Perspectives in Biology*, vol. 7, no. 10, art. number: a021782, <https://doi.org/10.1101/cshperspect.a021782>
- Pertsov Y., Bays P.M., Joseph S., Husain M. (2012), "Rapid Forgetting Prevented by Retrospective Attention Cues", *Journal of Experimental Psychology Human Perception & Performance*, vol. 39, no. 5, pp. 1224–1231, <https://doi.org/10.1037/a0030947>
- Ricker T.J., Nieuwenstein M.R., Bayliss D.M., Barrouillet P. (2018), "Working memory consolidation: insights from studies on attention and working memory", *Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 1424, no. 1, pp. 8–18, <https://doi.org/10.1111/nyas.13633>
- Sosic-Vasic Z., Hille K., Kröner J., Spitzer M., Kornmeier J. (2018), "When Learning Disturbs Memory – Temporal Profile of Retroactive Interference of Learning on Memory Formation", *Frontiers in Psychology*, vol. 9, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00082>
- Wang S.Y., Baker K.C., Culbreth J.L., Tracy O., Arora M., Liu T., Morris S., Collins M.B., Wamsley E.J. (2021), "Sleep-dependent' memory consolidation? Brief periods of post-training rest and sleep provide an equivalent benefit for both declarative and procedural memory", *Learning & Memory*, vol. 28, no. 6, pp. 195–203, <https://doi.org/10.1101/lm.053330.120>

Индивидуальные стратегии медиаактивности интернет-пользователей

УДК 316. 776 DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-38-47

Получено 16.09.2022

Доработано после рецензирования 19.10.2022

Принято 31.10.2022

Гримов Олег Александрович

Канд. социол. наук, доц. каф. философии и социологии
Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

ORCID: 0000-0001-6883-9898

E-mail: grimoleg@yandex.ru

Белкина Виктория Александровна

Преподаватель каф. философии и социологии
Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

ORCID: 0000-0002-3306-6706

E-mail: viktoria2206.1995@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу актуальных стратегий медиаактивности интернет-пользователей в экосистеме современных социальных медиа (социальные сети, блоги, хостинги, мессенджеры, мобильные приложения и т.д.). Основу авторского подхода, определяющего новизну исследования, составляет анализ медиаактивности пользователей как совокупности практик медиапотребления и медиапроизводства, образующих диалектическое единство, а также проблематизация субъектно-ориентированной исследовательской оптики, акцентирующей внимание на индивиде как непосредственном медийном субъекте. Само взаимодействие индивида и медиаэкосистемы анализируется с помощью системы показателей входящей и исходящей активности. Входящая активность понимается авторами как совокупность институционально-средовых факторов осуществления практик медиаактивности, исходящая – как характеристика личной активности индивида по реализации медийных практик.

Показано, что конфигурация преобладающих типов входящей и исходящей активности формирует индивидуальную медиастратегию. Теоретически обосновано и на основе авторского социологического исследования с применением факторного анализа (онлайн-опрос пользователей социальных сетей, N = 1000) эмпирически подтверждено практическое существование четырех типов индивидуальных медиастратегий: инклюзивно-открытой, эксклюзивно-открытой, инклюзивно-консервативной, эксклюзивно-консервативной. Эмпирически установлена их распространенность. Выявлено, что большинство интернет-пользователей (38,3 %) придерживаются эксклюзивно-открытой медиастратегии, оценивают современные медиаусловия как слишком свободные и потому нуждающиеся в контроле и ограничениях. В заключении приведены перспективные направления дальнейшего научного поиска по теме исследования.

Ключевые слова

Интернет, медиаэкосистема, интернет-пользователи, социальные медиа, медиаактивность, медиастратегии, медиапотребление, медиапроизводство, коммуникация, адаптационный потенциал

Для цитирования

Гримов О.А., Белкина В.А. Индивидуальные стратегии медиаактивности интернет-пользователей / / Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 38–47.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00486 «Человек в новой медиаэкосистеме: ресурсы и стратегии взаимодействия».

© Гримов О.А., Белкина В.А., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The individual strategies of Internet users' media activity

Received 16.09.2022

Revised 19.10.2022

Accepted 31.10.2022

Oleg A. Grimov

Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. at the Philosophy and Sociology Department,
Southwest State University, Kursk, Russia
ORCID: 0000-0001-6883-9898
E-mail: grimoleg@yandex.ru

Victoria A. Belkina

Lecturer at the Philosophy and Sociology Department
Southwest State University, Kursk, Russia
ORCID: 0000-0002-3306-6706
E-mail: viktoria2206.1995@mail.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to the analyses of actual strategies of Internet users' media activity in the ecosystem of today's social media (social networks, blogs, hostings, messengers, mobile applications, etc.). The base of the author's approach that specifies the novelty of the research lies on the analyses of the users' media activity as a complex of media consumption and production which make a dialectical unity, as well as on the problematization of subject oriented research optics which draws attention to the individual as a direct media subject. The interaction of the individual and media ecosystem is analyzed with the help of a system of incoming and outgoing activity markers. The incoming activity is understood by the authors as a total of institutional and environmental factors of media activity practices realization, the outgoing one is understood

as the characteristic of individual's personal activity in realizing media practices. It is shown that the configuration of the dominant types of incoming and outgoing activity forms the individual media strategy. It is theoretically based and empirically proved by the author's sociological research with the use of factor analyses (online poll of social network users, N = 1000) that there practically exist four types of individual media strategies: inclusively open, exclusively open, inclusively conservative and exclusively conservative ones. It is found out that the majority of the Internet users (38,3%) use the exclusively open strategy, estimate modern media conditions as too liberal and thus needing control and restrictions. In the conclusion there are shown the perspective directions of the following scientific enquiry on the topic of the research.

Keywords

Internet, media ecosystem, Internet users, social media, media activity, media strategies, media consumption, media production, communication, adaptive potential

For citation

Grimov O.A., Belkina V.A. (2022) The individual strategies of Internet users' media activity, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 37–47. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-38-47

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation grant No. 22-28-00486 "Human in a new media ecosystem: resources and strategies of mutual development".

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Важным вопросом социологической проблематизации современной реальности, порождаемой информационно-коммуникационными технологиями, является определение формируемого ими социального, культурного и технологического контекста. Мы оставляем за скобками научную дискуссию о соотношении объема и содержательных характеристик различных концептов: «информационное общество», «сетевые технологии», «цифровая реальность», «информационно-коммуникативная среда» и т.д. (их анализ и сравнение не входит в задачи настоящей работы), и фокусируем внимание на собственно медийной составляющей изучаемого объекта. Для современного информационного пространства, формируемого медийными технологиями, применяются различные понятия: медиасфера, медиапространство, медиасреда. Вместе с тем требуется анализ не только пространственных параметров медийной реальности, но и различных аспектов ее самоорганизации и поддержания определенного баланса. Поэтому мы считаем важным обращение к концепту медиаэкосистемы, фиксирующему проблему взаимодействия социальных субъектов с цифровой средой обитания. Подобный медиаэкологический подход определяет исследовательский акцент на проблеме целостной системы устойчиво воспроизводимых взаимодействий социальных субъектов (индивидов, социальных групп и сообществ, институтов и т.д.) и окружающей их медийной реальности. Таким образом, будучи содержательно сходным с понятием медиасферы, термин «медиаэкосистема» дополняет его соответствующей естественнонаучной и инвайронментальной оптикой. При этом медиаэкосистема может быть рассмотрена и как предельное обобщение синтеза жизненного мира человека и окружающей его среды (умwelt), и как совокупность институционально организованных и оформленных условий реализации информационных и социально-коммуникативных практик [Гримов, 2022, с. 58].

В настоящей работе мы акцентируем исследовательское внимание непосредственно на социальных медиа, которые локализованы в интернет-пространстве и обеспечены применением соответствующих сетевых технологий. Социальные медиа одновременно формируют полноценные информационные каналы и выполняют ряд социальных и коммуникативных функций (самопрезентация, самовыражение индивидуальных пользователей, межличностная коммуникация, организация сетевых сообществ). С одной стороны,

социальные медиа формируют информационное содержание повседневного медиапотребления индивидов, с другой – служат важной средой и инструментом осуществления разнообразных социально-коммуникативных и социокультурных практик. В контексте настоящего исследования мы относим к социальным медиа такие сервисы и ресурсы, как: социальные сети, блоги, фото- и видеохостинги, чаты, форумы, имиджборды, мессенджеры, сервисы подкастов, официальные каналы традиционных средств массовой информации (далее – СМИ) в сети «Интернет» (далее – Интернет), стриминговые платформы, отдельные мобильные приложения, направленные на создание и распространение цифрового контента. В совокупности они составляют важную часть современных цифровых технологий и определяют их профиль как на уровне повседневных практик, так и глобальных или общесистемных процессов [Kamensky, 2020; Василенко, Мещерякова, 2021; Vasilenko et al., 2022; Зотов и др., 2022].

Проблематика современной медиаэкологии является в целом достаточно распространенной в российском и зарубежном исследовательском дискурсе. Можно выделить ряд работ, посвященных попыткам теоретико-методологического и прикладного синтеза социогуманитарного и естественнонаучного подходов к анализу медиа (в институциональном и частно-прикладном аспекте) [Качулин, 2017; Верещагин, 2018; Rhee et al., 2021; Mihelj, Jiménez-Martínez, 2021].

Социальные медиа составляют значимый контекст и элемент жизни современного человека; в структуре медиа индивид может выступать и потребителем информации, и ее создателем. Практики потребления и создания медийного контента, в совокупности составляющие медиаактивность, определяются набором индивидуальных моделей и паттернов, или медиастратегий, которые позволяют индивиду успешно реализовывать практики медиаактивности и адаптироваться к медиаэкосистеме. В этом контексте актуализация медиаэкологической рефлексии современной информационно-коммуникативной реальности особенно явно обнаруживает необходимость анализа практик взаимодействия социального субъекта и окружающей его медиасреды. Акцент на индивиде (личности) как субъекте подобного взаимодействия, который недостаточно раскрыт в социологическом дискурсе, позволяет установить основные пользовательские ресурсы, стратегии, практики и адаптационные механизмы индивида в медиаэкосистеме. Непосредственная методологическая и прикладная

ценность подобных субъекто-ориентированных медиаисследований заключается в расширении спектра научного осмысления проблематики социального бытия в информационно-коммуникационной экосистеме, в формировании системного подхода к исследованию проблематики субъектно-средового взаимодействия, а также разработке методологии и прикладных приложений социально-проектного моделирования социальных процессов в медиаэкосистеме, оптимальных стратегий управления и развития новых медийных экосистем как пространств безопасной, эффективной и полноценной личностно- и социально-ориентированной деятельности. Однако, как мы видим из анализа рассмотренных выше источников, проблема личностной субъектности в медиаэкосистеме в аспекте индивидуальных медийных практик и стратегий их осуществления остается недостаточно отрефлексированной, что определяет актуальность настоящей работы. Таким образом, цель исследования заключается в анализе актуальных индивидуальных стратегий медиаактивности интернет-пользователей, а также в определении уровня распространенности этих стратегий.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ / THEORY AND METHODS

Новизна исследования заключается в проблематизации субъекто-ориентированной исследовательской оптики, акцентирующей внимание на индивиде как непосредственном медийном субъекте. Различие в методологических подходах четко прослеживается при анализе научных публикаций, посвященных проблеме современных медийных процессов и артефактов. Одной из центральных категорий настоящего исследования является понятие индивидуальных медиастратегий (далее по тексту также – стратегий медиаактивности). Сам термин «медиастратегия» является достаточно распространенным, но атрибутируется в российском исследовательском дискурсе в первую очередь крупным неперсонифицированным субъектам (организациям, институтам) или целым социальным процессам [Зарина, Степанов, 2014; Агабабян, Сысоева, 2019]. Гораздо реже медиастратегия соотносится с непосредственным субъектом – индивидом. Понятие «медиастратегия» напрямую выводится нами из практик медиаактивности – медиапроизводства и медиапотребления, образующих единство активного присутствия индивида в медиаэкосистеме. Однако само понятие медиаактивности также не является до настоящего времени полноценно проработанным в российской гуманитарной науке

и употребляется достаточно редко, в равной степени атрибутируясь и конкретным индивидам, и социальным группам, и социальным организациям [Жилавская, 2021; Леденев, 2020]. Понятие «медиапотребление», напротив, является широко распространенным и соотносится в научных исследованиях как с конкретным индивидом, так и с социальной группой, а также употребляется для обозначения общеинституционального процесса [Мурзина, 2020]. Мы полагаем, что такая распространенность термина «медиапотребление» связана с тем, что именно потребление фактически (в реальной практике) и исследовательском дискурсе связывается с основными практиками медиаактивности. Это подтверждается и общим низким уровнем популярности концептов «медиапроизводство» и «медиатворчество», которые упоминаются гораздо реже, чем «медиапотребление», соотносясь при этом в основном с индивидом или группой, если речь идет о творчестве, или – с организацией или институциональной средой, если речь идет о медиапроизводстве [Цуканов, 2019; Мельник, 2020]. Характерно, что в значительной мере упускается из виду проблематизация медиаактивности как совокупности практик медийного потребления и медийного производства (творчества), особенно – на индивидуальном уровне. Исключения весьма редки [Ацута, 2017]. Мы полагаем, что отсутствие исследовательского внимания к единству практик медиапроизводства и медиапотребления личности в структуре ее медиаактивности существенно обедняет общую направленность социологической мысли на проблемы современной медиаэкосистемы. На восполнение этого пробела направлена настоящая статья. В итоге изучения актуальных индивидуальных медиастратегий достигается проблематизация личностной онтологии как сосредоточения статуса активного медиасубъекта (в совокупности практик потребления и производства), а также формирование методологии дальнейших эмпирических исследований и прикладных проектов по оптимизации процессов взаимодействия индивида и медиаэкосистемы (включающих создание комфортной, безопасной и эффективной медиасреды, а также нивелирование соответствующих социокультурных и технологических рисков).

Для анализа индивидуальных медиастратегий интернет-пользователей в настоящей работе применяются следующие исследовательские методы и подходы: основные положения структурно-функционального подхода, методы синтеза, анализа. Применение системной методологии позволяет экстраполировать результаты социологического исследования на общую

социогуманитарную оценку современной медиаэкосистемы и обеспечивает комплексность и обоснованность выдвинутых гипотез и исследовательских выводов.

Теоретико-методологической базой настоящей работы послужили публикации российских и зарубежных авторов, посвященные изучению различных социологических и социально-философских аспектов современной медиаэкосистемы в широком контексте их связи с общими феноменами цифрового общества, сетевых технологий и информационно-коммуникативной культуры. В соответствующих работах широко представлены как теоретические, так и прикладные аспекты рассматриваемой нами проблематики [Jenkins, 2006; Manovich, 2012; Siebl, 2019].

Эмпирической базой исследования являются данные авторского социологического исследования, проведенного методом онлайн-опроса (N = 1000) пользователей социальной сети «ВКонтакте» как одного из наиболее репрезентативных современных медийных ресурсов; также в исследовании широко применяются методы статистической обработки данных (анализ частотных распределений, факторный анализ).

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS

Важной концептуальной рамкой настоящего исследования является рассмотрение индивида в медиаэкосистеме сквозь призму двух противоположных практик его медиаактивности. В совокупности они образуют диалектическое единство: медиапотребление и медиапроизводство. Само взаимодействие человека и медиаэкосистемы описывается нами с помощью системы показателей входящей и исходящей активности. Входящая активность представляет собой совокупность институционально-средовых факторов осуществления практик медиаактивности и имеет две модальности:

- поддержка (пропаганда и т.д.) и распространение определенного контента, признаваемого социально полезным и конструктивным;
- запрещение или ограничение распространения контента, признанного вредным и/или нежелательным.

Исходящая активность, напротив, детерминруется показателями личной активности индивида по реализации медийных практик и содержит в себе как информационную инклюзию (то есть личные действия по отбору и включению в свой жизненный мир той или иной информации), так и информационную эксклюзию (ограничение потребления негативной информации). При этом

конфигурация показателей входящей и исходящей активности отражает ту или иную индивидуальную медиастратегию при осуществлении практик медиаактивности [Гримов, 2022, с. 59].

Сочетание преобладающих типов входящей и исходящей активности допускает четыре теоретически возможных конфигурации (табл. 1), которые и формируют потенциальные индивидуальные медиастратегии пользователей. Подробное обоснование этих медиастратегий было дано автором в предыдущей работе [Гримов, 2022, с. 61]).

Таблица 1. Виды индивидуальных медиастратегий

Table 1. Types of individual media strategies

Преобладающий тип исходящей активности	Преобладающий тип входящей активности	
	Институциональные меры по поддержке и распространению контента	Институциональные меры по запрещению или ограничению распространения контента
Информационная инклюзия	1-я индивидуальная медиастратегия («инклюзивно-открытая»)	3-я индивидуальная медиастратегия («инклюзивно-консервативная»)
Информационная эксклюзия	2-я индивидуальная медиастратегия («эксклюзивно-открытая»)	4-я индивидуальная медиастратегия («эксклюзивно-консервативная»)

Составлено авторами по материалам исследования /
Compiled by the authors on the materials of the study

Главная гипотеза исследования заключается в предположении о реальном существовании указанных индивидуальных медиастратегий в современной медиаэкосистеме. Исследование позволит эмпирически установить реальные индивидуальные медиастратегии интернет-пользователей в медиаэкосистеме, а также оценить уровень их распространенности.

С целью верификации выдвинутой гипотезы в июле-августе 2022 г. авторами было проведено социологическое исследование методом онлайн-опроса на базе исследовательской онлайн-панели «Анкетолог». Были опрошены пользователи русскоязычной социальной сети «ВКонтакте», как одного из наиболее распространенных социально-сетевых сервисов, встроенных в ткань современной медиаэкосистемы, что в итоге определило репрезентативность выборочной совокупности. Выборка составила 1 000 человек и отразила примерные социально-демографические характеристики российских интернет-пользователей.

Респондентам предлагалось оценить уровень согласия с 16 предложениями, которые в концентрированном виде могут фиксировать определенные установки пользователей в сфере практик медиапотребления и медиапроизводства, интериоризированные оценки внешних условий медиаэкосистемы и собственных интенций – то есть факторов входящей и исходящей активности. В совокупности они составляют индивидуальные медиастратегии.

При проведении факторного анализа авторами были получены следующие данные. 16 предложенных к оценке высказываний были обобщенно сгруппированы в четыре фактора, отражающих высокую степень согласия с высказываниями (таким образом, в каждом факторе сосредоточены взаимокоррелирующие переменные). Следовательно, можно установить примерное соответствие обнаруженных нами факторов представленным в выдвинутой гипотезе индивидуальным медиастратегиям.

Первый фактор объединил следующие высказывания:

- Интернет и социальные сети дают широкие возможности для самореализации;
- богатый выбор контента в интернет-медиа является однозначно положительным явлением;
- я стремлюсь изучать различные информационные источники и сравнивать их между собой, критически оценивая полученную информацию;
- в Интернете каждый может стать автором контента, и это полезно для медиасреды в целом.

Представленные высказывания в совокупности соответствуют первой индивидуальной медиастратегии, для которой характерны институциональные меры по поддержке и распространению контента на уровне входящей активности и информационная инклюзия на уровне исходящей мобильности.

Второй фактор объединил следующие высказывания:

- Интернет в настоящее время представляет собой абсолютно свободную открытую площадку;
- современные медиасредства поощряют пользователей к самостоятельному критическому анализу контента/информации;
- я поддерживаю введение цензуры в Интернете, в том числе введение паспортного контроля;
- риски современных медиа превышают положительный эффект.

В совокупности эти утверждения соответствуют представленной в гипотезе второй индивидуальной медиастратегии, для которой характерны институциональные меры по поддержке и распространению контента на уровне входящей

активности и информационная эксклюзия на уровне исходящей мобильности.

Третий фактор объединил в себе следующие высказывания:

- для современного мира характерно усиление влияния политических органов власти и спецслужб, глобальных корпораций и иных агентов влияния в Интернете;
- современная среда порождает пассивных потребителей, но не творческих индивидов;
- медиасреда стимулирует меня к созданию собственного контента;
- будущее – за свободным Интернетом.

Эти переменные соответствуют третьей индивидуальной медиастратегии. Для нее характерны институциональные меры по запрещению или ограничению распространения контента на уровне входящей активности и информационная инклюзия на уровне исходящей мобильности.

Четвертый фактор объединил в себе следующие высказывания:

- медиасреда – сложный самоорганизующийся конструкт, создаваемый самими пользователями;
- обществу нужна выработка новых инструментов и механизмов поддержания процессов медиатизации (создания и потребления контента) в Интернете, в том числе в отношении контроля за контентом;
- я стараюсь ограничивать себя от потребления той или иной информации, например, конкретных СМИ и конкретных медиа;
- создание собственного контента является для меня затруднительным и/или неинтересным.

Данные высказывания примерно описывают рассмотренную нами в гипотезе четвертую индивидуальную медиастратегию, для которой характерны институциональные меры по запрещению или ограничению распространения контента на уровне входящей активности и информационная эксклюзия на уровне исходящей мобильности.

Также были заданы два дихотомических вопроса, в каждом из которых респондентам предлагалось выбрать то высказывание, с которым они более согласны. Так, было установлено, что высказывание «В современном мире информация имеет ключевое значение, поэтому нельзя ограничивать ее распространение» поддерживают около трети опрошенных (34,7 %), в то время как большинство (65,3 %) считают, что «в настоящее время особенно актуальны угрозы, связанные с современными цифровыми технологиями, поэтому нужен контроль над распространением информации». Эти высказывания характеризуют параметры исходящей активности и показывают, что

более приоритетной личной установкой в сфере медиапрактик является установка на информационный контроль и эксклюзию; установка на свободу в медиаэкосистеме свойственна, как мы видели, примерно одной трети опрошенных.

В рамках изучения параметров входящей активности было установлено, что большинство опрошенных (58,2 %) полагают, что для современного интернет-пространства характерна «свобода производства, распространения и потребления контента/информации», в то время как 41,8 % считают, что для него характерны «контроль и ограничение производства, распространения и потребления контента/информации». Таким образом, большинство опрошенных оценивают институциональные условия медиасреды как свободные, остальная часть респондентов – как полные ограничительных мер и практик контроля.

Принципиально, что в данном случае мы говорим об актуальных оценках укрупненных блоков личностного отношения к практикам медиаактивности (характеризующим исходящую активность), а также ко внешним институциональным условиям (характеризующим входящую активность). Мы исходим из того, что оценка респондентами внешних условий медиаэкосистемы является, наряду с личными диспозициями в практиках медиаактивности, глубоко ин-

териоризированным фактором медиаактивности и важной составляющей индивидуальной медиастратегии. Оценка внешних условий медиаэкосистемы объективируется, рассматривается интернет-пользователями как независимая и императивная по отношению к ним в конкретных обстоятельствах, и потому на уровне диспозиций определяет осуществление ими практик медиаактивности, фундируя ее соответствующими установками, ценностями и целями.

Таким образом, построенная авторами таблица сопряженности ответов на два рассмотренных выше вопроса позволяет эмпирически определить распространенность обнаруженных в ходе факторного анализа четырех типов индивидуальных медиастратегий (табл. 2). В итоге формируются четыре возможных комбинации ответов, которые в целом соответствуют индивидуальным медиастратегиям. Отметим, что в представленных вопросах мы получаем достаточно примерную репрезентацию заявленных ранее индивидуальных медиастратегий, но при этом фиксирующую наиболее существенные компоненты соответствующих пользовательских установок.

Так, авторами установлено, что при ответе на соответствующие два вопроса комбинации утверждений «Для современного интернет-пространства характерна свобода производства, распространения и потребления контента/инфор-

Таблица 2. Таблица сопряженности ответов на вопросы «С каким из высказываний Вы согласны в большей степени?» и «Что, на Ваш взгляд, более характерно для современного интернет-пространства?»

Table 2. The contingency table of the answers to the questions: "Which statement do you agree most with?" and "What in your opinion is more characteristic to the modern Internet environment?"

—			Результаты ответа на вопрос «Что, на Ваш взгляд, более характерно для современного интернет-пространства?», % от общего числа респондентов		Итого, % от общего числа респондентов
			Варианты ответов		
			Свобода производства, распространения и потребления контента/информации	Контроль и ограничение производства, распространения и потребления контента/информации	
Результаты ответа на вопрос «С каким из высказываний Вы согласны в большей степени?», % от общего числа респондентов	Варианты ответов	В современном мире информация имеет ключевое значение, поэтому нельзя ограничивать ее распространение	19,9 («инклюзивно-открытая» стратегия)	14,8 («инклюзивно-консервативная»)	34,7
		В настоящее время особенно актуальны угрозы, связанные с современными цифровыми технологиями, поэтому нужен контроль над распространением информации	38,3 («эксклюзивно-открытая» стратегия)	27,0 («эксклюзивно-консервативная»)	65,3
Итого, % от общего числа респондентов			58,2	41,8	100,0

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

мации» и «В современном мире информация имеет ключевое значение, поэтому нельзя ограничивать ее распространение», выбраны 19,9 % респондентов. Таким образом, каждый пятый опрошенный придерживается 1-й индивидуальной медиастратегии («инклюзивно-открытой»).

2-я индивидуальная медиастратегия характерна для большинства опрошенных (38,3 %) («эксклюзивно-открытая»). Описывается согласием с утверждениями «Для современного интернет-пространства характерна свобода производства, распространения и потребления контента/информации» и «В настоящее время особенно актуальны угрозы, связанные с современными цифровыми технологиями, поэтому нужен контроль над распространением информации».

3-я индивидуальная медиастратегия («инклюзивно-консервативная») характерна для меньшинства опрошенных – 14,8 %. Определяется согласием с высказываниями «Для современного интернет-пространства характерны контроль и ограничение производства, распространения и потребления контента/информации» и «В современном мире информация имеет ключевое значение, поэтому нельзя ограничивать ее распространение», .

4-я индивидуальная медиастратегия («эксклюзивно-консервативная»), характерна для 27 % опрошенных. Описывается согласием с утверждениями «Для современного интернет-пространства характерны контроль и ограничение производства, распространения и потребления контента/информации» и «В настоящее время особенно актуальны угрозы, связанные с современными цифровыми технологиями, поэтому нужен контроль над распространением информации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

В результате проведенного исследования была подтверждена гипотеза о существовании четырех видов эмпирически наблюдаемых индивидуальных стратегий медиаактивности. Установлена их распространенность. Так, большинство опрошенных интернет-пользователей (38,3 %) оценивают современные медиаусловия как слишком свободные и потому рискованные и нуждающиеся в контроле и ограничениях. Эта медиастратегия («эксклюзивно-открытая») фиксирует определенный консерватизм и одновременно неудовлетворенность текущими институциональными медиаусловиями.

Вторая по численности группа пользователей (27 %), придерживающихся «эксклюзивно-консервативной» индивидуальной медиастратегии, отличается максимальным консерватизмом в отношении современных медиа, но при этом для них

характерна удовлетворенность актуальными институциональными медиаусловиями. Таким образом, структурно параметры входящей активности (институциональные условия медиаэкосистемы) и исходящей активности (личные диспозиции) в данной стратегии совпадают.

Представители «инклюзивно-открытой» индивидуальной медиастратегии (19,9 %) характеризуются максимальным либерализмом в оценках актуальных условий медиаэкосистемы и в личных диспозициях в отношении практик медиаактивности: эти оценки совпадают и потому можно говорить об удовлетворенности респондентами реальным состоянием медиаэкосистемы, которое оценивается ими как свободное и открытое, и потому соответствующее их ценностям.

Самую малочисленную группу (14,8 %) составляют пользователи, придерживающиеся «инклюзивно-консервативной» индивидуальной медиастратегии. Для них характерны ценности свободного распространения информации, информационная инклюзия и одновременно оценка текущих условий медиасреды как ограничительных и репрессивных, что соответственно порождает их недовольство или неудовлетворенность.

Следует отметить, что теоретически обоснованные и эмпирически обнаруженные авторами индивидуальные медиастратегии интернет-пользователей могут быть обозначены на данном исследовательском этапе лишь в наиболее общих чертах. Эти стратегии отражают упрощенные паттерны и модели практик медиапотребления и медиапроизводства индивидуального субъекта в медиаэкосистеме. Дальнейшее исследование индивидуальных медиастратегий в медиаэкосистеме может быть направлено на раскрытие связанных с ними существенных практик, содержательных характеристик и, в целом, коррелирующих признаков.

Значимым вопросом остается также эмпирическая оценка эффективности данных индивидуальных медиастратегий. Мы полагаем, что эффективность медиастратегий в дальнейшем может быть эксплицирована через категорию адаптационного потенциала, под которым мы здесь понимаем совокупность личностных ресурсов интернет-пользователей, определяющих уровень готовности индивида к эффективной коммуникации, производству и потреблению медиаконтента в современных институциональных условиях медиаэкосистемы (с учетом существующих рисков и ограничений). Именно адаптационный потенциал как интегральный показатель гибкости и восприимчивости индивида к условиям медиаэкосистемы является критерием эффективности индивидуальной медиастратегии,

а разработка методологии диагностики адаптационного потенциала различных медийных субъектов позволит осуществить классифика-

цию интернет-пользователей по критерию уровня их готовности к конструктивным практикам медиаактивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агабабян А.Г., Сысоева М.Э. (2019). «#Убыхи_есть»: медиастратегии конструирования этнической идентичности // Известия СОИГСИ. № 31 (70). С. 73–92. <https://doi.org/10.23671/VNC.2019.70.27632>
- Айута А.И. (2017). Медиапотребление и медиаторчество: к вопросу об эффективной киберсоциализации молодежи // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 1 (23). С. 18–23.
- Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. (2021). Социология цифрового общества: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 226 с.
- Верецагин О.А. (2018). Экодискурс и его номологические корреляты в социогуманитаристике // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. № 3(27). С. 76–86. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2018-2-3-76-86>
- Гримов О.А. (2022). Теоретико-методологические основания и инструментальные комплексы изучения современной медиаэкосистемы // Трансформация этической матрицы в цифровую эпоху. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием. М.: МАКС Пресс. С. 57–64.
- Жилавская И.В. (2012). Медиаактивность молодежи как фактор медиаобразования // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции «Молодежь и медиа. Экология медиапространства». Москва, 27–29 ноября 2012 г. М.: РИНЦ МГГУ имени М.А. Шолохова.
- Зарина Е.Н., Степанов В.Н. (2014). Инридиопатия как медиастратегия публичной коммуникации: зачем смеетесь? // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография. Ярославль: Диалог. С. 151–164.
- Зотов В.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Белкина В.А. (2022). Конвертация опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации // Цифровая социология. Т. 5, № 2. С. 4–20. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-2-4-20>
- Качулин А.Г. (2017). Концептуальные предпосылки современной медиаэкологии: социально-философский анализ // Философия и культура. Т. 4, № 4. С. 42–53. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2017.4.23113>
- Леденев Д.Е. (2020). Медиаактивность пользователя как фактор самораскрытия в профиле социальной сети // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. № 16. С. 322–325.
- Мельник Г.С. (2020). Новые технологии медиапроизводства: достижения и издержки // Челябинский гуманитарий. № 4(53). С. 48–56.
- Мурзина Е.В. (2020). Медиапотребление в условиях трансформации современного общества // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 5 (68). С. 228–235. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.68.5.018>
- Цуканов Е.А. (2019). Медиакультура и медиаторчество за пределами технологий // Культура в фокусе научных парадигм. № 9. С. 162–166.
- Jenkins H. (2006). *Convergence culture: where old and new media collide*. New York: New York University Press. 308 p.
- Kamensky E. (2020). Digital technologies in the Russians' everyday life: analysis based on the opinion surveys // *Economic Annals-XXI*. V. 186, no. 11-12. Pp. 134–142. <https://doi.org/10.21003/ea.V186-15>
- Manovich L. (2002). *The language of new media*. Cambridge, MA: The MIT Press. 400 p.
- Mihelj S., Jiménez-Martínez C. (2021). Digital nationalism: Understanding the role of digital media in the rise of “new” nationalism // *Nations and Nationalism*. V. 27, no. 2. Pp. 331–346. <https://doi.org/10.1111/nana.12685>
- Rhee L., Bayer J.B., Lee D.S. Kuru O. (2021). Social by definition: How users define social platforms and why it matters // *Telematics and informatics*. V. 59. Art. number 101538. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101538>
- Siebl T.M. (2019). *Digital transformation: survive and thrive in an era of mass extinction*. NY: Rosetta Books. 256 p.
- Vasilenko L., Meshcheryakova N., Zotov V. (2022). Digitalization of global society: from the emerging social reality to its sociological conceptualization // *Wisdom*. V. 21, no. 1. Pp. 123–129. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v21i1.720>

REFERENCES

- Agababyan A.G., Sysoeva M.E. (2019), “«#Ubykhs_exist»: the mediastrategy of ethnical identity construction”, *Izvestia SOIGSI*, no. 31 (70), pp. 73–92, <https://doi.org/10.23671/VNC.2019.70.27632>

- Atsuta A.I. (2017), "Media consumption and media creation: to the question of effective youth cybersocialization", *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, no. 1 (23), pp. 18–23.
- Grimov O.A. (2022), "Theoretical and methodological grounds and instrumental complexes of studying the modern media ecosystem", In: *The transformation of ethical matrix in a digital era. Proceedings of the online scientific conference with international participation*. MACS Press, Moscow, Russia, pp. 57–64 (in Russian).
- Jenkins H. (2006), *Convergence culture: where old and new media collide*, New York University Press, New York, US.
- Kachulin A.G. (2018), "The conceptual backgrounds of modern mediaecology: social and philosophical analyses", *Philosophy and Culture*, vol. 4, no. 4, pp. 42–53, <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2017.4.23113>
- Kamensky E. (2020), "Digital technologies in the Russians' everyday life: analysis based on the opinion surveys", *Economic Annals-XXI*, vol. 186, no. 11-12, pp. 134–142. <https://doi.org/10.21003/ea.V186-15>
- Ledenev D.E. (2020), "User's mediaactivity as a factor of self-revelation in a social network profile", *Nauchno-obrazovatelnyy potentsial molodezhi v reshenii aktualnykh problem XXI veka = Scientific and educational potential of youth in solving urgent problems of the 21st century*, no. 16, pp. 322–325.
- Manovich L. (2002), *The language of new media*, The MIT Press, Cambridge, MA, US.
- Melnik G.S. (2020), "New media production technologies: achievements and expenses", *Chelyabinskij Gumanitarij = The Chelyabinsk Humanitarian*, no. 4(53), pp. 48–56.
- Mihelj S., Jiménez-Martínez C. (2021), "Digital nationalism: understanding the role of digital media in the rise of "new" nationalism", *Nations and Nationalism*, vol. 27, no. 2, pp. 331–346, <https://doi.org/10.1111/nana.12685>
- Murzina E.V. (2020), "Media consumption in the conditions of modern society transformation", *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, no. 5 (68), pp. 228–235, <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.68.5.018>
- Rhee L., Bayer J.B., Lee D.S. Kuru O. (2021), "Social by definition: How users define social platforms and why it matters", *Telematics and informatics*, vol. 59, art. number 101538, <https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101538>
- Siebl T.M. (2019), *Digital transformation: survive and thrive in an era of mass extinction*, Rosetta Books, New York, US.
- Tsukanov E.A. (2019), "Media culture and media creativity beyond technologies", *Kultura v fokuse nauchnykh paradigm = Culture in the focus of scientific paradigms*, no. 9, pp. 162–166.
- Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.N. (2021), *Sociology of digital society: monograph*, Tomsk Polytechnic University Publishing House, Tomsk, Russia (in Russian).
- Vasilenko L., Meshcheryakova N., Zotov V. (2022), "Digitalization of global society: from the emerging social reality to its sociological conceptualization", *Wisdom*, vol. 21, no 1, pp. 123–129, <https://doi.org/10.24234/wisdom.v21i1.720>
- Vereshchagin O.A. (2018), "Ecodiscourse and its nomological correlations in sociohumanitaristics", *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo = The humanitarian bulletin of TGPU named after L.N. Tolstoy*, no. 3-2 (27), pp. 76–86, <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2018-2-3-76-86>
- Zarina E.N., Stepanov V.N. (2014), "Inrideopathy as a media strategy of public communication: why do you laugh?", In: *The active processes of social and mass communication: a collective monograph*, Dialog, Yaroslavl, Russia, pp. 151–164 (in Russian).
- Zhilavskaya I.V. (2012), "Youth mediaactivity as a factor of media education", In: *Proceedings of the international scientific and practical conference "Youth and media. The ecology of media environment"*, Moscow, 27–29 November, 2012, RSCI MSHU named after M.A. Sholokhov, Moscow, Russia (in Russian).
- Zotov V.V., Aseeva I.A., Budanov V.G., Belkina V.A. (2022), "The conversion of sociotechnical convergence dangers into the risks of digitalization", *Digital sociology*, vol. 5, no. 2, pp. 4–20, <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-2-4-20>

Пути повышения социальной эффективности малого и среднего бизнеса в условиях цифровизации

УДК 330.190.2 DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-48-55

Получено 12.09.2022

Доработано после рецензирования 17.10.2022

Принято 27.10.2022

Деникин Анатолий Васильевич

Д-р филос. наук, проф. каф. философии
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2466-0703

E-mail: andenikin@yandex.ru

Кубикова Наталья Владимировна

Аспирант
Бизнес-школа экономики и антикризисного управления,
г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2624-4439

E-mail: nata-kubikova@mail.ru

Деникина Зоя Дмитриевна

Д-р филос. наук, проф. каф. философии
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3119-1546

E-mail: zooden@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос, связанный с путями повышения социальной эффективности малого и среднего бизнеса в условиях цифровизации. Авторами были рассмотрены ключевые аспекты, касающиеся внутренней составляющей бизнес-процессов сквозь призму бихевиористского подхода – изучена роль человеческого капитала в формировании социальной эффективности компании, определены способы его измерения, выявлена роль удовлетворенности работой, а также влияние этого показателя на продуктивность трудового коллектива в целом. Социальная эффективность компании является комплексным явлением, поэтому важным является изучение путей ее совершенствования через внутренние бизнес-процессы. В качестве основных выводов к статье

авторами сформулированы рекомендации по улучшению уровня удовлетворенности работой посредством интеграции новейших цифровых технологий. Важное место уделено изучению вопроса, связанного с факторами повышения удовлетворенности работой. Авторами были рассмотрены основные группы факторов, формирующих уровень удовлетворенности сотрудника работой. Исходя из выявленных факторов авторами были составлены рекомендации по повышению социальной эффективности компании. В заключительной части статьи даны выводы относительно дальнейшего развития социальной эффективности малого и среднего бизнеса в условиях цифровизации.

Ключевые слова

Цифровизация, социальная эффективность, малый и средний бизнес, человеческий капитал, уровень удовлетворенности работой, социальная структура

Для цитирования

Деникин А.В., Деникина З.Д., Кубикова Н.В. Пути повышения социальной эффективности малого и среднего бизнеса в условиях цифровизации // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 48–55.

© Деникин А.В., Деникина З.Д., Кубикова Н.В., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Ways to improve the social efficiency of small and medium-sized businesses in the context of digitalization

Received 12.09.2022

Revised 17.10.2022

Accepted 27.10.2022

Anatoly V. Denikin

Dr. Sci. (Philos.), Prof. at the Humanities Department
Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2466-0703

E-mail: andenikin@yandex.ru

Natalia V. Kubikova

Postgraduate student
Business School of Economics and Crisis Management, Moscow,
Russia

ORCID: 0000-0002-2624-4439

E-mail: nata-kubikova@mail.ru

Zoya D. Denikina

Dr. Sci. (Philos.), Prof. at the Humanities Department
Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3119-1546

E-mail: zooden@mail.ru

ABSTRACT

This article discusses the issue related to ways to improve the social efficiency of small and medium-sized businesses in the context of digitalization. The authors consider key aspects concerning the internal component of business processes through the prism of a behaviorist approach – study the role of human capital in the formation of social efficiency of the company, identify ways of measuring it and the role of job satisfaction, as well as the impact of this indicator on the productivity of the workforce as a whole. The social efficiency of a company is a complex phenomenon, therefore, the study of ways to improve it through internal business processes is important. As the main conclusions to the work,

the authors formulate recommendations for improving the level of job satisfaction through the integration of the latest digital technologies. An important place in this article is devoted to the study of the issue related to the factors of increasing job satisfaction. The authors consider the main groups of factors that form the level of employee satisfaction with work. Based on the identified factors, the authors make recommendations to improve the social efficiency of the company. In the final part of the article, the authors make conclusions regarding the further development of the social efficiency of small and medium-sized businesses in the conditions of digitalization.

Keywords

Digitalization, social efficiency, small and medium-sized businesses, human capital, job satisfaction, social structure

For citation

Denikin A.V., Denikina Z.D., Kubikova N.V. (2022) Ways to improve the social efficiency of small and medium-sized businesses in the context of digitalization, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 48–55. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-48-55

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Вопрос повышения социальной эффективности малого и среднего бизнеса в современных реалиях является актуальным ввиду усложнения экономической ситуации и влияния внешних факторов. Особенно важным аспектом социальной эффективности является интеграция и адаптация цифровых технологий, которые позволяют на уровне внутренних бизнес-процессов усилить степень удовлетворенности сотрудников работой и повысить общий уровень развития компании.

Проблема исследования заключается в том, что современная эпоха цифровизации позволяет использовать множество эффективных инструментов для повышения условий труда работников, однако с другой стороны, малый и средний бизнес не уделяют должное внимание внутренним бизнес-процессам, в рамках которых особую роль играет уровень удовлетворенности работой.

Объектом исследования является социальная эффективность, а предметом – пути ее повышения. Целью данной работы является изучение путей повышения социальной эффективности малого и среднего бизнеса в условиях цифровизации.

Исходя из поставленной цели, авторами были выдвинуты следующие задачи:

- 1) изучить пути повышения социальной эффективности малого и среднего бизнеса;
- 2) выявить функцию человеческого капитала в рамках повышения социальной эффективности;
- 3) определить способы измерения человеческого капитала;
- 4) дать определение понятию удовлетворенности работой в условиях цифровизации;
- 5) исследовать факторы повышения удовлетворенности работой.

Вопрос повышения социальной эффективности малого и среднего бизнеса невозможен без анализа внутренних бизнес-процессов. Таким образом, изучение человеческого капитала и уровня удовлетворенности работой позволят повысить социальную эффективность на внутреннем уровне.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА / WAYS TO INCREASE SOCIAL EFFICIENCY OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS

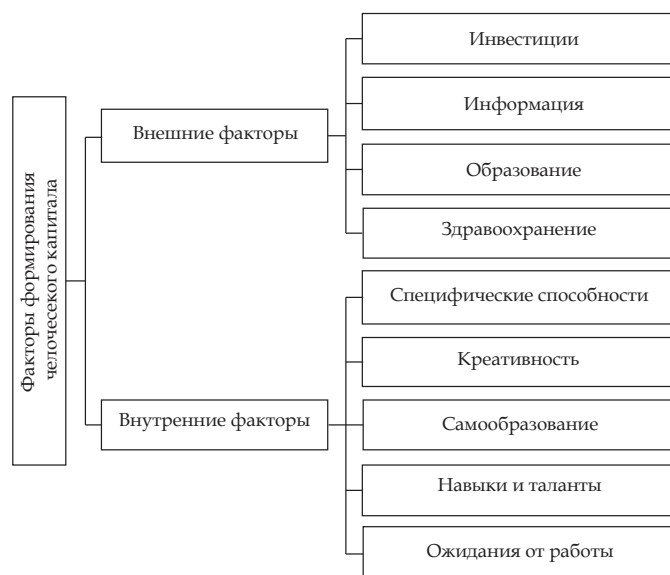
В различных исследованиях, связанных с повышением социальной эффективности бизнеса, наблюдается прямая корреляция уровня технической и технологической оснащенности с производительностью труда, а также с уровнем удовлет-

воренности работой [Унтура, 2019]. Менеджеры признают, что производительность повышается, когда работники удовлетворены своей работой, а общий результат организации растет по мере того, как уровень достижений удовлетворенных работников становится выше, и это мнение широко распространено.

В аспекте повышения социальной эффективности малого и среднего бизнеса развитие человеческого капитала является одним из наиболее приоритетных направлений [Турнаев, 2021]. Это связано с тем, что инвестирование в человеческий капитал напрямую влияет на сокращение барьеров между внутренней и внешней средой организации, а значит делает ее более ориентированной на выполнение других функций, кроме извлечения прибыли, а также благоприятно влияет на социальную эффективность компании.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ / HUMAN CAPITAL AS A FACTOR OF INCREASING SOCIAL EFFICIENCY

Исследования человеческого капитала носят междисциплинарный характер, поскольку формирование человеческого капитала происходит одновременно под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Система этих факторов отражена на рисунке 1.

Составлено авторами по материалам источника [Булина и др., 2020] / Compiled by the authors on the materials of the source [Bulina et al., 2020]

Рис. 1. Факторы формирования человеческого капитала

Fig. 1. Factors of human capital formation

Более образованные и лучше подготовленные сотрудники на любом рабочем месте могут принести большую пользу своим работодателям. Образование и профессиональная подготовка представляют собой инвестиции в человеческий капитал. В эпоху экономики знаний важность людских ресурсов перевесила важность физических и финансовых ресурсов.

Инвестирование в образование и профессиональную подготовку работника аналогично инвестированию в капитальные блага [Шевченко, 2018]. Такие разумные инвестиции повышают производительность труда и прибыль и связаны со значительными начальными затратами.

Нематериальный аспект человеческих ресурсов, который содержит знания, навыки, умения и другие характеристики сотрудников, представлен человеческим капиталом. Человеческий капитал фокусируется на знаниях, навыках и способностях сотрудников, которые создают ценность для предприятия. Управление человеческими ресурсами в целом и исключительно касается работы, выполняемой всеми сотрудниками и менеджерами, независимо от того, вносят ли они вклад в создание ценности или нет.

ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА / HUMAN CAPITAL MEASURING

Для повышения социальной эффективности малого и среднего предпринимательства необходимо иметь представление о том, как можно измерять динамику состояния человеческого капитала в организации.

В целом, существует два типа измерения человеческого капитала: денежное измерение, которое выражает ценность человеческого капитала в денежном выражении, и неденежное измерение, которое включает использование шкал типа Лайкерта, а также других нефинансовых показателей человеческой деятельности. Для количественной оценки человеческого капитала предприятие должно оценить отношение и поведение сотрудников, внутренние и внешние показатели эффективности, например, качество продукции и услуг, производительность, продажи и другие финансовые показатели [Ерешко, 2020].

Кроме того, существует еще одна методика измерения человеческого капитала, состоящая из трех компонентов [Wijaya et al., 2019].

1. Сбор и измерение всех возможных данных о численности персонала, текучести кадров, продвижении по службе и других данных из информационной системы управления персоналом.

2. Упрощение измерения за счет выделения нескольких ключевых показателей, существенно повышающих качества данных, (например, рекрутинг, начисление заработной платы).

3. Интеграция операционных данных, которые включают информацию из источников, не связанных с персоналом, таких как финансы, маркетинг и контроль качества, а также производные показатели, такие как доход на одного сотрудника, создаваемая ценность на одного сотрудника и т.д.

Еще одним немаловажным направлением в области повышения социальной эффективности малого и среднего предпринимательства является повышение удовлетворенности работой со стороны сотрудников.

ПОНЯТИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ / THE WORK SATISFACTION CONCEPT IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Удовлетворенность работой является важным понятием с управленческой точки зрения, и оно определяется по-разному в зависимости от точки зрения исследователей. Удовлетворение или неудовлетворенность являются результатом личных факторов, связанных с работой, и различных установок в отношении повседневной жизни.

Во-первых, удовлетворенность работой – это набор различных отношений к работе и ее условиям. Во-вторых, уровень удовлетворенности может быть измерен путем сравнения ожиданий и фактического опыта сотрудников. В-третьих, удовлетворенность определяется различными факторами, такими как заработная плата, работа, руководители и коллеги, шансы на продвижение по службе, техническое оснащение трудового места и т.д.

Повышение удовлетворенности работой оказывает положительное влияние на развитие организаций, например, способствует укреплению психического здоровья, улучшению результатов работы, мотивации и качества жизни [Темницкий, Бессокирная, 2018]. С другой стороны, снижение имеет негативные последствия, такие как увеличение текучести кадров, стресс и т.д. Кроме того, удовлетворенность работой влияет на качество обслуживания клиентов компании. Исходя из этих положений необходимо максимизировать удовлетворенность сотрудников работой, вследствие чего повысится эффективность деятельности компании.

В современных условиях цифровизации повышение уровня удовлетворенности работой представляет собой комплекс мер, который включает в себя не только проработку социально-психологического аспекта рассматриваемой

проблемы, но также затрагивает вопросы технологического и технического оснащения трудового места сотрудника.

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ / FACTORS OF IMPROVING JOB SATISFACTION

Организационная приверженность, которая часто рассматривается в качестве положительного следствия удовлетворенностью работой со стороны сотрудников организаций, была широко исследована в таких областях, как социология, промышленная психология и наука о поведении, и считается одним из важных показателей результативности деятельности организации.

Существует широкий круг факторов, влияющих на повышение удовлетворенности работой у сотрудников организаций, при этом в большинстве случаев факторы разделяются на три большие группы, внутри которых возможны определенные тонкости (рис. 2).

К числу различных факторов, которые улучшают результаты деятельности организаций, в случае если личные цели и ценности удовлетворяются организационной поддержкой, относятся:

- высокая удовлетворенность работой;
- приверженность организации;
- активное отношение к целям организации.

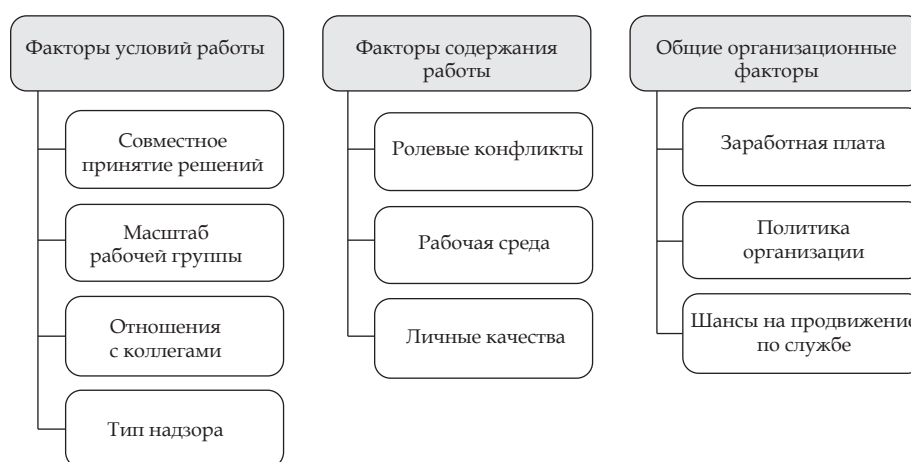
Степень удовлетворенности является важным критерием для управления и оценки организаций. С точки зрения организации, работники, которые положительно относятся к своей работе, повышают производительность труда, описывая организацию положительно

и благосклонно и формируя дружеские отношения, которые уменьшают количество пропусков и текучести кадров.

ИССЛЕДОВАНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ УСЛОВИЯМИ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ / STUDY OF SATISFACTION WITH WORKING CONDITIONS AND SOCIAL EFFICIENCY

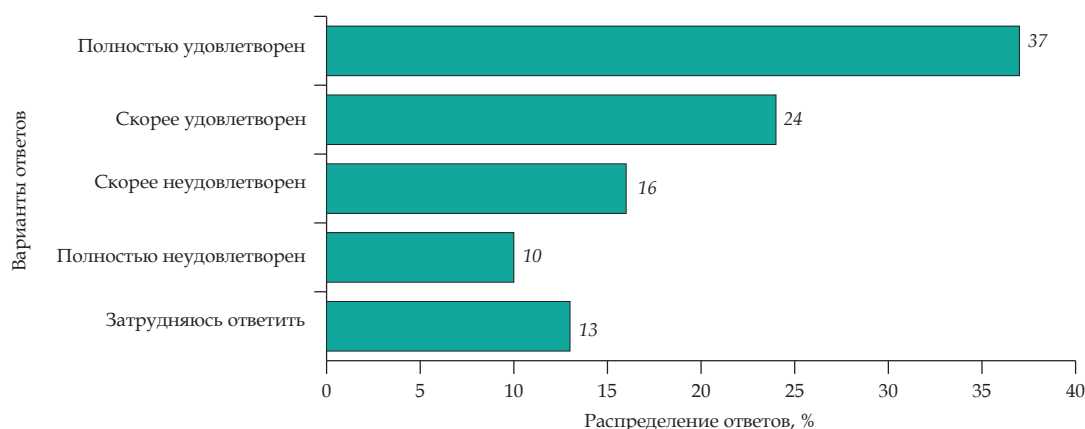
В июле 2022 г. было проведено авторское исследование, цель которого заключалась в изучении взаимосвязи между удовлетворенностью сотрудников в аспекте условий работы и социальной эффективностью предприятий малого и среднего размера. По результатам исследования было выявлено, что большая часть сотрудников малых и средних предприятий удовлетворена условиями труда (рис. 3).

При этом отношения с начальством у большинства сотрудников (76 %) находятся на удовлетворительном уровне, в частности, это касается осведомленности о действиях организации и открытости информации о планируемых мероприятиях. Важно отметить, что оценка сотрудниками социальной эффективности предприятий, в которых они работают, находится на относительно высоком уровне: 66 % оценивают данный показатель как высокий и выше среднего. При этом было выявлено, что существует корреляционная связь у респондентов, которые высоко оценили удовлетворенность условиями труда и социальную эффективность предприятий; коэффициент корреляции составил 0,78.

Составлено авторами по материалам источника [Устинова, Гордиевская, 2019] / Compiled by the authors on the materials of the source [Ustinova, Gordievskaya, 2019]

**Рис. 2. Факторы, влияющие
на удовлетворенность работой**
Fig. 2. Factors affecting job satisfaction

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 3. Удовлетворенность рабочими условиями сотрудников, %

Figure 3. Satisfaction with the working conditions of employees, %

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Таким образом, можно сказать, что чем выше удовлетворенность сотрудников условиями труда и цифровой оснащенностью рабочего места, тем выше производительность их труда и социальная эффективность компании в целом. На основе проведенного исследования сформируем основные выводы, которые подчеркивают взаимосвязь социальной эффективности малого и среднего бизнеса и технической, технологической оснащенности трудового места сотрудников.

1. Для повышения социальной эффективности бизнеса необходимо интегрировать мотивационные механизмы и образовательные программы, которые могли бы способствовать усвоению профессионализма кластерами рабочих с низким восприятием. Это может повысить удовлетворенность работой и производительность труда. Использование цифровых платформ для предоставления образовательных услуг позволит снизить издержки.

2. Для повышения восприятия профессионализма необходимо улучшение условий труда и институциональное повышение заработной платы, социального обеспечения и гарантий занятости по сравнению с другими профессиями. Кроме того, значительную роль играет рабочее место сотрудников. Ввиду высоких темпов развития технологического оборудования необходима

интеграция новейших технологий в функционирование бизнеса.

3. Необходимо дополнить индексы стандартизации труда для повышения профессионализма работников, а также систематизировать работу и развитие карьеры в отрасли, поощряя компании использовать стандартизацию труда и поведенческие стандарты. Для расчета индексов стандартизации труда предполагается использование искусственного интеллекта, так как это позволит снизить влияние человеческого фактора и повысить прозрачность процесса вычисления этих индексов.

Подводя итог вышесказанному, следует заметить, что социальная эффективность является комплексным понятием, поэтому изучение данного феномена со стороны внутренних бизнес-процессов позволит более качественно подойти к формированию социально эффективного и ответственного бизнеса. Исходя из утверждения о том, что уровень удовлетворенности работой значительно сказывается не только на продуктивности самих работников, но также и на общем уровне продуктивности компании, необходимо уделить особое внимание повышению качества социально-психологического климата в рамках трудового коллектива, а также интегрировать новейшие технологии в трудовой процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булина А.О., Мозговая К.А., Пахнин М.А. (2020). Человеческий капитал в теории экономического роста: классические модели и новые подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 36, № 2. С. 163–188. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.201>

Ерешко Ф.И., Казаренков В.И., Каменев И.Г., Кокуйцева Т.В., Меденников В.И., Неверов А.В., Овчинникова Н.Э., Овчинникова О.П., Островская А.А., Шиманский А.А. (2020). Управление человеческим капиталом в условиях цифровизации экономики: оценка его влияния на экономический рост, конкурентоспособность, социальное благополучие и развитие общества. Монография. М.: Изд-во РУДН. 212 с.

- Кокоева В.А., Плеханов С.В. (2021). Некоторые вопросы социальной и экономической эффективности в сфере предпринимательства // Социальные науки. № 1. С. 59–68.
- Морозов А.А. (2018). Корпоративная социальная ответственность в контексте социально-экономического развития общества // Российское предпринимательство. Т. 19, № 10. С. 3119–3128. <http://doi.org/10.18334/rp.19.10.39401>
- Соболева Ю.П., Коргина О.А., Данилова Н.Е. (2018). Социальный ресурс бизнеса: сущность, направления оценки трудового потенциала // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 1. С. 138–148.
- Соболева Н.Э. (2020). Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1 (155). С. 368–390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.15>
- Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П. (2018). Удовлетворенность работой и удовлетворенность жизнью в современной России: модели взаимосвязей // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». № 4. С. 138–152.
- Турнаев Р.С. (2021). Социальная ответственность бизнеса // Трибуна ученого. № 2. С. 271–276.
- Удалов Д.В. (2020). Цифровая трансформация социально-экономического пространства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 3 (82). С. 33–36.
- Унтура Г.А. (2019). Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост российских регионов в условиях финансовых ограничений // Пространственная экономика. Т. 15, № 1. С. 109–133. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.1.107-131>
- Устинова К.А., Гордиевская А.Н. (2019). Удовлетворенность работой и параметры, ее определяющие // Проблемы прогнозирования. № 1 (172). С. 123–130.
- Шевченко Е.А. (2018). Социальная ответственность бизнеса как инструмент эффективной региональной политики // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. № 1. С. 12–12.
- Cijan A., Jenič L., Lamovsek A., Stemberger J. (2019). How digitalization changes the workplace // *Dynamic relationships management journal*. V. 8, no. 1. Pp. 3–12. <http://dx.doi.org/10.17708/DRMJ.2019.v08n01a01>
- Matousek R., Tzeremes N.G. (2021). The asymmetric impact of human capital on economic growth // *Empirical Economics*. V. 60, no. 3. Pp. 1309–1334. <https://doi.org/10.1007/s00181-019-01789-z>
- Osiobe E.U. (2019). A literature review of human capital and economic growth // *Business and Economic Research*. V. 9, no. 4. Pp. 179–196. <http://dx.doi.org/10.5296/ber.v9i4.15624>
- Wijaya P.Y., Hutnaleontina P.N., Ismayanthi T.I. (2019). Social Capital Effectiveness Toward Competitive Advantage and Business Performance (Case Study Of Village Credit Institutions In Gianyar Regency, Bali, Indonesia) // *Scientific Papers: Management, Economic Engineering in Agriculture & Rural Development*. V. 19, no. 3. Pp. 1942–1954.

REFERENCES

- Bulina A.O., Mozgovaya K.A., Pakhnin M.A. (2020), “Human capital in economic growth theory: Classical models and new approaches”, *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 36. no. 2. pp. 163–188, <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.201>
- Cijan A., Jenič L., Lamovsek A., Stemberger J. (2019), “How digitalization changes the workplace”, *Dynamic relationships management journal*, vol. 8, no. 1, pp. 3–12, <http://dx.doi.org/10.17708/DRMJ.2019.v08n01a01>
- Ereshko F.I., Kazarenkov V.I., Kamenev I.G., Kokuitseva T.V., Medennikov V.I., Neverov A.V., Ovchinnikova N.E., Ovchinnikova O.P., Ostrovskaya A.A., Shimanskii A.A. (2020), *Human capital management in the conditions of digitalization of the economy: assessment of its impact on economic growth, competitiveness, social well-being and development of society. Monograph*, Peoples’ Friendship University Publ. House, Moscow, Russia (In Russian).
- Kokoeva V.A., Plekhanov S.V. (2021), “Some issues of social and economic efficiency in the field of entrepreneurship”, *Social Sciences*, no. 1, pp. 59–68.
- Matousek R., Ceremes N.G. (2021), “The asymmetric impact of human capital on economic growth”, *Empirical Economics*, vol. 60, no. 3, pp. 1309–1334, <https://doi.org/10.1007/s00181-019-01789-z>
- Morozov A.A. (2018), “Corporate social responsibility in the context of company socio-economic development”, *Rossiyskoe predprinimatelstvo [Russian Entrepreneurship]*, vol. 19, no. 10, pp. 3119–3128, <http://doi.org/10.18334/rp.19.10.39401>
- Osiobe E.U. (2019), “Review of the literature on human capital and economic growth”, *Business and Economic research*, vol. 9, no. 4, pp. 179–196, <http://dx.doi.org/10.5296/ber.v9i4.15624>
- Shevchenko E.A. (2018), “Social responsibility of business as an instrument of effective regional policy”, *Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus. The Economy and national economy management*, no. 1. pp. 12–12.
- Soboleva Yu.P., Korgina O.A., Danilova N.E. (2018), Social resource of business: the essence, directions of assessment of labor potential // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, no. 1, pp. 138–148.

- Soboleva N.E. (2020), “Determinants and the Interrelationship Between Job Satisfaction and Life Satisfaction in Russia”, *Monitoring public opinion: Economic and Social Changes*, no. 1(155), pp. 368–390, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.15>
- Temnitskiy A.L., Besokirnaya G.P. (2018), “Work and life satisfaction in modern Russia: models of interrelation”, *Herald of Omsk University. Series “Economics”*, no. 4, pp. 138–152.
- Turnaev R.S. (2021), “Social responsibility of business”, *Tribuna uchenogo [Tribune of the Scientist]*, no. 2, pp. 271–276.
- Udalov D.V. (2020), “Digital transformation of the socio-economic space”, *Vestnik of the Saratov State Socia-Economic University*, no. 3 (82), pp. 33–36.
- Untura G.A. (2019), “Estimation of Human Capital Influence on Economic Growth in Russian Regions under Conditions of Financial Shortage”, *Spatial Economics*, vol. 15, no. 1, pp. 109–133, <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.1.107-131>
- Ustinova K.A., Gordievskaya A. N. (2019), “Job satisfaction and the parameters that define it”, *Problems of forecasting*, no. 1 (172), pp. 123–130.
- Wijaya P.Y., Hutnaleontina P.N., Ismayanthi T.I. (2019), “Social Capital Effectiveness Toward Competitive Advantage and Business Performance (Case Study Of Village Credit Institutions In Gianyar Regency, Bali, Indonesia)”, *Scientific Papers: Management, Economic Engineering in Agriculture & Rural Development*, vol. 19, no. 3, pp. 1942–1954.

Медийная коммуникация как фактор самоорганизации диаспоры

УДК 316.774 DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-56-66

Получено 23.08.2022

Доработано после рецензирования 21.09.2022

Принято 05.10.2022

Каменева Татьяна Николаевна

Д-р социол. наук, проф. каф. социологии, психологии управления и истории
Государственный университет управления, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0250-2421

E-mail: kalibri0304@yandex.ru

Кунилова Ксения Дмитриевна

Аспирант
Курский государственный университет, г. Курск, Россия

ORCID: 0000-0003-4019-6813

E-mail: kseniyakunilova@yandex.ru

Целуйко Андрей Валерьевич

Канд. юр. наук, зав. каф. социологии, психологии управления и истории

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8152-9309

E-mail: av_celuyko@guu.ru

АННОТАЦИЯ

Интенсивно развивающиеся информационные и информационно-коммуникационные технологии способствуют трансформации миграционных процессов характерных для современных иностранных студентов. Возникает необходимость переопределения и переосмысления многих понятий, в том числе понятия «диаспора», а также переосмысления роли интернет-технологий в диаспоральных коммуникациях, которые складываются на нескольких уровнях: «мигрант – страна исхода» и «мигрант – страна-реципиент». Меняется характер взаимодействий иностранного гражданина не только с его исторической родиной, но и с государством, в котором он оказывается. Становится очевидным, что интернет-технологии и интернет-коммуникации могут воздействовать на процесс адаптации иностранных студентов, а также на характер их взаимодействий с соотечественниками и представителями иной социально-культурной среды. Медийная коммуникация, которая формируется в интернет-пространстве, оказывает влияние на организацию

диаспоры, на ее самоорганизацию, что требует изучения данной сферы, а также изучения возможных аспектов самоорганизации в новых медийных условиях. В статье авторы предпринимают попытку проанализировать, каким образом современные интернет-технологии помогают иностранному студенту на различных этапах его адаптации к новым социокультурным условиям, также оценивают роль этих технологий в подготовительном этапе, когда иностранный студент только планирует свой переезд, находится в активном поиске достоверной информации о вероятных препятствиях, проблемах и возможностях своего пребывания на новой территории. Важный раздел статьи – анализ интернет-технологий как механизма диаспорной коммуникации, а также как механизма реализации коммуникативного капитала диаспоры в процессе адаптации иностранного студента и его интеграции в новые социокультурные условия и образовательную среду вуза.

Ключевые слова

Коммуникация, сеть «Интернет», страна исхода, страна-реципиент, интернет-коммуникация, мигрант, диаспора, иностранный студент, образование, образовательная среда вуза, образовательный процесс, адаптация, интеграция, социокультурная адаптация, информация

Для цитирования

Каменева Т.Н., Кунилова К.Д., Целуйко А.В. Медийная коммуникация как фактор самоорганизации диаспоры // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 56–66.

© Каменева Т.Н., Кунилова К.Д., Целуйко А.В., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Media communication as a factor of diaspora self-organization

Received 23.08.2022

Revised 21.09.2022

Accepted 05.10.2022

Tatiana N. Kameneva

Dr. Sci. (Sociol.), Prof. at the Sociology, Management Psychology and History Department

State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0250-2421

E-mail: kalibri0304@yandex.ru

Kseniya D. Kunilova

Postgraduate Student

Kursk State University, Kursk, Russia

ORCID: 0000-0003-4019-6813

E-mail: kseniyakunilova@yandex.ru

Andrey V. Tseluiko

Cand. Sci. (Jur.), Head of the Sociology, Management Psychology and History Department

State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8152-9309

E-mail: av_celuyko@guu.ru

ABSTRACT

Intensively developing information and information and communication technologies contribute to the transformation of the modern international students' migration process. There is a need to redefine and rethink many concepts, including the concept of diaspora, as well as rethinking the role of Internet technologies in diaspora communication processes, which are formed at several levels: migrant – country of origin and migrant – recipient country. The nature of interactions of a foreign citizen is changing not only with his historical homeland, but also with the state in which he finds himself. It becomes obvious that Internet technologies and Internet communications can influence the process of adaptation of foreign students, as well as the nature of their interactions with compatriots and representatives of other socio-cultural environment. Media communication, which is formed in the Internet, has an impact on the organization of the

diaspora, on its self-organization, which requires studying this area, as well as possible aspects of self-organization in new media conditions. In this article, the authors attempt to analyze how modern Internet technologies help a foreign student at various stages of his adaptation to new socio-cultural conditions, also assess the role of Internet technologies in the preparatory stage, when a foreign student is just planning his move and actively searching for reliable information about possible obstacles, problems and opportunities of his stay in a new territory. An important section of the article is the analysis of Internet technologies as a mechanism of diaspora communication, as well as a mechanism for implementing the communicative capital of the diaspora in the process of adaptation of a foreign student and his integration into new socio-cultural conditions and the educational environment of the university.

Keywords

Communication, Internet, country of origin, recipient country, Internet communication, migrant, diaspora, foreign student, education, educational environment of the university, educational process, adaptation, integration, socio-cultural adaptation, information

For citation

Kameneva T.N., Kunilova K.D., Tseluiko A.V. (2022) Media communication as a factor of diaspora self-organization, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 56–66. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-56-66

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Миграция является феноменальным процессом, который имеет весьма богатую историю. Миграция охватывает различные эпохи и целые поколения, и сегодня миграционные процессы в значительной степени связаны и с развитием информационных интернет-технологий. Медиапространство становится основой для формирования крепких, устойчивых отношений, в которых задействованы и мигранты, и представители принимающей стороны. От того, насколько крепки эти связи, во многом будет зависеть интеграционный и адаптационный процесс, в частности интеграция в образовательное пространство. Также большая роль отводится изучению роли медийной коммуникации не только в формировании диаспорных взаимосвязей, но и в самоорганизации диаспоры. Упор делается на некоторые аспекты самоорганизации, включая информационный, коммуникативный аспекты, а также на собственно самоорганизацию, которая постепенно набирает силу в рамках рассмотрения диаспор и диаспорных объединений.

Люди мигрируют с разными целями: кто-то просто устает жить на той территории, где он находится, и поэтому принимает решение о переезде, кому-то интересно изучать новый язык, культуру, проникать в новые этнические сообщества. Есть и те, кто в «поисках лучшей жизни» оставляет свою родину, так как хочет побывать и пожить в стране с высокими стандартами жизни. И первичную информацию мигранты узнают именно посредством медиатехнологий. В последние годы сеть «Интернет» (далее – Интернет) способствует формированию диаспор и их развитию, и речь идет о совершенно новом качественном уровне развития [Исхакова, 2016]. Одновременно с ростом уровня мировой интернетизации происходит и процесс активного и необратимого внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни человека. Благодаря технологиям и технологическому прогрессу человеку открываются все возможности для поиска информации, для обучения, получения профессии. Самое главное – интернет-технологии становятся ключом к медийной коммуникации, которая не подвластна расстоянию, времени или дефициту данных. Медийная коммуникация – это особый вид коммуникации, в рамках которой для получения данных, превращения их в релевантную и подходящую для человека информацию используют разнообразные каналы средств массовой информации (СМИ), а также медиаподобные платформы, которые изначально

были ориентированы на формирование коммуникации между узким кругом участников системы коммуникации. Отсюда появление большого количества мессенджеров, развитие социальных сетей, форумов и блогов, где люди могут непрерывно взаимодействовать друг с другом, а также обмениваться информацией, данными и знаниями. Медийные коммуникации сочетают в себе информационные и коммуникативные факторы, однако актуализируется вопрос, каким образом медийные коммуникации влияют на социально-демографические и территориальные группы, на национальные и этнические общности, к числу которых относятся и диаспоры.

Интернет зачастую рассматривается в качестве средства для реализации массовой коммуникации, что вполне оправданно, так как сегодня большая часть населения планеты включена в глобальное интернет-пространство. В нем представители разных этносов и наций, культур, религий и традиций взаимодействуют друг с другом, делая это беспрепятственно [Пожидаева, 2016]. Но следует отметить, что мигранты используют Интернет скорее для удовлетворения собственных индивидуальных потребностей, и пользование не несет в себе ни организационного характера, ни институциональной составляющей. Те этносы, у которых отсутствует своя национальная или культурная автономия, а также этносы, у которых нет своего сайта на государственном уровне, считаются группами, которые чаще остальных испытывают проблемы, и это связано с тем, что элементарная потребность в структурировании и систематизации данных о себе может помочь закрепить статус группы и сообщить больше информации другим.

Медиатехнологии, мобильные технологии помогают мигрантам поддерживать связь с семьей и друзьями, близкими, где бы они ни находились. Эта практика стала одним из оснований полагать, что медийные средства коммуникации способствуют самоорганизации диаспор. Члены диаспор самостоятельно выбирают для себя площадки для взаимодействия, для поиска ключевой информации по их прибытию, дальнейшим действиям во время обучения и проживания в другом городе и другой стране. Также в медиапространстве они могут находить друг друга, общаться, опираясь на единый опыт пребывания в новых социальных и культурных условиях. В связи с этим переезд в другую страну перестал ассоциироваться у мигрантов с изоляцией, ведь теперь им гораздо проще в любой момент найти возможность пообщаться с близкими, а также завязать новые знакомства,

благодаря медиaprостранству. Мигранты получают большой опыт, когда оказываются в разных точках планеты, но это порождает лишь новые вопросы о том, каким образом происходит формирование, передача и воссоздание национальной, этнической, культурной и языковой, политической и иных типов этничности; как мигранты после подобных перемещений воспринимают территориальную общность и как воспринимают ее те, кто изначально не сталкивался с опытом иммиграции и миграции, однако со стороны наблюдает перемещения.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ / THEORY AND METHODS

Технологии, которые весьма быстро развиваются и способствуют прогрессу в обществе, требуют пересмотра знаний как на теоретическом уровне, так и на уровне феноменов. Изучение международной миграции и роли диаспор в жизни мигрантов является наиболее актуальной областью, которая затрагивает социальные и политические науки [Alonso, 2010]. Теории миграции делятся на несколько уровней: макро-, мезо- и микроуровень. Макроуровень рассматривает преимущественно структурные экономические и политические условия, которые способствуют миграции, по которым мигрант также может оценивать привлекательность той или иной страны, города или населенного пункта. Микроуровень – это принятие решений (теория рационального выбора, когда мигрант выбирает для себя наилучшее место, где он может жить, работать, получать образование). Что касается мезоуровня, то на нем изучают социальные сети и связи, которые оказывают влияние на мигрантов. Например, теория социальных сетей, которая как раз более актуальна, если говорить о медиaprостранстве и о том, что социальные сети способствуют сближению и снижают риски отчуждения [Brettel, 2000].

Как уже было отмечено, при анализе диаспор мезоуровень является наиболее продуктивным. Члены диаспор активно пользуются социальными сетями, поскольку в интернет-пространстве сегодня имеются все необходимые ресурсы для раскрытия межличностных процессов, для принятия решений и в совокупности для того, чтобы проанализировать населенность территории мигрантами, найти единомышленников, которые имеют то же вероисповедание, говорят на том же языке и вовлечены в схожие культурные процессы. Некоторые исследователи, в числе которых А.В. Головнев, С.Ю. Белоруссова, Т.С. Киссер, отмечают, что сообщества эмигрантов используют онлайн- и мобильные технологии для

передачи и поддержания своей идентичности, а также для того, чтобы наладить взаимодействия друг с другом, с членами семьи, с друзьями и знакомыми, которые остались в стране исхода [Головнев и др., 2021]. Интернет – это своего рода решение всех проблем, которые предполагают релокацию и дислокацию мигрантов в результате временного и пространственного расстояния, которое формируется между диаспорой и родиной.

Постепенно само понятие «диаспора» трансформировалось. На это повлияли феномены глобализации, транслокации и кризис традиционного государства. Поэтому чаще всего иммиграция – это скорее вопрос идентичности, когда диаспоры вынуждены переопределяться в соответствии с новыми социокультурными условиями. Ранее термин «диаспора» означал группу мигрантов, которые проживают вне страны исхода, вне своей родины [Лужнов, 2018]. Но теперь это понятие переросло в «цифровую диаспору», что подразумевает участие ее членов в действиях, которые связаны с информационными компьютерными технологиями. Этот процесс считается необратимым с самого начала, так как информационные технологии достаточно быстро охватили все сферы жизни общества и стали определенным показателем состоятельности, самостоятельности, открытости и информативности. Сами мигранты на разных стадиях своих передвижений, миграции и адаптации по-своему используют информационные технологии и механизмы для выстраивания коммуникаций, включая электронную почту, социальные сети, поисковые страницы, форумы и чаты.

Цифровая диаспора воплощается в жизнь по-разному, но основная область, в которой она проявляет себя – это виртуальные сообщества. Она и сама трансформируется в виртуальное сообщество. Мигрантам больше не нужно взаимодействовать друг с другом лично и непосредственно. Виртуальная среда удобна и комфортна для них, так как они не ограничены во времени, а также могут пользоваться невербальными средствами общения, благодаря чему обмен опытом, информацией и в целом сближение происходит гораздо быстрее [Волков, 2021]. Также диаспоры и ее члены создают специальные сайты и сообщества, к которым могут присоединяться представители этноса, религии и те, кто говорит на том же языке. А еще эти сообщества придерживаются принципа открытости, и поэтому абсолютно любой человек, заинтересованный в новой культуре и языке, может примкнуть к ним, ознакомиться с информацией

о диаспоре, а затем и лично познакомиться с ее членами [Бондаренко, 2010].

Общественные организации, ассоциации и объединения, фонды и СМИ, которые связаны с диаспорами, могут иметь свой сайт, но при этом он может лишь изредка пополняться новой информацией, или сайтов и страниц нет вовсе. Это может быть связано с тем, что у организаторов нет интереса в этом, либо сайты имеют низкую посещаемость, они не востребованы у местных жителей, а мигранты вообще не знают об их существовании. Приезжая в новую страну, они ощущают одиночество, так как считают, что кроме них в этом городе или регионе других мигрантов нет. А поскольку интернет-технологии сегодня касаются каждого и играют в жизни многих людей значимую роль, то и наличие сайта или хотя бы какой-то малой доли информации о диаспорах для мигрантов могло бы иметь большое значение. Благодаря этим данным они бы быстрее находили возможность взаимодействовать с соотечественниками, получать от них необходимую поддержку и помощь.

Реализацией культурных проектов занимаются представители молодежных объединений и сообществ, исследователи, посвящающие свою работу изучению определенных этносов. В Курской области Российской Федерации есть несколько общин и диаспор, которые не только ведут свои странички, но и занимаются оформлением официальных сайтов. Например, страница местной иудейской религиозной организации «Еврейская община города Курска» (сайт: <https://feor.ru/administrative-units/kursk/>). Несмотря на религиозную направленность, община представляет интересы евреев, которые проживают на территории Курска и Курской области. На странице есть информация о деятельности общины, исторические сведения, фотоматериалы и контактные данные. Благодаря опубликованной информации, новоприбывшие представители еврейской диаспоры могут познакомиться с ней, стать частью общины, получить поддержку, принять участие в мероприятиях.

Сайт Союза армян России в городе Курск (сайт: <http://sarkursk.ru/>) располагает информацией об организации, последних новостях и проектах, а также о мероприятиях, в том числе благотворительной направленности. Как указано на самом сайте, региональное отделение Союза армян России (САР) – это одна из немногих общественных организаций, которая на слуху у курян. Организация ведет активную внутреннюю деятельность, ее представители занимаются благотворительностью, оказывая помощь детям, взрослым,

оказавшимся в затруднительной ситуации. Недавно была передана помощь беженцам из Луганской и Донецкой народных республик. Таким образом, Союз армян России в Курске занимается помощью не только своим соотечественникам, что говорит о глубокой общественной направленности работы.

Возвращаясь к вопросу интернет-коммуникаций в деятельности диаспор, стоит уточнить, что перечисленные примеры – скорее исключение из правил. Как отмечает М.А. Пожидаева, это обусловлено тем, что «руководство диаспор зачастую не осознает необходимость и перспективы использования интернет-технологий в своей деятельности» [Пожидаева, 2016]. Однако использование традиционных каналов коммуникации не всегда позволяет выстроить отношения с представителями диаспор, которые находятся не в центре, а на «периферии». Они не принимают участие в мероприятиях, редко общаются друг с другом, хотя и имеют острую потребность в этом. Но коммуникации не происходят по причине того, что представители диаспор не осведомлены о них, или они знают о них, но не до конца понимают, как пользоваться этими механизмами и возможностями [Кунилова, 2021].

В научной сфере принято выделять несколько категорий использования интернет-технологий и несколько стадий миграции, которые напрямую связаны и зависят друг от друга. Так, к основным категориям технологий принято относить поисковые системы, электронную почту, форумы, чаты.

Миграция также делится на несколько стадий, включая этапы «до миграции», «после миграции» и «оседлость». На каждой из стадий мигранты пользуются всеми возможностями интернет-технологий, однако они имеют разные цели и задачи, и поэтому в их руках технологии становятся инструментом для установления более сложных социальных и культурных связей, а также инструментом для поиска информации о стране пребывания и новостей о том, что сейчас происходит в их родных странах, для обмена опытом с другими мигрантами, в том числе выходцами из той же диаспоры. Если соотносить коммуникативный капитал, то необходимо отметить, что мигранты используют технологии для поиска информации об образовательных учреждениях, направлениях подготовки, стоимости обучения и условиях обучения (оплата, предоставление общежития и прочее).

Анализ практики и целей использования мигрантами определенных выше стадий, а также интернет-технологий, был осуществлен на основе

полученных в ходе социологического исследования данных. Было опрошено 500 респондентов – иностранных граждан, которые пребывают в Россию для получения высшего образования. Опрос проводился методом онлайн-анкетирования. Квотная выборка была организована по полу и возрасту (в исследовании приняли участие иностранные студенты в возрасте от 18 до 25 лет). Также актуализирован такой метод исследования, как онлайн-фокус-группа, в которой приняли участие 8 иностранных студентов. Онлайн-фокус-группа была организована и проведена в мессенджере Telegram. Исследования в онлайн-пространстве и с помощью онлайн-инструментов и технологий позволяют охватить более широкую аудиторию, невзирая на ограничения (эпидемиологическую и геополитическую ситуацию). Работа авторов также опирается на результаты ранее проведенных социологических исследований, которые характеризуют особенности взаимодействия иностранных граждан, в том числе студентов, в интернет-пространстве и роль медиапространства в диаспоральной деятельности и активности. При статистической обработке используется инструмент SPSS Statistics 26 и программа MS Excel, реализующие функции анализа данных и их визуализации.

Полученные результаты показали, что на стадии «до миграции» в основном используются поисковые системы (89 %), форумы и чаты (67 %), электронная почта (53 %). Исследования, проведенные Е.Я. Варшавской и О.С. Чудиновских [2014] подтверждают тот факт, что в поисковых запросах мигранты чаще ищут информацию о месте, куда планируется переезд, также о городе, где они потенциально хотели бы жить, обучаться. В основном они изучают, исследуют и активно ищут способы для того, чтобы сделать процесс миграции более легким и менее болезненным для самих себя.

К форумам мигранты обращаются нередко, особенно когда они только готовятся к перемещению. Через форумы они получают информацию о возможностях и перспективах трудоустройства в новой стране, о том, какие контакты могут пригодиться им больше всего для жизни на новом месте. Имея свои потребности, мигранты нуждаются в точных инструкциях, где, как и когда они могут эти потребности удовлетворить. Основная функция форумов на этом этапе состоит в сборе информации из формальных сообществ.

В чатах мигранты получают советы и рекомендации от тех, кто до них покинул страну исхода. Они могут обсуждать с другими мигрантами свои настоящие чувства и переживания, впечатления,

выслушивают опыт других и их отзывы. Происходит неформальная коммуникация, благодаря которой мигранты могут тщательнее подготовиться к переезду и уже в более подробных деталях понимают, что их может ждать в новой стране, в новом учебном заведении и в целом в новом социокультурном сообществе.

Электронная почта способствует формированию коммуникации двух типов – формальной и неформальной. При этом коммуникация может формироваться как со знакомыми, так и с незнакомыми людьми. Это положительно влияет на мигранта, так как круг его общения растет, и если в него начинают входить люди, которые являются носителями нового языка и иной культуры, то это значительно поможет мигранту чувствовать себя гораздо увереннее при переезде в принимающую страну. Электронная почта позволяет мигранту оценить перспективы своей миграции и перспективы получить поддержку после нее. Также с ее помощью можно установить новые социальные и культурные связи, поддерживать общение с новыми знакомыми, обмениваться опытом, интересоваться культурной жизнью и постепенно погружаться в нее. Такая практика распространяется все сильнее, и тем она ценнее, ее необходимо развивать, так как это потрясающий опыт не только для мигранта, но и для человека, который находится по другую сторону экрана и который также может быть заинтересован в знакомстве с новой культурой, в изучении языка и приобщении к традициям.

На стадии «после миграции» большинство опрошенных иностранных студентов, обучающихся на 2–3 курсах в вузах, указали, что в первую очередь они пользуются поисковыми системами. Они уже достаточно уверенно пользуются этими технологиями и иными интернет-ресурсами для того, чтобы получить не просто подробную, но еще и достоверную информацию о месте проживания, обучения. Основной целью, с которой они ищут информацию в Интернете, является желание как можно быстрее адаптироваться, интегрироваться в новое этнонациональное пространство (42 %), получить достоверную информацию о стране, в которую они приехали (39 %). Также активно используются различные мессенджеры для поддержания связей с родственниками и соотечественниками, которые остались на исторической родине. Электронную почту на данном этапе мигранты используют для того, чтобы поддерживать уже имеющиеся контакты и устанавливать связь с другими мигрантами (76 %), которые точно так же могут нуждаться в помощи и поддержке – как моральной, так и материальной;

получать важную учебную и другую информацию (83 %). Следовательно, иностранные граждане поддерживают старые связи, что было затруднительно еще 15–20 лет назад, выстраивают новые связи для того, чтобы это помогло им справиться с некоторыми психологическими проблемами и даже преградами в социализации.

На форумах мигранты находят контакты и формируют коммуникации, которые помогают восстановить утраченные связи. Основная функция форумов – максимальная помощь в восстановлении и возобновлении утраченных связей. Онлайн-активность, возможность выкладывать свои фото, видео о своей жизни, оставлять свои никнеймы, контакты и другие данные, по которым его могут отыскать родственники или друзья практикуется у 29 % респондентов. Они отмечают, что в чатах ищут новые контакты и общаются с теми, с кем уже знакомы, включая родственников, родителей, супругов и детей. В мессенджерах они ищут замену реальному общению, особенно когда все родные остались в стране исхода и не могут приехать, или мигрант не может приехать к ним в случае необходимости или просто для того, чтобы на какое-то время увидеться. Также чаты зачастую используются для советов по состоянию здоровья, поиска информации о подходящих лекарственных средствах. Однако необходимо учитывать, что такой подход к лечению может нанести вред здоровью иностранного студента.

Анализ стадии «оседлость» был осуществлен на основе мнений иностранных студентов, обучающихся в магистратуре, аспирантуре, ординатуре. Респонденты отметили, что в основном используются интернет-технологиями для связи с родственниками и соотечественниками, которые остались в стране исхода (58 %). Основная функция поисковых систем на данном этапе – борьба с тем, чтобы идентичность членов диаспоры была размыта. Дело в том, что «оседлость» сама по себе как этап – это именно та стадия, на которой мигрант уже привыкает к пространству вокруг себя. Его больше не пугают необычные традиции, язык, он постепенно осваивает новую культуру. Но в нем все еще живет потребность в том, чтобы связь с родиной сохранялась, так как он осознает, что его пребывание в принимающей стране – процесс временный, и он покинет страну, как только закончится обучение. Среди тех, кто предпочитает общение по электронной почте, большинство обменивались учебными и профессиональными данными (80 %), а также общались со своими соотечественниками и членами семьи (63 %). Иностранные студенты отмечали,

что «буквально становятся оторванными от своих корней, но благодаря электронным письмам могут погружаться в атмосферу своего детства, юности». Они восстанавливают связи, которые были утрачены по тем или иным причинам, и поддерживают имеющиеся контакты, делясь своим опытом жизни, рассказывая о плюсах и минусах миграции, обучения в другой стране, своими планами на жизнь, которые они хотели бы реализовать после возвращения в страну исхода.

На форумах иностранные студенты искали различную, полезную для них информацию, которая, как правило, касалась бытовых, юридических вопросов (34 %), поиска своих близких, друзей, знакомых, которые остались в стране исхода или переехали в другие страны, после чего связь с ними была потеряна (22 %). Благодаря форумам мигранты могут регулярно поддерживать культурные аспекты своей родины, традиций и культуры, обычаев и даже свой собственный язык.

В чатах иностранные студенты, переписываются с родными (92 %), друзьями (90 %), обмениваются контактами с новыми знакомыми (96 %), ищут своих старых друзей (69 %). Мессенджеры являются наиболее привлекательной средой для взаимодействия мигрантов. Там они делятся своим опытом проживания, наблюдениями, слушают других мигрантов или опасения тех, кто только планирует переезд, но пока не знает, с чего начать.

Информационно-коммуникационные технологии важны и в ситуации, когда мигрант нуждается не просто в поддержании старых связей, но и в их развитии и расширении. Это лишь один из возможных и наиболее доступных механизмов для сохранения идентичности, а также для сохранения связи со страной исхода, с обществом, которое является этнически и культурно близким для мигранта [Каменева, Кунилова, 2018]. Мигранты на любой стадии – и на стадии адаптации, и на стадии ассимиляции – нуждаются в поддержании связей с родителями и близкими родственниками, друзьями, которые остались в стране исхода. Таким образом, они укрепляют чувство своей принадлежности к сообществу в столь непростое время. Но проще поддерживать старые связи уже после того, как мигрант освоился на новой территории. Его действия и потребности теперь не стихийны, а более целенаправленны, он имеет реальную основу для взаимодействия. Новые связи и коммуникации приобретают не инстинктивный, а более инструментальный характер, в то время как старые связи с родными, с домом носят в основном эмоциональную окраску, и потреб-

ность в них может сохраняться с первого до финального дня миграции.

Мигранты обращаются к своим внутренним ощущениям, эмоциям, они испытывают потребность в доме, в тех, кто остался в стране исхода, с кем они проводили много времени и от кого обычно получали основную поддержку. Общие истории, опыт, воспоминания – все это становится своего рода «мостом», который соединяет мигранта с его старой жизнью и при этом дает больше осознания, что теперь он находится здесь, а не там, где был ранее. Следует подчеркнуть, что с такими проблемами мигранты и члены диаспор сталкиваются как на начальных стадиях, так и после того, как прожили в новом месте полгода и больше. Эта эмоциональная составляющая их жизни не может быть отделена от рациональной.

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS

Коммуникации в целом и, в частности, так называемые компьютерно-опосредованные коммуникации играют важную роль в поддержании имеющихся и восстановлении утраченных связей. Известно много случаев, когда люди полностью теряют связь друг с другом. Чаще всего, это происходит при переезде в другую страну, когда все внимание нацелено на собственную адаптацию в новых условиях, а сохранение социальных связей с «прошлым» приобретает меньшее значение [Киящук, 2010]. Интернет-технологии сегодня – это шанс восстановить контакты, причем как свежее утраченные, так и те, которые были потеряны много лет назад. Люди уже давно забыли об анонимности и приватности, поэтому в Интернете, социальных сетях можно найти абсолютно любого человека, который живет там, где есть доступ к глобальной сети. Мигрантам, членам диаспор интернет-технологии позволяют осуществлять непрерывный поиск информации, обновлять данные и новости, контролировать уровень интеграции и ассимиляции в новое социальное и культурное пространство.

Анализ современного состояния медиапространства в отношении мигрантов и диаспор позволяет сделать ряд важных выводов.

1. Современные диаспоры рассредоточены по всему миру. Российское общество привлекает мигрантов, поскольку оно имеет иную культуру, иной язык, а прогрессивный фон позволяет мигрантам переезжать или временно приезжать в Россию (например, для обучения). Благодаря развитию информационных технологий, представители диаспоры имеют возможность еще

на этапе подготовки к отъезду изучить материалы, которые опубликованы в Интернете, а также общаться с другими представителями диаспоры, которые уже переехали, получили опыт проживания в новых социокультурных условиях, а, значит, могут поделиться собственным опытом в решении бытовых, юридических, образовательных и иных вопросов. Анализ результатов исследования показал, что о существовании студенческих диаспор в учебных заведениях потенциальные абитуриенты, как правило, узнавали от родственников, которые уже обучаются (33 %), друзей (26 %), от представителей международных отделов учебных заведений (19 %) либо находили информацию на сайте вуза (22 %). Более половины иностранных студентов (58 %) активно общались с представителями своих диаспор в учебных заведениях, в которые они поступили впоследствии, для 9 % наличие диаспорального студенческого объединения в вузе было важным фактором при выборе учебного заведения. В то же время следует отметить, что 12 % заявили о недостоверности информации, полученной от уже переехавших на обучение граждан. Наиболее интересующими вопросами стали визовые и регистрационные (73 %), коммуникативные, например, знание языка местным населением, качество преподавания на языке-посреднике и прочее (56 %), особенности быта, питания (53 %), специфика и правила обучения (53 %).

2. Достижения в области информационных и компьютерных технологий значительно трансформируют опыт миграции. Рождаются новые вопросы относительно того, каким образом и через какие каналы происходит передача и воссоздание национальной, этнической и иных типов идентичности, как теперь воспринимается территориальная общность и нация как таковая. Киберпространство, которое образуется в глобальном медиа, включает в себя детерриториализированные сообщества. К ним относятся и диаспоры, которые теперь переименованы в «цифровые диаспоры». Но они могут быть таковыми только при наличии трех определяющих факторов – иммиграции, подключения к информационным и Интернет-технологиям и сети – сетевого подхода к образованию социокультурных связей. Так, например, в ходе исследования было установлено, что иностранные студенты учебных заведений Санкт-Петербурга активно используют потенциал «цифровых диаспор». В сети они взаимодействуют друг с другом, с родственниками и друзьями, которые остались на родине, и при этом для них открываются новые возможности для знакомств с представителями нового социального

и культурного круга. Наличие подобного объединения в существенной степени упрощает процесс установления контактов с новыми знакомыми, так считают 63 % участников исследования, снижает уровень тревоги у близких, оставшихся на родине (59 %), позволяет обмениваться важной информацией, в том числе и учебной (56 %). Респонденты отмечали, что принадлежность к цифровым диаспоральным объединениям позволяет узнать больше об особенностях проживания, о традициях и обычаях (45 %), преодолевать языковой барьер (32 %), так как с носителями языка они могут практиковать свое знание и произношение. Роль «цифровых диаспор» возросла в период пандемии COVID 19. По мнению респондентов, именно благодаря «цифровым диаспорам» они могли получить достоверную информацию о ситуации как в стране, городе, где они учатся, так и об их родине. Таким образом, сети и медиaprостранство становятся механизмом для коммуникаций представителей диаспоры, а также для образования междиаспорального взаимодействия.

3. Цифровое пространство важно и в процессе адаптации к новым образовательным условиям. Дело в том, что иностранный студент, будучи еще в статусе абитуриента, может искать большой объем информации в Интернете: об образовательном учреждении, специальностях и направлениях подготовки, стоимости, условиях приема. Среди иностранных студентов, принявших участие в исследовании, 48 % отметили, что до поступления в российское вузы интересовались информацией о национальных общностях, действующих на территории страны, видах помощи, защиты, которые могут быть предоставлены. Для 83 % респондентов наличие «цифровых диаспор» представлялось наиболее полезным, так как собранная на их сайтах информация была более понятна – так считали 75 % участников опроса, а 69 % отметили, что «всегда можно было задать вопрос своему же соотечественнику, который прошел адаптацию в стране, куда приехал учиться или же работать». Относительно возможных рисков, продуцируемых диаспоральными студенческими интернет-объединениями, респонденты не высказывали опасений, отмечая их однозначную пользу. Однако иностранные студенты допускали «возможность противоправных действий в сети представителями диаспор, но сами с ними никогда не сталкивались».

4. Медиакоммуникации становятся важной частью жизни современного общества. Благодаря медиaprостранству, каждый может найти

и получить необходимую и интересующую информацию, развить коммуникативные навыки. Медийные коммуникации используются и мигрантами, которые готовятся к временному переселению на другую территорию для того, чтобы получить образование. Будучи неадаптированными к новой социальной и культурной среде, мигранты могут с помощью медиаресурсов получить информацию о языке, культуре и другим отличительным особенностям новой территории, а также заручиться поддержкой соотечественников, которые также оказались в новых для себя условиях и адаптируются. Такое взаимодействие становится основанием для саморегуляции и самоорганизации диаспор, так как взаимодействие из непосредственного трансформируется в опосредованное, меняется его качество и достигаются более высокие результаты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Необратимое влияние интернет- и медиатехнологий на жизнь каждого человека, у которого есть к ним доступ, становится все более очевидным. В Интернете мигранты и представители диаспор могут взаимодействовать друг с другом, обмениваться информацией и объединяться для организации мероприятий и обмена опытом. Учитывая значимость интернет-технологий и их элементов для мигранта, существует необходимость в создании более крупного и единого портала, где могла бы быть размещена информация об общинах, объединениях и диаспорах, которые сегодня действуют в разных городах России.

Этот инструмент мог бы помочь иностранному гражданину, в частности иностранному абитуриенту, оперативно находить информацию о своей диаспоре, ее членах, контактные данные для связи. Тогда, приехав в новое социокультурное пространство, он может быть уверенным в том, что в новой стране (городе) уже есть люди, которые могут оказать ему поддержку, особенно на сложном и противоречивом этапе адаптации. Единый портал о диаспорах – это инструмент для появления общего информационного поля, благодаря чему диаспоры будут замечены, причем узнают не только о них, но и они узнают друг о друге. Рассеянные в пространстве диаспоры, которые могут включать в себя представителей одной и той же нации, смогут объединиться для более оперативного и эффективного решения проблем. Таким образом, будет организовано обоюдное движение навстречу и решение актуальных вопросов, с которыми могут сталкиваться как новые диаспоры, так и уже более

устойчивые этнонациональные объединения. В медиапространстве нам видится больше преимуществ, которые поспособствуют интеграции,

межкультурному взаимодействию, что особенно важно для российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондаренко С.В. (2010). Проблемные локусы методологии «цифровых диаспор» и «виртуальных сообществ мигрантов» // Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма. Сборник тезисов докладов межрегиональной научно-практической конференции. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС. С. 192–200.
- Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. (2014). Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. С. 36–58.
- Волков Ю.Г., Кривоусов В.В., Курбатов В.И. (2021). Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тренды международной миграции // Цифровая социология. Т. 4, № 4. 102–108. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-102-108>
- Головнев А.В., Белорусова С.Ю., Киссер Т.С. (2021). Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН. 280 с.
- Исхакова Л.Г. (2016). Цифровая диаспора: особенности структуры мигрантских сообществ в условиях информационного общества // Казанский социально-гуманитарный вестник. №6 (23). С. 60–64.
- Каменева Т.Н., Кунилова К.Д. (2018). Учебный процесс как механизм адаптации иностранных студентов к условиям российского общества // Власть и управление на Востоке России. Т. 83, № 2. С. 59–63. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2018-83-2-59-63>
- Киячук Т.В., Киячук А.А. (2010). Виды адаптации иностранных студентов к условиям обучения и проживания в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». № 1. С. 25–30.
- Кунилова К.Д. (2021). Этническая диаспора как механизм социальных коммуникаций иностранных студентов в образовательной среде (на примере студентов курских вузов) // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 12. № 1.
- Лужнов С.Д. (2018). Понятие, признаки и правовой статус диаспоры // Проблемы науки. № 5 (29). С. 112–116.
- Пожидаева М.А. (2016). Интернет-технологии как средство диаспорной коммуникации // Идеи и идеалы. Т. 2, №1 (27). С. 22–29. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2016-1.2-22-29>
- Alonso A., Oiarzabal P.J. (2010). The immigrant worlds' digital harbors // *Diasporas in the new media age – identity, politics and community* / Alonso A., Oiarzabal P.J. (eds.), Reno: University of Nevada Press. Pp. 1–18.
- Brettel C.B., Hollifield J.F. (2000). *Migration theory: talking across disciplines*. New York: Routledge. 239 p.

REFERENCE

- Alonso A., Oiarzabal P.J. (2010), “The immigrant worlds' digital harbors”, In: *Diasporas in the new media age – identity, politics and community*, Alonso A., Oiarzabal P.J. (eds.), University of Nevada Press, Reno, US, pp. 1–18.
- Brettel C.B., Hollifield J.F. (2000), *Migration theory: talking across disciplines*, Routledge, New York, US.
- Bondarenko S.V. (2010), “Problematic loci of the methodology of ‘digital diasporas’ and ‘virtual communities of migrants’”, In: *Regulation of socio-ethnic processes in the context of regional risks of extremism. Proceedings of the interregional scientific and practical conference*. SKAGS Publishing House, Rostov-on-Don, Russia (in Russian).
- Golovnev A.V., Belorusova S.Yu., Kisser T.S. (2021), *Virtual ethnicity and cyberethnography*, MAE RAS, St. Petersburg, Russia (in Russian).
- Iskhakova L.G. (2016), “Digital diaspora: peculiarities of migrant communities' structure in the information society”, *The Kazan socially-humanitarian bulletin*, no. 6 (23), pp. 60–64.
- Kameneva T.N., Kunilova K.D. (2018), “The educational process as a mechanism for adaptation of foreign students to the conditions of Russian societyuation”, *Power and administration in the East of Russia*, vol. 83, no. 2, pp. 59–63, <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2018-83-2-59-63>
- Kiaschuk T.V., Kiaschuk A.A. (2010), “Adaptation kinds of foreign students to the conditions of education and residence in Russia”, *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no. 1, pp. 25–30.
- Kunilova K.D. (2021), “Ethnic diaspora as a mechanism of social communications of foreign students in the educational environment (on the example of students of Kursk universities)”, *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, vol. 12, no. 1.
- Luzhnov S.D. (2018), “The concept, signs and legal status of the diaspora.”, *Science problems*, no. 5 (29), pp. 112–116.

Pozhidaeva M.A. (2016), "Internet-based technologies as a tool for diasporic communication", *Ideas and Ideals*, vol. 2, no. 1 (27), pp. 22–29, <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2016-1.2-22-29>

Varshavskaya E. Ya., Chudinovskikh O.S. (2014), "Migration intentions of graduates of Russia's regional higher educational institutions", *Moscow University Economics Bulletin*, no. 3, pp. 36–58.

Volkov Yu.G., Krivopuskov V.V., Kurbatov V.I. (2021), "Digital migrants and digital diaspora: new problems and trends of international migration", *Digital Sociology*, vol. 4, no. 4, pp. 102–108, <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-102-108>

Роль локальных инициатив и социальных сетей в решении проблемы утилизации мусора в городах Апатиты и Кировск Мурманской области: опыт включенного наблюдения

УДК 316.654 DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-67-77

Получено 07.10.2022

Доработано после рецензирования 14.11.2022

Принято 29.11.2022

Колдобская Наталья Андреевна

Канд. геогр. наук, мл. науч. сотр. каф. экономической и социальной географии России
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Доц. Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского
Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-1628-5066

E-mail: koldobskaya@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено выявлению роли локальных инициатив и местных сообществ в решении мусорных проблем в городах Апатиты и Кировск Мурманской области. На примере этих городов показано, что основанием для консолидации местного сообщества как социально-территориальной общности является место проживания и сформировавшиеся социальные структуры, которые представляют собой каналы коммуникации между интернет-сообществами и локализованными соседскими городскими сообществами. Проведенные на полевом этапе исследования и интервью в городах показали, что, благодаря локальным инициативам параллельно

действиям региональных операторов, происходит процесс трансформации экологического мышления и формирование определенного менталитета. В каждом городе все больше людей вовлекаются в процесс уборки территории от мусора и в отдельный сбор отходов. Во многом городские инициативы в Кировске и в Апатитах в условиях городского сжатия существуют не благодаря, а вопреки тем социально-экономическим процессам, которые там происходят. Большая часть горожан, вовлеченных в процесс, отмечают, что для них очень важно сделать свой город лучше и ощутить себя частью чего-то общего, почувствовать свою нужность.

Ключевые слова

Локальные инициативы, сообщества, активисты, уборка территории, мусор, Мурманская область, мусорная реформа, арктические территории, социальные сети

Для цитирования

Колдобская Н.А. Роль локальных инициатив и социальных сетей в решении проблемы утилизации мусора в городах Апатиты и Кировск Мурманской области: опыт включенного наблюдения // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 67–77.

Благодарности

Исследование проводилось по гранту РФФИ № 20-55-76006 ЭРА_т «Возможности повышения качества жизни в малых сжимающихся городах через практики соучастия».

© Колдобская Н.А., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The role of local initiatives and social networks in solving the problem of waste disposal in the cities of Apatity and Kirovsk, Murmansk region: the experience of participant observation

Received 07.10.2022

Revised 14.11.2022

Accepted 29.11.2022

Natalia A. Koldobskaya

Cand. Sci. (Geogr.), Junior Researcher at the Economic and Social Geography of Russia Department
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assoc. Prof. at the Vysokovsky Graduate School of Urbanism
HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1628-5066

E-mail: koldobskaya@gmail.com

ABSTRACT

The study is devoted to identifying the role of local initiatives and local communities in solving garbage problems in the cities of Apatity and Kirovsk in the Murmansk region. The cases of Apatity and Kirovsk show that the basis for the consolidation of the local community as a socio-territorial community is the place of residence and the use of existing social structures, in this case, localized neighboring communities, Internet communities and their communication channels. The interviews conducted at the field stage in the cities showed that thanks to local initiatives, in parallel to the actions of regional operators, there

is a process of transformation of ecological thinking and the formation of a certain mentality. In each city, more and more people are involved in the process of cleaning the territory from garbage and separate collection of waste. In many ways, urban initiatives in Kirovsk and Apatity in the conditions of urban shrinkage exist not because of, but in spite of the socio-economic processes that are taking place there. Most of the citizens involved in the process note that it is very important for them to make their city better and feel like a part of something in common, to feel their need.

Keywords

Local initiatives, activists, cleaning the territory, garbage, Murmansk region, garbage reform, arctic territories, social networks

For citation

Koldobskaya N.A. (2022) The role of local initiatives and social networks in solving the problem of waste disposal in the cities of Apatity and Kirovsk, Murmansk region: the experience of participant observation, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 67-77. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-67-77

Acknowledgements

The work was supported by RFBR grant No. 20-55-76006 ERA_t "Opportunities to improve the quality of life in small shrinking cities through participation practices".

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Вопрос утилизации мусора остается актуальным практически на всем этапе существования человечества, но за последние десятилетия он превратился в глобальную проблему. С одной стороны, появляются новые технологии и законодательные механизмы в этой области, ответственное потребление и производство становятся одной из целей устойчивого развития. С другой стороны, в большинстве стран мира основным способом переработки мусора все еще остается его захоронение. Россия не является исключением: более 95 % твердых коммунальных отходов (далее – ТКО) вывозится на полигоны и на свалки.

В России и в крупных и в малых городах особенно остро стоят проблемы накопления коммунальных отходов и наличия свалок. Быстрый рост количества несанкционированных свалок приводит к ухудшению качества окружающей среды, здоровья населения и изъятию потенциально продуктивных земель из оборота. Параллельно с 2017 г. в России началась мусорная реформа, официальная цель которой – улучшение системы управления ТКО и минимизация ущерба для окружающей среды. В каждый регион России пришел один или несколько региональных операторов, которые являются ответственными акторами за всю цепочку, начиная с вывоза мусора и заканчивая его переработкой. Также для каждого субъекта Российской Федерации (далее – РФ) появилась территориальная схема обращения с отходами, где должна приводиться официальная региональная статистика и инфраструктура, связанная с переработкой и утилизацией мусора. Однако в ходе проведения мусорной реформы возникает очень много проблем и конфликтов, связанных с корректностью статистических данных, расчетами нормативов накопления отходов, тарифообразованием. Во некоторых регионах процедура выбора регионального оператора не носила прозрачный характер, а территориальные схемы не проходили общественное обсуждение.

Но стоит отметить, что в городах параллельно действиям региональных операторов идет процесс трансформации экологического мышления и определенного менталитета. Например, экоцентры «Собиратор», целью которых является внедрение раздельного сбора отходов и формирование осознанного потребления, функционируют не только в Москве, но и постепенно приходят в другие города страны¹. Кроме того,

очень большой вклад вносят локальные инициативы и социальные сети. Особенно это ощутимо в малых городах.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОБСУЖДЕНИЕ / PROBLEM STATEMENT AND DISCUSSION

Основой объединения локальных сообществ как социально-территориальной общности является место проживания, использование устойчивых социальных структур (например, соседские, национальные, профессиональные сообщества) и их коммуникационные каналы. С одной стороны, такие сообщества – это неформальные объединения людей, проживающих на одной или близко расположенных территориях. Их основная цель – решение вопросов общего благоустройства придомовых территорий, решение конфликтных ситуаций (в том числе, рассмотрение кворумных вопросов, требующих голосования, например, создание парковочных мест или установка шлагбаумов), поиск источников риска для проживания [Трофимова, 2015]. С другой стороны, не исключено создание формальных структур (товарищества собственников жилья, совета дома, территориального общественного самоуправления и прочего).

Способы достижения целей сообществом посредством гражданской инициативы социального движения О.Н. Яницкий [2015] связывает с двумя типами лидерства: гражданская активность, предполагающая проработанную экономическую модель (рациональный тип), и харизматический тип – фактор личности, в основании которого находится авторитетный общественный деятель и его воззрения. Вклад горожан в обустройство, улучшение и облагораживание своих дворов, улиц и города может быть очень разнообразен как с точки зрения организационной формы, так и с точки зрения территориального аспекта. Решение вопросов совершенствования можно рассматривать как высшую ценность (удобство жизни, безопасность), так и как инструментальную ценность, например, для сплочения общества, повышения самооценки. [Щербакова, 2016].

В процессе исследования особенностей местного участия И.А. Халий обращает внимание на психосоциальные факторы, обуславливающие интеграцию людей в местное сообщество (идентичность со своей «малой родиной» и социокультурные установки, связанные с их способом действия в сообществе) [Халий, 2007; Халий, 2008].

¹ *Собиратор*. Собиратор в регионах. Режим доступа: <https://sobirator.ru/regiony/> (дата обращения: 13.09.2022).

При изучении локальных инициатив очень важен фактор взаимодействия местных сообществ и инициативных групп друг с другом. Особенно это актуально для малых городов, что было выявлено в ходе полевых исследований.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ / RESEARCH METHODOLOGY

Всего было проведено 17 глубинных интервью с местными активистами в молодежных центрах, в холдинге «ФосАгро» и администрациях городов Кировск и Апатиты Мурманской области, а также включенное наблюдение в работу территориального общественного самоуправления Кукисвумчорр и работу экомобилия.

Структура проведенных интервью состояла из следующих блоков вопросов.

1. Восприятие городской среды:
 - как долго вы живете в городе и как тут оказались?
 - как меняется город? Какие особенности, этапы вы можете отметить? С чем они связаны?
 - кто участвует в изменениях города?
 - какую роль выполняют администрация, холдинг «ФосАгро» и горожане? С какими вопросами они работают?
2. Местные инициативы и качество жизни:
 - что делаете вы? Расскажите подробнее про свой проект/инициативу? Как вы думаете какие вопросы решает ваш проект?
 - что для вас значит качество жизни? Из чего оно состоит? Как его можно повысить в Кировске? Какие примеры вам известны? Как ваш проект связан с повышением качества жизни в городе?
3. Особенности и стратегии участия в повышении качества жизни города:
 - какие еще вы знаете инициативы в городе? Как они появились? С чем они работают? Какие у них ограничения? Как они их решают? Как еще их можно было бы решить?
 - с кем из них вы сотрудничаете? Какие еще примеры сотрудничества между инициативами вы знаете?
 - взаимодействуете ли вы с администрацией или «ФосАгро»? В чем особенности? Есть ли какая-то поддержка со стороны администрации или «ФосАгро»?
 - каким вы видите будущее инициатив?

СОСТОЯНИЕ ОТРАСЛИ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ / THE STATE OF THE FIELD IN THE MURMANSK REGION

С точки зрения физической географии, высокая уязвимость геосистем и низкая способность к восстановлению ландшафтов являются характерными чертами субъектов Арктической зоны РФ. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации признает арктический регион наиболее чувствительным к загрязнению, указывая на увеличение антропогенной нагрузки на протяжении многих лет, включая производственную деятельность, которая обуславливает интенсивность загрязнения и приводит к деградации земель^{2,3}.

Говоря о производственной эксплуатации Арктической зоны, важно отметить, что речь идет о промышленных предприятиях, которые преимущественно сосредоточены в малых городах региона, в которых загрязнение определяется унаследованным фактором политики советской индустриализации и ролью градообразующего предприятия. Особенно это характерно для моногородов, где экологическую ситуацию во многом определяет изношенность коммунальных сетей и другой инфраструктуры. В этой ситуации население фактически становится эколого-экономическими заложниками [Nedoseka, Kozlovsky, 2022], где, с одной стороны, действующее предприятие – единственно возможный вариант занятости в населенном пункте, с другой стороны – вредное производство, сказывающееся не только на качестве окружающей среды, но и на здоровье населения [Клюкина, 2018; Никанов и др., 2019].

Непосредственно исследовательской проблемой является изучение экологических практик населения в области обращения с отходами в малых городах с особым эколого-экономическим статусом, в поселениях, где, по словам О.Н. Яницкого, «достигнут лимит несущей способности среды» [Яницкий, 2013].

Практическая значимость исследований продиктована вступившей в силу с 1 января 2019 г. мусорной реформой. Предыдущая реформа 2014 г.

² Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году». Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ispolzovanii_mineralno_syrevykh_resursov_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ispolzovanii_mineralno_syrevykh_resursov_rossiyskoy_federatsii/ (дата обращения: 26.09.2022).

³ Pro-Arctic. Доклад руководителя Росприроднадзора В.В. Кириллова на международном форуме «Арктика: настоящее и будущее». Режим доступа: <https://pro-arctic.ru/19/12/2013/expert/6201> (дата обращения: 26.09.2022).

заложила основы управления в области обращения с отходами, в частности, все субъекты РФ должны были представить территориальные схемы обращения с отходами, осуществление которых возлагалось на региональных операторов. Немаловажной составляющей было введение экологического сбора как финансового инструмента реализации реформы. Главной целью реформы стал переход на новый уровень обращения с отходами, подразумевающий более сознательное и ответственное отношение со стороны населения, а также создание соответствующей инфраструктуры по обработке, переработке, хранению и утилизации отходов. На практике реформа оказалась трудноосуществимой, особенно на себе это ощутили субъекты Арктической зоны. В первую очередь, основным недостатком является практический не учет физико-географических особенностей территории: наличие многолетних мерзлых грунтов и низкие среднегодовые температуры, а также географического положения (удаленность территорий). Недостатки работы региональных операторов, а также слабый интерес со стороны предпринимательского сообщества привели к тому, что ответственность за обращение с ТКО в арктических регионах перешла на население [Агаханянц, 2019].

Вклад Апатитов и Кировска в общий показатель образования ТКО в Мурманской области (рис. 1) небольшой – всего 7,4 % и 3,8 % соответственно (18,4 тыс. т и 11,6 тыс. т в год).

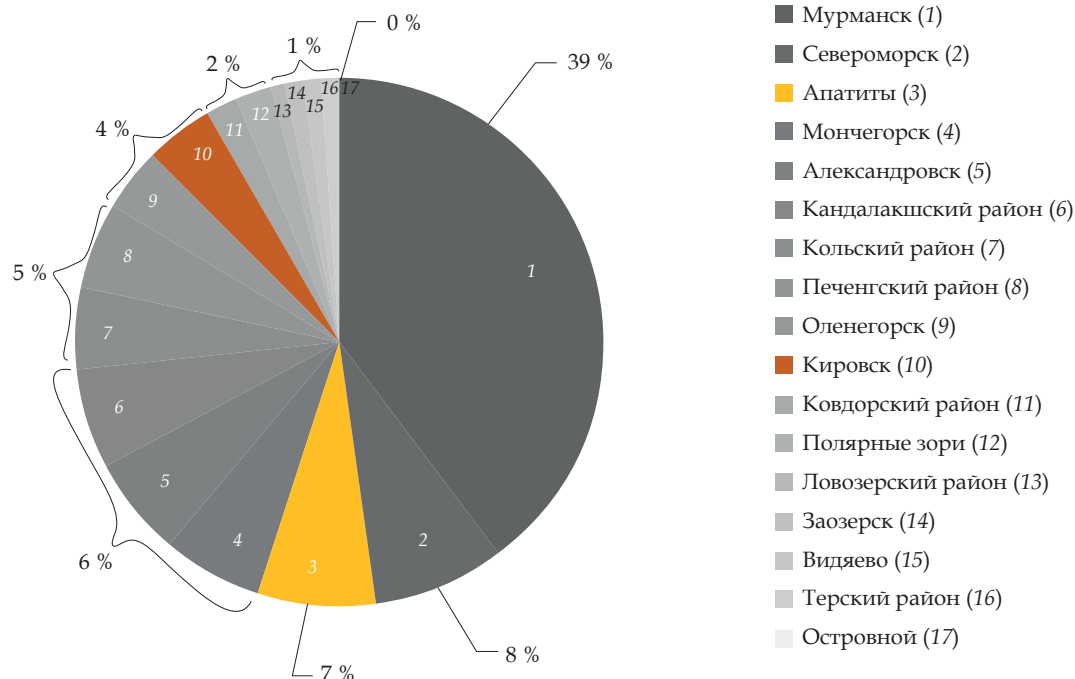
Города расположены в 17 км друг от друга, Апатиты больше Кировска по населению ровно в 2 раза (54 тыс. чел. и 27 тыс. чел.). Но многие локальные инициативы, про которые пойдет речь далее, работают на два города, поэтому считаем целесообразным рассматривать их вместе.

Безусловно, решающей проблемой для населения остается слабо решенная организационная составляющая процесса обращения с отходами (отсутствие инвестиционной привлекательности для бизнеса, слабый уровень развития инфраструктуры, незначительное финансирование), все то, что сказывается на мотивации населения к реализации различных экологических практик.

ЛОКАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ / LOCAL INITIATIVES

ЦЕНТР ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ «УБОРОЧКА 51»

«Уборочка 51» — это группа активистов, которая занимается сбором мусора и уборкой общественных территорий в населенных пунктах Мурманской области и за их пределами (пляжи, лес). Основная их цель – пропаганда бережного отношения к окружающей среде. Наиболее активные члены группы проводят экологические акции по всему Кольскому полуострову и стараются привлечь внимание общественности к проблеме экологической ситуации региона и задействовать в этом процессе как можно

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the material of the study

Рис. 1. Вклад городов и районов Мурманской области в образование твердых коммунальных отходов

Fig. 1. Contribution of cities and districts of the Murmansk region to the formation of municipal solid waste

больше равнодушных жителей. Это происходит путем расклейки объявлений в городе, через «сарафанное» радио, и, в первую очередь, через группу «ВКонтакте», в которой состоит почти две тысячи человек⁴.

Проект появился в 2014 г., когда трое активных друзей поехали отдыхать на Экостровский пролив (самая узкая часть озера Имандра, недалеко от Апатитов).

«Мы первый раз поехали на пролив Экостровский, были же там? Вы его в любом случае проезжаете, это единственная дорога в Кировск и в Апатиты, это мост такой. Там стоянка большая, часто люди отдыхают. Там раньше была беседка – свадьбы справляли у этой беседки. И там было прям невероятно загажено все. Мы с друзьями приехали, и перед тем, как просто расположиться на пляже, стали прибирать за другими людьми, чтоб хотя бы было место, где встать, укладывать мешки. Ну и увидели, что другие люди к нам присоединились, те, которые тоже отдыхали. Они посмотрели, видимо, кому-то стыдно стало, кому-то еще что – начали тоже убирать. Причем несколько машин вывезли в итоге много этого мусора, вот, и стали потом, в другой раз сделали то же самое, еще больше людей присоединилось. И стали уже на регулярной основе проводить», – рассказал Иван, руководитель группы «Уборочка 51»⁵.

Основные проблемы, с которыми на начальном этапе столкнулись инициаторы – это небольшая вовлеченность людей, отсутствие поддержки со стороны администраций территорий, отсутствие транспорта для вывоза мусора и сезонность. Активная фаза работы группы, то есть непосредственная уборка территории возможна только в мае-сентябре, когда на территории нет снега.

Но постепенно группа стала развиваться, и за 7 лет все больше жителей были вовлечены в процесс уборки (рис. 2). Актив группы увеличился до 15 человек, а в каждом мероприятии участвует более 100 человек. Расширяется также территория, на которой проводится уборка, в результате чего выявляется региональная специфика загрязнения, связанная с традиционными видами использования территории: летом недалеко от Ловозера была обнаружена очень большая свалка взрослых подгузников. Выяснилось, что это дело рук оленеводов, которые используют подгузники на длинных перегонах зимой.

«Мы давали рекламу в местные СМИ, и из Мурманска даже какие-то байкеры приезжали и кого только не было, из Мончегорска. То есть людей собиралось

очень много, больше ста человек», – рассказал в ходе интервью Владимир, один из администраторов группы «Уборочка 51»⁶.

Источник⁷ / Source⁷

Рис. 2. Уборка территории пляжей озера Имандра активистами экологического движения «Уборочка 51» в июле 2021 г.

Fig. 2. Activists of the environmental movement Uborochka 51 are cleaning Lake Imandra beaches in July 2021

Кроме того, помощь с вывозом собранного мусора сначала поступила со стороны администраций Кировска и Апатитов, а позже и от градообразующей компании «ФосАгро».

«Потом администрация присоединилась – они и лично поучаствовали, наш глава администрации участвовал. Дали нам транспорт. Но транспорт тоже у нас острый вопрос: с городским бюджетом все как бы сложно, поэтому ищут другие варианты. Нам вывозило все «ФосАгро». Последнее время город все вывозит. Просто мы сообщаем. Они уже планируют, спрашивают нас на следующий год сколько мы планируем чего сделать, и они уже планируют это», – сообщил в интервью Иван.

Однако следует отметить, что вывоз мусора, собранного в результате уборки волонтерами, производится на официальные полигоны, заявленные в территориальной схеме обращения с отходами, но документально это никак не подтверждается по причине отсутствия этой статьи в бюджете и, соответственно, является нецелевым расходованием средств.

Для того чтобы население активно вовлекалось в уборку летом, различные тематические мероприятия проводятся зимой – это могут быть экоквизы, просветительские лекции (Экологийум), также в городах проводится командное состязание «Чистые Игры», где участники уборки соревнуются, кто соберет больше мусора (рис. 3).

⁴ ВКонтakte. Страница экологического движения Уборочка 51. Режим доступа: <https://vk.com/cleanup51> (дата обращения: 18.09.2022).

⁵ Иван – 30 лет, экономист (специальность-экономика труда), руководитель группы «Уборочка 51». Дата проведения интервью: 05.07.2021.

⁶ Владимир – 34 года, спасатель МЧС, один из администраторов группы «Уборочка 51». Дата проведения интервью: 05.07.2021.

⁷ ВКонтakte. Страница экологического движения Уборочка 51. Режим доступа: <https://vk.com/cleanup51> (дата обращения: 18.09.2022).

Источник⁸ / Source⁸

Рис. 3. Соревнование «Чистые Игры» в Апатитах 5 сентября 2021 г.

Fig. 3. Clean Games competition in Apatity on September 5, 2021

«Чистые Игры» позволяют не только очистить территорию от мусора, но и прививают экологическую сознательность (рис. 4). Кроме того, идет речь о хоть и частичном, но раздельном сборе мусора, о чем написано в правилах проведения «Чистых Игр». Правила сбора мусора во время проведения «Чистых Игр» следующие⁹.

1. Мусор собирается на территории 5 км озера Имандра, район водокачки.

2. Мусор должен собираться в мешки, выданные организаторами. Для получения игровых баллов за мешки необходимо донести их до ближайшего «склада» («склад» — это место централизованного сбора мусора на Игре). Места «складов» обозначаются на карте (при наличии), либо в мобильном приложении «Чистые Игры CleanGames».

3. За сбор мусора устанавливаются следующие игровые баллы:

- мешок смешанного мусора – 5 баллов;
- мешок с металлом – 10 баллов;
- 1 крышка – от 1 до 6 баллов в зависимости от размера и веса;
- крупногабаритный мусор – от 0 до 8 баллов в зависимости от размера и веса;
- 1 артефакт – от 1 до 10 баллов;
- мелкий мусор (бутылка 0,5) – 15 баллов;
- PET-бутылки – 7 баллов, стекло – 8 баллов;
- батарейки (1 шт.) – 1 балл.

Постепенно с увеличением количества участников у группы появляются спонсоры. С 2017 г. по 2022 г. в разных мероприятиях экологической инициативы в качестве спонсоров участвовало 24 индивидуальных предпринимателя. Активисты группы отмечают, что крупные объединения пока не стремятся быть спонсорами.

«Может быть, с бюрократической точки зрения проблематично, может просто им это неинтересно. А вот именно сами люди, жители городов, те, у кого там мелкий,

средний бизнес, они готовы участвовать на регулярной основе. Поэтому они предоставляют. Мы как бы денег с них

Источник¹⁰ / Source¹⁰

Рис. 4. Рекламный баннер «Чистых игр» в городе Апатиты

Fig. 4. Advertising of the Clean Games in of Apatity

не просим, они предоставляют собственную продукцию. Либо услуги, либо продукцию. И этого хватает более чем», – объясняет Владимир.

Последствия работы конкретной локальной инициативы однозначно положительные. Только за одни «Чистые Игры» 4 сентября 2021 г. (в сезон проводится до шести «Чистых Игр») было собрано 112 мешков мусора, общим весом 1 836,93 кг, на переработку отвезено 18 мешков пластика, 17 мешков металла, 29 мешков стекла. Во время обычных субботников «Уборочки 51», которые проводятся каждую неделю с мая по сентябрь, собирается не менее 300 кг мусора. Таким образом, за сезон «Уборочка 51» собирает более 15 т мусора. В масштабах Мурманской области это не очень много, но в масштабах деятельности локальных инициатив и очистки своей родной территории это очень много.

⁸ Там же.

⁹ Чистые Игры. Чистые Игры на Водокачке. Режим доступа: <https://cleangames.org/game/uptown> (дата обращения: 18.09.2022).

¹⁰ ВКонтакте. Страница экологического движения Уборочка 51. Режим доступа: <https://vk.com/cleanup51> (дата обращения: 18.09.2022).

ПРИЕМ ВТОРСЫРЬЯ КИРОВСК-АПАТИТЫ

Так называется группа в социальной сети ВКонтакте», в которой состоит более двух тысяч человек¹¹. Название, с одной стороны, очень простое и сухое – сразу понятно, что за ним стоит. С другой стороны, с претензией на мировой экологичный тренд раздельного сбора мусора.

В развитии Кировска противостоят 3 фактора: первый фактор – это городское сжатие, депопуляция и, как отмечают многие (но не все) жители города – отсутствие перспектив. Второй фактор – это градообразующее предприятие АО «Апатит» Кировский филиал (входит в состав «ФосАгро»), где занята половина населения города. Третий фактор – горы Хибин и активное развитие горнолыжного туризма в городе и ежегодное увеличение потока туристов. Все эти факторы сосуществуют в тесной связке друг с другом. Локальные инициативы в сжимающихся городах направлены не на поддержание городского организма на одном уровне, а на попытки вопреки всем противовесам сделать город лучше и остановить это сжатие.

Инициатива развития раздельного сбора мусора в Кировске началась 6 лет назад с одного человека – Наси К., ей тогда было всего 24 года, и она задумалась о том, что раньше в Кировске было чище и приятнее и о том, куда девается весь мусор.

«Ну, честно признаюсь, с самого детства, когда я наблюдала за городом, он был, на самом деле, лучше. У нас просто, буду говорить честно, без прикрас, раньше градообразующие предприятие, из-за которого Кировские Апатиты образовались, ООО «Апатит», когда-то он был действительно градообразующим предприятием, которое на себя брало часть расходов, облагораживал город, чинил, строил, ремонтировал и т.д. и, действительно, было хорошо здесь жить. Сейчас, к сожалению, все это перешло в частные руки, все это дело урезали, поэтому у нас, если что-то и ремонтируют, то спустя рукава и через долгое время ударов головой об стенку. То есть нужно очень долго просить, показывать, объяснять, ну вы видите кривые дороги и т.д., к сожалению. Но в тот же момент примерно, через пару лет после этого ухудшения, началась такая штука, как реклама нашего города как жемчужины туризма в Заполярном крае. И вот у меня началась нестыковка, что, простите, даже в Германии деревни лучше выглядят, чем наш город. Ему все хуже и хуже становилось, а туристов все больше и больше. Поэтому, с одной стороны, по-своему я люблю этот город и восхищаюсь им, с другой стороны, я знаю, что если к нему приложить хозяйскую

руку, то есть все делать правильно, то это, действительно, будет замечательный красивый город, который действительно будет притягивать очень много внимания. И моя деятельность началась где-то лет 6 назад, я начала задумываться вообще, а куда девается мусор, не просто ведро бросил – черная дыра, а куда он идет дальше. Я даже не помню тот миг, когда меня переклинило. Скорее всего был такой накопительный эффект, по капле покапали, оп, озарение. И я осознала лет 6 назад, что я могу помочь этому миру в том, что хотя бы начну часть вещей не выбрасывать, а у меня на тот момент отец лет 20 занимался, он у меня металлист, не музыкальный, а именно металл собирает по городу. Тоже его жизнь распорядилась, что ему надо было чем-то зарабатывать на жизнь, кормить семью, и вот он стал. Все выбрасывали батареи, холодильники и всякий такой металлолом, ему что-то приносили. Собирали, отвозил, сдавал, получал деньги», – рассказывает Настя, организатор раздельного сбора мусора в Кировске, руководитель группы «Прием вторсырья Кировск/Апатиты»¹².

В 2015 г. все началось с четырех контейнеров дома для разных утильных фракций, потом последовала небольшая акция по сбору макулатуры и алюминиевых банок напротив городской администрации, организованная Настей и ее подружкой. Скоро стало понятно, что для временного хранения отходов нужен склад. Сначала девушки обратились к местным властям, но там им предложили неподходящее для этих целей помещение. Хотя в целом чиновники поддерживали инициативу.

Активистки подали заявку на конкурс грантов «Проблемы города решаем вместе», который проводит градообразующее предприятие «Апатит». Проект понравился жюри, и девушки получили финансовую поддержку. Денег хватило, чтобы арендовать склад недалеко от центра города, а также закупить баки для раздельного сбора, которые установили в Клубе юного техника и редакции местного телевидения (рис. 5).

Вскоре подключились другие государственные организации и частные компании. Их сотрудники сортируют вторсырье, которое потом передают активистам. По словам Анастасии, им выгодно не платить за его вывоз.

Через некоторое время активисты стали собирать вторсырье у горожан с помощью сбормобиля. Отец Анастасии объезжает несколько точек в Кировске и Апатитах, куда в определенное время жители приносят собранные отходы, которые, по сути, уже не мусор, а готовое к вторичной переработке сырье (рис. 6).

¹¹ ВКонтакте. Прием вторсырья Кировск/Апатиты. Режим доступа: <https://vk.com/pvska51> (дата обращения: 19.09.2022).

¹² Настя – 30 лет, экономист, организатор раздельного сбора мусора в Кировске, руководитель группы «Прием вторсырья Кировск/Апатиты». Даты проведения интервью: 27.04.2021 и 04.07.2021.

Источник: архив автора / Source: the author's archive

Рис. 5. Склад для хранения утильных фракций

Fig. 5. Warehouse for storing different types of garbage

Раз в месяц акция по сбору отходов проводится непосредственно на складе, и она тоже уже имеет большой размах, например, 26 сентября 2021 г. в акции участвовало 225 человек и было принято 2 136 кг вторсырья. Только за 2021 г. удалось собрать около 30 т утильных фракций. Кроме того, произошло как количественное увеличение участников, так и географическое: в проекте уже задействован не только Кировск, но и Апатиты. Практическая значимость Настиной инициативы – не только улучшение ситуации в сфере сбора мусора в Кировске и Апатитах и вовлеченность людей в этот процесс, но и прямые экологические последствия. Без раздельного сбора весь этот мусор в лучшем случае бы отправлялся на полигоны для захоронения твердых коммунальных отходов, в худшем – оказывался

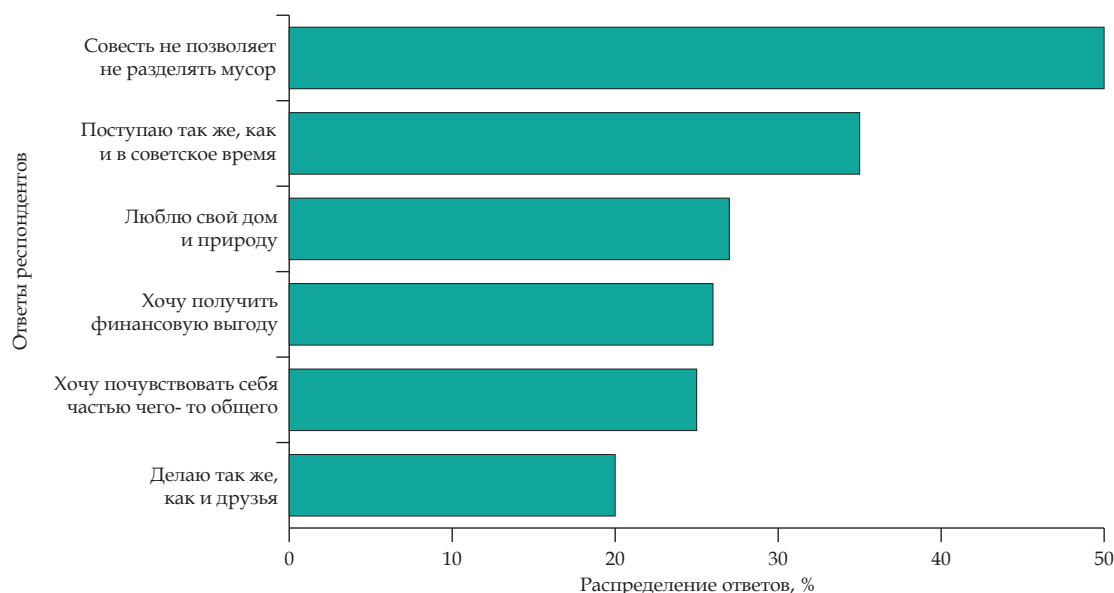
Источник: архив автора / Source: the author's archive

Рис. 6. Работа сбормобиля в Кировске в июле 2021 г.

Fig. 6. The work of the «waste-can» in Kirovsk in July 2021

на обочинах и был объектом рассмотрения инициативы «Уборочка 51», описанной выше. Сейчас же у Насти и ее отца есть договоренности о сбыте собранных утильных фракций в пункты сбора в Мурманске и Санкт-Петербурге.

Мотивы людей собирать мусор отдельно и приходить на точки сбора совершенно разные. В июле 2021 г. было опрошено 100 человек в обоих городах на пунктах остановки сбормобиля Кировска и Апатитов. 80 % людей, пришедших на точки сбора, – женщины, 20 % – мужчины. 50 % респондентов попадают в возрастную категорию от 18 до 35 лет, 17 % – 36–50 лет, 23 % – 51–70 лет, 10 % – старше 70 лет. Вопрос о мотивах сортировки мусора предполагал открытый ответ, но результаты можно объединить в следующие категории (рис. 7).

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос о мотивах раздельного сбора мусора

Fig. 7. Distribution of answers to the question about the motives for separate waste collection

Половина опрошенных отмечает, что самый главный мотив – это то, что было бы совестно не разделять мусор при наличии такой возможности в городе. 90 % людей в возрасте старше 50 лет отмечают, что они уже сдавали макулатуру и металлолом в советское время, когда были детьми, и очень рады, что снова появилась такая возможность. 27 % респондентов сказали, что хотят сделать лучше и чище свой дом, причем с домом они отождествляли не только свою квартиру, но и свои города (Кировск и Апатиты), Хибин и Мурманскую область в целом. Также много респондентов упомянули то, что они хотят ощутить себя частью чего-то общего, почувствовать свою нужность.

Следует также сказать, что все инициативы в исследуемых городах, несмотря на разную направленность, знают друг о друге и стараются тесно взаимодействовать, не вступая в противоборство, иначе все их усилия пойдут насмарку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Систематическое недофинансирование отрасли переработки отходов может привести к существенным проблемам в работе всей производственной цепочки переработки и утилизации ТКО. Мусорная реформа движется по стране и по Мурманской области сама по себе, а локальные инициативы «Уборочка 51» и «Прием вторсырья

Кировск/Апатиты» – сами по себе. Хотя работа сообщала бы больший социально-экономический и экологический эффект.

Сложившееся противоречие обосновало проблематику данной статьи, целью стало исследование экологических практик населения в обращении с отходами в их непосредственном месте проживания на материалах полевых исследований и глубинных интервью, проведенных в Апатитах и Кировске в апреле–июле 2021 г.

К сожалению, как уже отмечалось выше, такие инициативы функционируют практически в полном отрыве от официальных государственных структур и от предприятий. Оказываемая помощь на данный момент минимальная, сейчас только делаются первые шаги навстречу друг другу.

Во многом городские инициативы в Кировске и Апатитах в условиях городского сжатия существуют благодаря фактору личности их основателей и альтруизму участников, а также вопреки тем социально-экономическим процессам, которые происходят в городах. Основная цель этих проектов – улучшение качества и комфортности жизни в городе, что должно привести к уменьшению темпов депопуляции. Большая часть горожан, вовлеченных в процесс, отмечают, что для них очень важно сделать свой город лучше и ощутить себя частью чего-то общего, почувствовать свою нужность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаханянц П.Ф., Ломтев А.Ю., Примаков Е. А., Выучейская Д.С. (2019). Территориальные схемы обращения с отходами в Российской Арктике: повод для дискуссии // *Российская Арктика*. № 6. С. 48–55. <https://doi.org/10.24411/2658-4255-2019-10067>
- Клюкина Э.С. (2018). Экологические угрозы здоровью населения промышленных территорий Арктического региона // *Труды Кольского научного центра РАН*. № 9(2-13). С. 91–103. <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.91-103>
- Никанов А.Н., Дорофеев В.М., Талыкова Л.В., Стурлис Н.В., Гуцин И.В. (2019). Заболеваемость взрослого населения европейской Арктики Российской Федерации с развитой горно-металлургической промышленностью // *Российская Арктика*. № 6. С. 20–27. <https://doi.org/10.24411/2658-4255-2019-10063>
- Трофимова И.Н. (2015). Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // *Социологические исследования*. № 4. С. 72–77.
- Халий И.А. (2007). Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения // *Россия реформирующаяся*. Ежегодник. № 6. С. 265–280.
- Халий И.А. (2008). Местные сообщества в России – носители инноваций и традиционализма // *Власть*. № 5. С. 19–24.
- Щербакова И.В. (2016). Роль местных сообществ в решении проблем жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства территории // *Социологическая наука и социальная практика*. № 4(3). С. 78–96. <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.3.4579>
- Яницкий О.Н. (2015). Общественный активизм в России: вчера и сегодня // *Власть*. № 2. С. 53–60.
- Яницкий О.Н. (2013). Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // *Социологические исследования*. № 3. С. 50–59.

Nedoseka E.V., Kozlovskiy V.V. (2022). Regional specifics of municipal solid waste management in Arctic Regions of the Russian Federation // *Arktika i Sever / Arctic and North*. № 42. P. 223–241.

REFERENCES

- Agakhanians P.F., Lomtev A.Yu., Primak E.A., Vyucheykaya D.S. (2019), “Strategic schemes of waste management in russian arctic as a start point for discussion”, *Russian Arctic*, no. 6, pp. 48–55, <https://doi.org/10.24411/2658-4255-2019-10067>
- Khaliy I.A. (2007), “Civil society institutions in modern Russia. To the methodology of study”, *Russia in reform. Yearbook*, no. 6, pp. 265–280.
- Khaliy I.A. (2008), “Local communities in Russia – carriers of innovation and traditionalism”, *Vlast*, no. 5, pp. 19–24.
- Klyukina E.S. (2018), “Environmental threats to the health of the population in the Arctic region”, *Transactions Kola Science Centre Russian Academy of Sciences*, no. 9(2-13), pp. 91–103, <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.91-103>
- Nedoseka E.V., Kozlovskiy V.V. (2022), “Regional specifics of municipal solid waste management in Arctic Regions of the Russian Federation”, *Arktika i Sever / Arctic and North*, no. 42, pp. 223–241.
- Nikanov A.N., Dorofeev V.M., Talykova L.V., Sturlis N.V., Gushin I.V. (2019), “Morbidity of adult population in the russian european arctic with intensive mining and metallurgical industry”, *Russian Arctic*, no. 6, pp. 20–27, <https://doi.org/10.24411/2658-4255-2019-10063>
- Shcherbakova I.V. (2016), “The role of local communities in solving the problems of housing and communal services and landscaping”, *Sociological science and social practice*, no. 4(3), pp. 78–96, <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.3.4579>
- Trofimova I.N. (2015), “Civic activism in modern Russian society: Features of localization”, *Sociological research*, no. 4, pp. 72–77.
- Yanitsky O.N. (2015), “Public activism in Russia: yesterday and today”, *Vlast*, no. 2., pp. 53–60.
- Yanitsky O.N. (2013), “Social movements in contemporary society: Issues in theory”, *Sociological research*, no. 3, pp. 50–59.

Оплата труда STEM-специалистов в России: значение человеческого капитала и институциональных факторов

УДК 331.5 DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-78-89

Получено 12.09.2022 Доработано после рецензирования 10.10.2022 Принято 24.10.2022

Анна Эдуардовна Путинцева

Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9252-3498

E-mail: putintseva-ae@ranepa.ru

АННОТАЦИЯ

В эпоху цифровой трансформации все чаще возникает дискуссия о дефиците кадров, в частности ИТ-специалистов, и специалистов в области науки и техники (англ. STEM – Science, Technology, Engineering and Mathematics) в целом. Одно из решающих значений в привлечении и удержании высококвалифицированных кадров занимает уровень оплаты труда, поэтому важно разобраться, от каких детерминант зависит ее уровень в России, чему и посвящено представленное исследование. Рассмотрено влияние человеческого капитала (специальный стаж и наличие высшего образования) и институциональных факторов (размер организации, сектор экономики, профиль организации) на уровень оплаты труда STEM-специалистов в России. Для анализа использовались

данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» (RLMS-HSE) за 2010–2020 гг. В статье представлено подробное описание итоговой выборки (N = 4 674). Уравнение заработной платы Дж. Минцера используется как основная эконометрическая модель. Полученные результаты показывают, что уровень материальной компенсации повышается при наличии высшего образования у STEM-специалиста, при работе в крупной и в коммерческой организации. Специальный стаж (опыт работы) не влияет на размер вознаграждения. Профиль организации (техническая или нет) также не показал однозначного результата в данном исследовании.

Ключевые слова

STEM, высококвалифицированные кадры, человеческий капитал, заработная плата, факторы человеческого капитала, институциональные факторы, цифровая трансформация, управление персоналом в цифровой экономике

Для цитирования

Путинцева А.Э. Оплата труда STEM-специалистов в России: значение человеческого капитала и институциональных факторов // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 78–89.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

© Путинцева А.Э., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

STEM salaries in Russia: the importance of human capital and institutional factors

Received 12.09.2022 Revised 10.10.2022 Accepted 24.10.2022

Anna E. Putintseva

Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9252-3498

E-mail: putintseva-ae@ranepa.ru

ABSTRACT

In the age of digital transformation, there is an increasing discussion about human resource shortages. In particular, IT professionals, and specialists in science and technology (STEM – Science, Technology, Engineering and Mathematics) in general. One of the decisive factors in attracting and retaining a highly skilled workforce is the level of compensation, so it is important to understand what determinants affect its level in Russia, which is the focus of this study. The influence of human capital (special experience and availability of higher education) and institutional factors (organization size, economic sector, organization profile) were considered. The data of the National Research University

Higher School of Economics Russian Monitoring of Economic Situation and Health for 2010–2020 were used for the analysis. The paper presents a detailed description of the final sample (N = 4 674). The J. Mintzer wage equation is used as the main econometric model. The results show that the level of financial compensation increases when a STEM specialist has higher education, works in a large and commercial organization. Work experience has no effect on compensation. The profile of the organization (technical or not) also did not show an unambiguous result in this study.

Keywords

STEM, highly skilled workforce, human capital, wages, human capital factors, institutional factors, digital transformation, human resource management in the digital economy

For citation

Putintseva A.E. (2022) STEM salaries in Russia: the importance of human capital and institutional factors, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 78–89. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-78-89

Acknowledgements

This article was prepared as part of the research work of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Цифровая трансформация, связанная с внедрением информационных технологий (далее – ИТ), наблюдается практически во всех сферах экономики и социальной жизни России. 9 мая 2017 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы. На основании данной Стратегии Правительством Российской Федерации была разработана и утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, куда включены 6 федеральных проектов. Одним из них является проект «Кадры для цифровой экономики», цели которого – совершенствование системы образования, увеличение количества кадров, а также трансформация рынка труда². Кроме того, в апреле 2022 г. Президент Российской Федерации подписал указ, который объявляет 2022–2031 гг. в стране десятилетием науки и технологий. Некоторыми задачами этого периода является привлечение талантливой молодежи в сферу исследований и разработок, а также содействие вовлечению исследователей и разработчиков в решение важнейших задач развития общества и страны.

В мире используется аббревиатура STEM (англ. Science, Technology, Engineering and Mathematics) для обозначения комплекса научных дисциплин, куда входят естественные науки, технологии, инженерия и математика. Именно STEM-специалисты в целом и ИТ-специалисты в частности являются наиболее востребованными на современном рынке труда как в России, так и за рубежом.

В нашем исследовании, опираясь на общероссийский классификатор занятий³, к STEM-специалистам будут отнесены специалисты высшего уровня квалификации, а именно, представители группы 21 – специалисты в области науки и техники, а также представители группы 25 – специалисты по информационно-коммуникационным технологиям (далее – ИКТ). Аналогичные группы

можно выделить, пользуясь классификатором профессий ISCO-2008⁴.

Стоит отметить, что характер занятости и соответствие спроса и предложения в сфере STEM имеет неоднородный характер из-за широкой наполненности этой группы. Ученые проводили анализ, предварительно разделив STEM-специалистов на три группы – занятые в университетской среде, в государственном секторе и в частном (коммерческом) секторе [Xue, Larson, 2015]. Они пришли к выводу, что в зависимости от конкретного сегмента рынка труда существует и избыток работников, и их дефицит. Этот вывод подталкивает к важному вопросу о том, действительно ли существует дефицит кадров в наукоемких областях. С одной стороны, бизнес и государство часто указывают на эту проблему, например, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в 2022 г. сообщило, что нехватка ИТ-кадров в ближайшей перспективе составит от 500 тыс. до 1 млн специалистов. Аналогичная повестка присутствует и в международной дискуссии. С другой стороны, есть мнение, что специалистов в области STEM достаточно, но они не находят работу по специальности с достойным вознаграждением и условиями труда и вынуждены менять профиль своей деятельности. Д. Деминг и К. Норей выдвигают мнение, что суть проблемы в более быстрых темпах устаревания профессиональных навыков у STEM-специалистов, чем у других профессиональных групп, чему способствует быстрый технический прогресс в этой области [Deming, Noray, 2019]. Так или иначе, в соответствии с данными Росстата за 2021 г., число занятых в области STEM в России составляет 4,8 % от всего занятого населения⁵. К примеру, в США данный показатель выше и равняется 6,6 %⁶.

Дисбаланс в предложении и спросе на STEM-специалистов способствует увеличению объема невыполненных заказов на высокотехнологичные услуги, высокой текучести кадров и нехватке навыков. Перед организациями стоит задача разработать эффективные стратегии найма и удержания STEM-специалистов. Одно из решающих значений в привлечении и удержании высококвалифицированных кадров занимает уровень оплаты труда.

¹ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/3b1AsVA1v3VziZip5VzAY8RTcLEbdCct.pdf> (дата обращения: 07.09.2022).

² Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/> (дата обращения: 07.09.2022).

³ Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Общероссийский классификатор занятий ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/ (дата обращения: 06.09.2022).

⁴ International Labor Organization (2022). ISCO-08 Structure, index correspondence with ISCO-88. Режим доступа: <https://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco08/> (дата обращения: 06.09.2022).

⁵ Росстат (2021). Труд и занятость в России. 2021: Стат.сб. М.: Росстат. 177 с.

⁶ U.S. Bureau of Labor Statistics (2022). Employment in STEM occupations. Режим доступа: <https://www.bls.gov/emp/tables/stem-employment.htm> (дата обращения: 08.09.2022).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ / LITERATURE REVIEW

В.Е. Гимпельсон и Д.И. Зинченко [2021] ранее проводили исследование наличия значимой экономической премии у STEM-специалистов в сравнении с остальными (неSTEM) специальностями в России. Ученые сделали вывод, что STEM-специальность и STEM-образование не дают дополнительных экономических выгод. Проведенный анализ не показывает преимуществ в зарплате ни по одному критерию: ни по наличию STEM-образования, ни по работе на STEM-специальности, кроме того, экономическая премия не возникает и с опытом работы. В фокусе нашего исследования не сравнение STEM и неSTEM зарплат, а факторы, влияющие на уровень вознаграждения STEM.

Важно определить, от каких детерминант зависит уровень оплаты труда специалистов в изучаемой сфере. Э. Талмор и Дж. Уоллес изучали факторы, определяющие вознаграждение руководителей ИТ-компаний [Talmor, Wallace, 1998], подобно этому и работа М. Андерсона и соавторов [Anderson et al., 2000] рассматривает стратегии вознаграждения для топ-менеджеров ИТ-компаний в публично зарегистрированных ИТ- и не ИТ-организациях. Однако факторы, которые определяют уровень оплаты труда высшего менеджмента и руководителей, не всегда являются релевантными для анализа структуры компенсации исполнителей, линейных специалистов. Мы приняли во внимание исследование С. Анг и коллег [Ang et al., 2002], где был проведен углубленный анализ структуры вознаграждения в секторе информационных технологий на основе данных экономики Сингапура. Ученые выявили, что уровень образования и опыт работы положительно взаимосвязаны с размером компенсации за работу специалистов в ИТ. Также было доказано, что институциональные факторы, такие как размер, сектор и профиль организации, существенно не влияют на уровень оплаты труда, а имеют значение только в сочетании с факторами человеческого капитала. Позднее Н. Левина и М. Синь [Levina, Xin, 2007] провели схожее исследование на данных США и получили иные результаты. Институциональные факторы в этом случае оказали прямое влияние на уровень заработной платы высококвалифицированных сотрудников, тем самым подтвердив, что каждая страна будет иметь свои особенности и специфику при анализе системы вознаграждений. Левина и Синь отмечают, что такие факторы, как наличие сложностей в поиске работы, разнообразие в системе образования, географические различия

в стоимости жизни, мобильность рабочей силы и дефицит предложения рабочей силы по сравнению со спросом, объясняют различия между странами. Поэтому представляется необходимым проведение анализа влияния факторов человеческого капитала и институциональных факторов на размер заработной платы специалистов в области высоких технологий в России. Кроме того, ранее исследователи изучали уровень компенсаций лишь в сфере информационных технологий, мы же расширяем область исследования и проводим анализ по всей группе STEM-специалистов.

ФАКТОРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Различия в оплате труда являются отражением различий между работниками в уровне человеческого капитала. Это, в первую очередь, относится к таким качествам работника, как образование и опыт. Следовательно, предполагается, что высшее образование или более длительный опыт работы гарантируют более высокую компенсацию.

Можно предположить, что и в наукоемких областях значительный опыт работы и диплом о высшем образовании будут положительно связаны с уровнем заработной платы специалиста. Ведь специалисты выполняют сложные задачи, которые требуют основательной базовой академической подготовки, при этом часто современные организации работают в рамках проектных или продуктовых подходов, что требует от сотрудника опыта работы и, соответственно, знаний о явных и неявных специфических особенностях занятости в подобных условиях: устройства организационных систем, ролей, процедур.

Гипотеза № 1. Наличие высшего образования имеет положительную связь с уровнем оплаты труда.

Гипотеза № 2. Опыт работы имеет положительную связь с уровнем оплаты труда.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Опираясь на неoinституциональные теории, можно утверждать, что рынок труда не является единым, однородным, абсолютно конкурентным. Существуют особенности организации или отрасли в целом, которые могут повлиять на изменение размера оплаты труда [Segal, 1986]. Можно выделить два фактора различий в компенсации между отраслями и организациями разного размера. Во-первых, различия в заработной плате могут возникать, когда разные типы организаций будут иметь разную политику оплаты труда, во-вторых, они появляются, если на более высокооплачиваемые места принимают более эффективных сотрудников

(а факторы их высокой производительности не учитываются наблюдаемыми переменными).

В исследовании С. Анг и коллег выделяются три институциональных фактора: размер организации, сектор и ее профиль [Ang et al., 2002]. Однако результаты их исследования не смогли поддержать гипотезы о прямой положительной связи этих факторов с уровнем оплаты труда. Тем не менее особенности региона и страны проведения исследования могут сильно влиять на этот результат.

Размер организации

Актуальность размера фирмы для уровня компенсации неоднократно подтверждалась в глобальном экономическом контексте. С. Анг с соавторами выделяют теоретические причины этой положительной взаимосвязи организации [Ang et al., 2002]. Во-первых, крупные организации обладают более высокой способностью компенсировать убытки из-за большей доли рынка и, следовательно, более высокой прибыли. Во-вторых, крупные организации часто решают более сложные и комплексные задачи и, следовательно, нуждаются в сотрудниках, обладающих большим опытом. В-третьих, уклонение работников от выполнения своих обязанностей является более серьезной проблемой в крупных организациях, поскольку контролировать производительность труда сложнее. При более высокой компенсации количество уклонений от работы сокращается, поскольку сотрудники понимают, что вряд ли смогут найти другую работу, которая будет оплачена схожим образом.

В контексте STEM, вероятно, крупные организации будут предлагать более высокую компенсацию специалистам, поскольку эти учреждения обладают большими финансовыми ресурсами. Опять же, поддерживая мысль о дефиците кадров, мы можем предположить, что крупные организации будут нанимать и удерживать наиболее высококвалифицированных сотрудников с помощью установления уровня заработных плат выше среднего по рынку. С другой стороны, можно говорить и о том, что крупные организации за счет широкого компенсационного пакета (например, ДМС, оплата обучения, компенсация занятий спортом, корпоративные мероприятия и прочее), а также за счет положительного имиджа и стабильности на рынке могут предлагать материальную компенсацию ниже, чем малоизвестные стартапы, получившие гранты или финансирование на свои проекты.

Гипотеза № 3. Уровень оплаты труда будет выше в крупных организациях.

Сектор экономики

Стоит обратить внимание на такого участника рынка труда, как государство. Государство как работодатель относится к категории больших организаций, и мы могли бы ожидать, что уровень заработных плат там высок. Однако в этом случае есть отраслевая специфика, которая не позволяет сделать такой вывод, а именно, «институциональная жесткость», то есть медленное реагирование на изменения рыночных заработных плат. Как правило, некоммерческие и правительственные организации обладают меньшей свободой и гибкостью в построении стратегии найма персонала: существуют определенные стандарты оплаты специалистов, согласованный заранее бюджет. Это не позволяет некоммерческой организации оперативно изменять сметы и быстро реагировать на меняющиеся условия рынка труда.

Другим объяснением различий в доходах может являться теория заработной платы, основанная на пожертвовании рабочей силы [Handy, Katz, 1998]. Согласно этой теории, низкие доходы в некоммерческом учреждении возникают, когда люди признают меньшую способность некоммерческой организации компенсировать оплату труда (по сравнению с ее прибылью) и готовы «пожертвовать» часть своего оплачиваемого труда, чтобы продолжать деятельность «на благо общества».

Гипотеза № 4. В некоммерческих (государственных) организациях уровень оплаты труда будет ниже, чем в коммерческих.

Профиль организации (технологическая или нет)

В профильных технологических организациях использование ИТ и научных разработок является фундаментом, основой развития. В таких наукоемких организациях STEM-сотрудники выступают ключевой рабочей силой, производящей услуги и продукты. Мы ожидаем, что оплата труда специалистов в профильных организациях будет выше, чем в непрофильных, где подразделения науки и технологий являются, скорее, дополнением, чем ключевым направлением работы.

Гипотеза 5. Уровень оплаты труда будет выше в профильных технологических организациях.

ДАнные И ИЗМЕРЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ / DATA AND MEASUREMENT OF KEY VARIABLES

Проверка поставленных гипотез опиралась на данные Российского мониторинга экономи-

ческого положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее – РМЭЗ ВШЭ)⁷. Мы использовали данные 10 волн обследования (2010–2020 гг.) по выборке, репрезентирующей население России.

Мониторинг содержит все необходимые переменные для проверки поставленных гипотез: параметры полученного образования, характеристики рабочего места и выполняемой работы, структуру оплаты труда. Также с помощью данных РМЭЗ ВШЭ можно составить полный портрет исследуемой группы. Присутствуют и некоторые минусы этой базы данных. В первую очередь, это относительно малый размер выборки. Общее число наблюдений в репрезентативной выборке составляет 216 130. При этом если отобрать только интересующие нас наблюдения, то мы получим 4 674 респондентов.

Для измерения зависимой переменной (размера заработной платы) использовались ответы на вопрос: «Сколько денег в течение последних 30 дней Вы получили по основному месту работы после вычета налогов и отчислений?». Нами был учтен процент годовой инфляции путем умножения данных каждой волны на официальное значение годовой инфляции. При измерении длительности профессионального стажа использовалась информация о начале работы на данном рабочем месте [Гимпельсон и др., 2016]. В нашу эконометрическую модель включены переменные возраста, квадрата возраста, пола, семейного положения (женат/замужем или не женат/не замужем), наличия детей, а также годовые дамми-переменные.

ОПИСАНИЕ ВЫБОРКИ / SAMPLE DESCRIPTION

В итоговую выборку попало 4 674 респондента, работающих по STEM-специальностям. 3 669 респондентов (78 %) являются специалистами в области науки и техники (21 группа) и 1 005 респондентов (22 %) – специалисты по ИКТ (25 группа). Социально-демографические характеристики STEM-специалистов и специалистов других групп представлены в таблице 1. При подсчете общих показателей по выборке не учитывались данные по 21 и 25 группе.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики выборки

Table 1. Socio-demographic characteristics of the sample

Характеристика, единицы измерения	STEM-специалисты	Специалисты других профессиональных групп
Средний возраст, лет	37,8	38,3
Пол, %		
Женский	39	57
Мужской	61	43
Уровень образования, %		
Незаконченное среднее образование	0,6	10,9
Законченное среднее образование	6,7	30,6
Законченное среднее специальное образование	15,1	24,7
Законченное высшее образование и выше	79,3	23,8
Часы работы в месяц, час	169,5	175,6
Длительность рабочего стажа, лет	8,15	8,1

Составлено автором по материалам источника⁸ / Compiled by the author on the materials of the source⁸

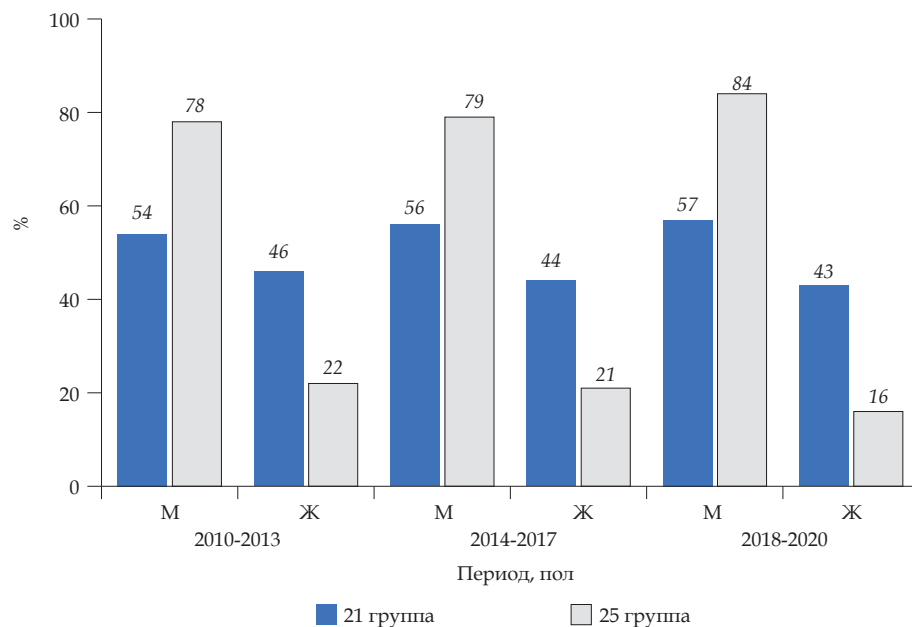
В исследуемой группе мужчины составляют 61 %, а женщины – 39% (рис. 1). Подобная гендерная асимметрия, сложившаяся в рассматриваемой сфере, свойственна не только России [Михайлова, 2016], но и другим странам [Xuan, 2021].

Большая часть STEM-специалистов имеют законченное высшее образование (79,3 %). Среди специалистов ИКТ довольно распространена работа только с окончанным средним специальным образованием, при этом процент таких сотрудников значительно вырос к 2020 г. (23,2 %). Среди специалистов 21 группы возросла доля сотрудников с высшим образованием (с 77,6 % до 84,5 %). Отметим, что уровень образования в изучаемой группе значительно выше среднего уровня образования по всей выборке. Профильное образование имеет большая часть респондентов из изучаемой группы.

Далее проанализируем форму собственности организаций, в которых заняты респонденты, а также ее размер. Нами не было замечено значимой динамики, поэтому ниже приведены общие данные за 2010–2020 гг. Подробный анализ представлен в таблице 2.

⁸ Там же.

⁷ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE). Режим доступа: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 10.09.2022).

Составлено автором по материалам источника⁹ / Compiled by the author on the materials of the source⁹

Рис. 1. Распределение по полу в группе STEM-специалистов

Fig. 1. Distribution by gender in the STEM group

В среднем, 68 % респондентов работают в компаниях с государственным участием, но государство как работодатель наиболее распространено у специалистов в области науки и техники, лишь треть ИКТ-специалистов работают в государственных организациях. В иностранных компаниях заняты в среднем 5 % STEM-специалистов, и 59 % работают в российских организациях.

Таблица 2. Форма собственности организации

Table 2. Organisation form of ownership

Вопросы респондентам	Распределение вариантов ответа на вопросы, чел. (%)			Всего, %
	Да	Нет	Нет ответа	
Является государство владельцем или совладельцем Вашего предприятия, организации?				
21 и 25 группа	2 052 (68)	787 (26)	188 (6)	3 027 (100)
Вся выборка	37 457 (45)	43 513 (52)	2 773 (3)	83 743 (100)
Являются владельцами или совладельцами Вашего предприятия, организации иностранные фирмы или иностранные частные лица?				
21 и 25 группа	237 (5)	4 083 (90)	199 (4)	4 519 (100)
Вся выборка	2 674 (3)	77 801 (93)	3 248 (4)	83 723 (100)

⁹ Там же.

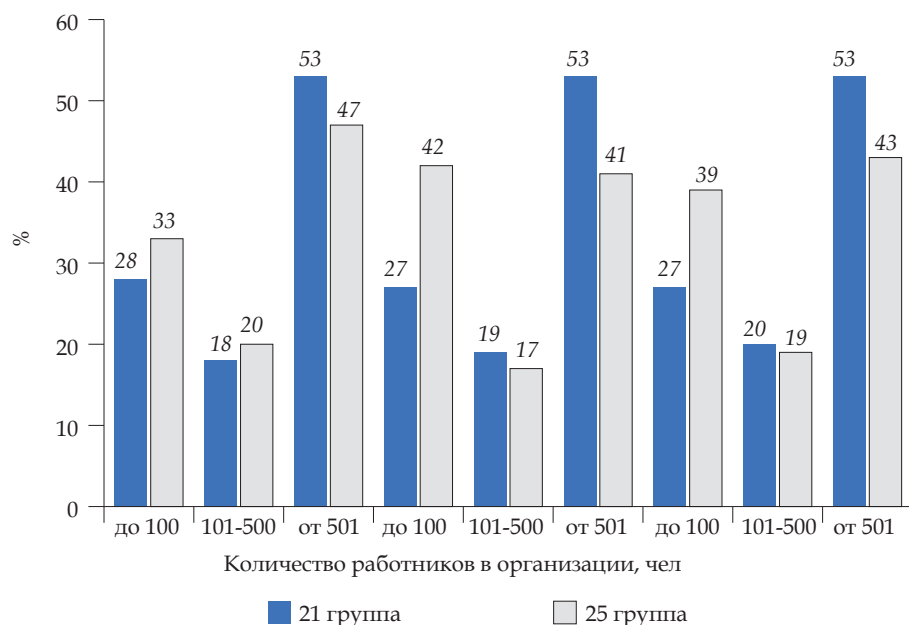
Окончание табл. 2

Вопросы респондентам	Распределение вариантов ответа на вопросы, чел. (%)			Всего, %
	Да	Нет	Нет ответа	
Являются владельцами или совладельцами Вашего пред- приятия, организации какие-то российские частные лица, коллектив предприятия или российские частные фирмы?				
21 и 25 группа	2 658 (59)	1 610 (36)	251 (6)	4 519 (100)
Вся выборка	46 355 (55)	33 680 (40)	3 688 (4)	83 723 (100)

Составлено автором по материалам источника¹⁰ / Compiled by the author on the materials of the source¹⁰

Говоря про размер организации, в которой заняты респонденты, можно отметить интересные тенденции (рис. 2). Так, в 21 группе на протяжении всего времени не наблюдается значимых изменений. Распределение постоянно: 27 % работают в малых организациях, 19 % – в средних, а более половины – в крупных. Но в 25 группе мы видим динамику. Например, к 2018–2020 гг. значительно возросло количество людей, работающих в малых организациях (с 33 % до 39 %). Видно также, что число занятых в крупных организациях постепенно снижается (с 47 % до 43 %).

¹⁰ Там же.

Составлено автором по материалам источника¹¹ / Compiled by the author on the materials of the source¹¹

Рис. 2. Распределение работников в зависимости от размера организации

Figure 2. Distribution of employees depending on the organisation size

Изучая условия труда, важно проанализировать количество рабочих часов в месяц, размер заработной платы, оформление занятости (официально или нет), наличие премии и ее размер.

Специалисты 21 и 25 группы работают в среднем в месяц меньше, чем специалисты других групп. При этом у специалистов 21 группы с течением времени нагрузка не увеличивается, а у специалистов 25 группы заметно постепенное увеличение (со 167,3 часов до 169,2 часов в месяц). Меньшее количество рабочих часов в изучаемой группе, вероятно, связано с распространенной практикой гибкого рабочего времени в технологических организациях, с ориентацией на выполнение поставленных задач, а не на фактически затраченное на работу время.

Уровень заработной платы в исследуемой группе значительно выше, чем по всей выборке. Наблюдается рост заработной платы с течением времени, однако за последние 5 лет оплата труда увеличилась примерно на 20 %, что соотносится с общей тенденцией по всей выборке (таблица 3).

Таблица 3. Среднемесячная номинальная заработная плата за последние 12 месяцев

Table 3. Average monthly nominal wages and salaries for the last 12 months

Респонденты	Размер среднемесячной номинальной заработной платы, руб.		
	2010–2013	2014–2017	2018–2020
21 группа	22 597,3	32 436,3	39 805,8
25 группа	28 902,4	39 120,8	47 523,4

¹¹ Там же.

Окончание табл. 3

Респонденты	Размер среднемесячной номинальной заработной платы, руб.		
	2010–2013	2014–2017	2018–2020
21 и 25 группа	25 749,85	35 778,55	43 664,6
Вся выборка	16 841,2	23 209,9	28 383,6

Составлено автором по материалам источника¹² / Compiled by the author on the materials of the source¹²

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНАНТ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ STEM-СПЕЦИАЛИСТОВ / ECONOMETRIC ANALYSIS. ANALYSIS OF STEM SALARIES DETERMINANTS

Уравнение заработной платы Дж. Минцера [Mincer, 1974] используется в этой работе как основная эконометрическая модель. Уравнение имеет следующий общий вид:

$$\ln(wage)_i = \beta_0 + \sum_{j=1}^{13} \beta_j x_{ji} + \gamma_1 x_{ji} + \gamma_2 z_i + \delta_i + \varepsilon_i \quad (1)$$

где $\ln(wage)$ – натуральный логарифм месячной заработной платы работника; x_{ji} – переменные, оказывающие влияние на размер заработной платы в соответствии с гипотезами исследования (наличие высшего образования, опыт работы, размер организации, работа в государственной организации, сфера деятельности организации); X_i – контрольные

¹² Там же.

экзогенные переменные (семейное положение, наличие детей); Z_i – базовые социально-демографические характеристики (переменные пола и возраста); δ_i – годовые временные эффекты.

Оценивание уравнения осуществляется в несколько этапов. На первом базовом этапе учитывался только пол и возраст STEM-специалистов, на втором были добавлены факторы человеческого капитала – опыт работы и наличие высшего образования, третий учитывает дополнительно и институциональные факторы: размер организации, форму собственности, а также сферу работы организации. На всех этапах расчеты производились с оцениванием стандартных ошибок коэффициентов методом, робастным к гетероскедастичности, а также контролировалось семейное положение, наличие детей и год проведения опроса. Результаты анализа представлены в таблице 4.

Взаимосвязь возраста и заработной платы нелинейная: до 41 года она растет, а затем начинает снижаться. Мы видим, что заработная плата у мужчин в сфере STEM значительно выше (на 50 %), чем у женщин. Это ожидаемый вывод, подтвержденный множеством гендерных исследований. Дискриминация и гендерный разрыв в оплате труда актуален как для России, так и для других стран, как для молодых сотрудников, так и для опытных [Задворнова, 2019].

Наличие высшего образования значительно увеличивает размер оплаты труда STEM-специалистов. Во второй модели, где были добавлены лишь социально-демографические характеристики и личностные факторы, наличие диплома о высшем образовании на 16 % увеличивает размер заработной платы, однако при добавлении в модель институциональных факторов данный коэффициент возрастает и достигает 17 %. Эти результаты позволяют нам полностью подтвердить гипотезу № 1.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа

Table 4. Results of regression analysis

Личностные и институциональные факторы	Спецификация 1 (социально-демографические базовые характеристики)	Спецификация 2 (спецификация 1 + личностные факторы)	Спецификация 3 (спецификация 2 + институциональные факторы)
Семейное положение (контрольная)	-0,054** (0,039)	-0,055** (0,041)	-0,06** (0,04)
Наличие детей (контрольная)	0,026** (0,04)	0,052** (0,044)	0,041** (0,04)
Пол (0-женщины; 1 – мужчины)	0,562** (0,032)	0,552*** (0,000)	0,498*** (0,000)
Возраст	0,709*** (0,008)	0,068*** (0,000)	0,06*** (0,000)
Возраст ²	-0,0008*** (0,000)	-0,0007*** (0,000)	-0,0006*** (0,000)
Наличие высшего образования	-	0,158*** (0,000)	0,168*** (0,000)
Опыт работы (производственный опыт)	-	-0,001 (0,465)	-0,0007 (0,654)
Размер организации (база – крупные организации от 501 чел.)			
Малые (до 100 чел.)	-	-	-0,137*** (0,000)
Средние (от 101 до 500 чел.)	-	-	-0,066 (0,116)
Организация государственная	-	-	-0,192*** (0,000)
Сфера работы организации (база «Строительство» – самая наполненная группа)			
Военно-промышленный комплекс	-	-	-0,013 (0,852)
Нефтегазовая промышленность	-	-	0,48*** (0,000)
Транспорт, связь	-	-	0,158** (0,012)

Окончание табл. 3

Личностные и институциональные факторы	Спецификация 1 (социально-демографические базовые характеристики)	Спецификация 2 (спецификация 1 + личностные факторы)	Спецификация 3 (спецификация 2 + институциональные факторы)
Органы управления	-	-	-0,114 (0,175)
Образование	-	-	-0,143 (0,252)
Наука и культура	-	-	0,019 (0,807)
Информационные технологии	-	-	0,179 (0,148)
Остальные, другие	-	-	-0,066 (0,116)
N, число наблюдений	2 012		

Примечание. Стандартные ошибки (в скобках) оцениваются методом, робастным к гетероскедастичности. Во всех спецификациях контролируются семейное положение, наличие детей и год проведения опроса. *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Составлено автором по материалам источника¹³ / Compiled by the author on the materials of the source¹³

Мы не видим выраженной закономерности и статистически значимых коэффициентов при анализе влияния производственного опыта на размер оплаты труда. Этот вывод поддерживает недавнее исследование Н.В. Кельчевской и Е.В. Ширинкиной [2019], где авторы изучали влияние различных детерминант эффективного использования человеческого капитала в цифровой экономике – в том числе и производственного опыта. Исследователи объясняют этот вывод тем, что в цифровой экономике меняются принципы организации рабочего пространства; из-за цифровизации и автоматизации среды прежние организационные подходы и навыки становятся неактуальными, а на первый план выходит способность человека адаптироваться к изменяющимся условиям и требованиям. Таким образом, мы не принимаем гипотезу № 2.

Переходя к анализу институциональных факторов, начнем с размера организации. В качестве базовой переменной мы взяли крупные организации с численностью сотрудников более 500 человек. Результаты анализа показывают, что STEM-специалист, работающий в малой организации (до 100 человек), будет зарабатывать на 14 % меньше, чем специалист, занятый в крупной организации. Оценка коэффициента для средней организации оказалась статистически незначимой. Эти выводы частично подтверждают гипотезу № 3. Мы можем говорить о том, что при работе в крупной организации специалист «выигрывает» в зарплате относительно работы в небольшой компании.

STEM-специалисты в государственных (некоммерческих) организациях зарабатывают на 19 % меньше своих коллег в частном секторе. Этот вывод полностью поддерживает наши предположения и гипотезу № 4. Вероятно, STEM-специалисты, трудоустроенные в государственном секторе, компенсируют разрыв в оплате труда другими нематериальными бонусами и льготами. Например, работа в государственной организации может быть более стабильна. Кроме того, фактор выбора сферы деятельности часто связан с ценностно-мотивационной структурой личности, так как некоторые люди следуют своему мотиву «помогать другим» и выбирают работу в социально-значимой сфере.

Последней интересующей нас детерминантой, которая может влиять на уровень заработной платы специалиста STEM, является отрасль работы. В качестве базовой переменной была отобрана переменная «Строительство», являющаяся наиболее наполненной среди прочих, но при этом она не соответствует прямому профилю работы специалистов 21 и 25 групп. Результаты показывают, что занятые в нефтегазовой промышленности зарабатывают на 48 % больше, чем специалисты в строительстве, а занятые в области транспорта и связи – на 16% больше. Мы склонны относить нефтегазовую, транспортную и телекоммуникационные отрасли к профильным областям деятельности STEM-специалистов. В остальных выбранных сферах, в том числе в ИТ-сфере, образовании и науке, уровень зарплат несущественно отличается от сферы «Строительство», поэтому гипотеза № 5 поддерживается лишь частично.

¹³ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

В статье проведен анализ влияния личностных и институциональных факторов на размер оплаты труда STEM-специалистов в России с использованием данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2010–2020 гг. Показано, что наличие высшего образования на 16 % увеличивает размер заработной платы STEM-специалистов. Отдача от образования остается на высоком уровне, но, вероятно, в дальнейшем тенденция будет направлена на ее снижение, если произойдет ухудшение качества получаемого образования либо устаревание программ. При установлении размера заработной платы работодатели оценивают реальные практические профессиональные навыки, а не документальное подтверждение квалификации. Однако остаются сферы и отрасли, где наличие высшего образования является обязательным условием приема на работу.

Опыт работы не показал значимой связи с размером заработной платы. Одинаково квалифицированные сотрудники, но с трудовым стажем, отличающимся в несколько лет, могут претендовать на одинаковый размер материальной компенсации. Кроме того, взаимосвязь опыта и зарплаты нелинейная. Сначала происходит рост зарплаты, а с течением времени он останавливается, либо идет на спад.

Говоря об институциональных факторах, было выявлено, что STEM-специалист, работающий

в малой организации, будет зарабатывать меньше на 14 %, чем его коллега в крупной организации. STEM-специалисты в государственных организациях (некоммерческих) зарабатывают на 19 % меньше своих коллег в частном секторе. Также в качестве одной из детерминант была взята отрасль работы, мы хотели доказать, что работа в профильной организации будет оплачиваться выше, чем в непрофильной. Однако по этому фактору не удалось сделать однозначный вывод по этому фактору.

Практическая значимость исследования заключается в том, что более глубокое знание детерминант, влияющих на уровень материального вознаграждения, позволяет избирать правильные управленческие подходы, эффективнее использовать человеческий капитал. Особенную актуальность это приобретает в цифровой экономике и в периоды цифровой трансформации, когда возникает дисбаланс на рынке труда. Полученные выводы помогут организациям при формировании стратегий управления персоналом, а также самим специалистам при планировании своей карьерной траектории.

Результаты требуют дополнительной проверки на другой выборке и при учете в модели дополнительных переменных, таких как, например, опыт учебы на специализированных курсах и других программах профессиональной переподготовки, принадлежность специалистов к стартапам (микроорганизациям).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р., Оценок А. (2016). Премия за специальный стаж в России: возвращение к теме // Экономический журнал ВШЭ. Т. 20, № 4. С. 553–587.
- Гимпельсон В.Е., Зинченко Д.И. (2021). «Физики» и «лирики»: кто российскому рынку более ценен? // Вопросы экономики. № 8. С. 5–36. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-5-36>
- Задворнова Ю.С. (2019). Ликвидация гендерного разрыва в оплате труда в STEM-отраслях как ключевая задача преодоления гендерного неравенства в странах с цифровой экономикой // Женщина в российском обществе. №3. С.114–120. <https://doi.org/10.21064/winrs.2019.3.9>
- Кельчевская Н.Р., Ширинкина Е.В. (2019). Региональные детерминанты эффективного использования человеческого капитала в цифровой экономике // Экономика региона. Т. 15, № 2, С. 465–482. <https://doi.org/10.17059/2019-2-12>
- Михайлова Е.А. (2016). Реализация профессионального потенциала российских женщин: социологическое измерение // Женщина в российском обществе. № 3. С. 25–38. <https://doi.org/10.21064/winrs.2016.3.3>
- Acemoglu D., Autor D. (2011). Skills, Tasks and Technologies: Implications for Employment and Earnings // In: D. Card, O. Ashenfelter (eds.) Handbook of Labor Economics. V. 4, part B. Amsterdam: Elsevier. Pp. 1043–1171. [https://doi.org/10.1016/S0169-7218\(11\)02410-5](https://doi.org/10.1016/S0169-7218(11)02410-5)
- Anderson M., Banker R., Ravindran S. (2000). Executive compensation in the information technology industry // Management Science. V. 46, no. 4. Pp. 530–547. <https://doi.org/10.1287/mnsc.46.4.530.12055>
- Ang S., Slaughter S., Ng K.Y. (2002). Human capital and institutional determinants of information technology compensation: Modeling multilevel and cross-level interactions // Management Science. Vol. 48, no. 11, article number 1427. <https://doi.org/10.1287/mnsc.48.11.1427.264>
- Deming D., Noray K. (2019). STEM Careers and the Changing Skill Requirements of Work // HKS Working Paper. No. RWP19-025. August. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3451346>

- Handy F., Katz E. (1998). The wage differential between nonprofit institutions and corporations: Getting more by paying less // *Journal of Comparative Economics*. V. 26, no. 2. Pp. 246–261. <https://doi.org/10.1006/jceec.1998.1520>
- Katz L.F., Murphy K.M. (1992). Changes in Relative Wages, 1963– 1987: Supply and Demand Factors // *Quarterly Journal of Economics*. V. 107, no. 1. Pp. 35–78. <https://doi.org/10.2307/2118323>
- Levina N., Xin M. (2007). Research Note – Comparing IT Workers’ Compensation Across Country Contexts: Demographic, Human Capital, and Institutional Factors // *Information Systems Research*. V. 18, no. 2. Pp. 193–210. <https://doi.org/10.1287/isre.1070.0121>
- Mincer J. (1974). *Schooling, Experience, and Earnings*. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. 152 p.
- Segal M. (1986). Post-institutionalism in labor economics: The forties and fifties revisited // *Industrial and Labor Relations Review*. No. 39. Pp. 388–403. <https://doi.org/10.2307/2524098>
- Talmor E., Wallace J.S. (1998). Computer industry executives: An analysis of the new barons’ compensation // *Information Systems Research*. V. 9, no. 4. Pp. 398–414. <https://doi.org/10.1287/isre.9.4.398>
- Xuan Jiang (2021). Women in STEM: Ability, preference, and value // *Labour Economics*. V. 70. Article number 101991. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2021.101991>
- Xue Yi, Larson R.C. (2015). STEM crisis or STEM surplus? Yes and yes // *Monthly Labor Review*, U.S. Bureau of Labor Statistics. <http://dx.doi.org/10.21916/mlr.2015.14>

REFERENCES

- Acemoglu D., Autor D. (2011), “Skills, Tasks and Technologies: Implications for Employment and Earnings”, In: D. Card, O. Ashenfelter (eds.), *Handbook of Labor Economics*, vol. 4, part B, Elsevier, Amsterdam, Netherlands, pp. 1043–1171, [https://doi.org/10.1016/S0169-7218\(11\)02410-5](https://doi.org/10.1016/S0169-7218(11)02410-5)
- Anderson M., Banker R., Ravindran S. (2000), “Executive compensation in the information technology industry. *Management Science*, vol. 46, no. 4. Pp. 530–547, <https://doi.org/10.1287/mnsc.46.4.530.12055>
- Ang S., Slaughter S., Ng K.Y. (2002), “Human capital and institutional determinants of information technology compensation: Modeling multilevel and cross-level interactions”, *Management Science*, vol. 48, no. 11, article number 1427, <https://doi.org/10.1287/mnsc.48.11.1427.264>
- Deming D., Noray K. (2019), “STEM Careers and the Changing Skill Requirements of Work”, HKS Working Paper, no RWP19-025, August, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3451346>
- Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Oshchepkov A. (2016), “Return to Tenure Revisited”, *HSE Economic Journal*, vol. 20, no 4, pp. 553–587.
- Gimpelson V.E., Zinchenko D.I. (2021), “‘Physicists’ and ‘lyricists’: Whom the Russian labor market values higher?”, *Voprosy Ekonomiki*, no. (8), pp. 5–36, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-5-36>
- Handy F., Katz E. (1998), “The wage differential between nonprofit institutions and corporations: Getting more by paying less”, *Journal of Comparative Economics*, vol. 26, no. 2, pp. 246–261, <https://doi.org/10.1006/jceec.1998.1520>
- Katz L.F., Murphy K.M. (1992), “Changes in Relative Wages, 1963– 1987: Supply and Demand Factors” *Quarterly Journal of Economics*, vol. 107, no. 1, pp. 35–78, <https://doi.org/10.2307/2118323>
- Kelchevskaya N.R., Shirinkina E.V. (2019), “Regional Determinants of Effective Use of Human Capital in the Digital Economy”, *Economy of region = Ekonomika regiona*, vol. 15, no. 2, pp. 465–482, <https://doi.org/10.17059/2019-2-12>
- Levina N., Xin M. (2007), “Research Note – Comparing IT Workers’ Compensation Across Country Contexts: Demographic, Human Capital, and Institutional Factors”, *Information Systems Research*, vol. 18, no. 2, pp. 193–210, <https://doi.org/10.1287/isre.1070.0121>
- Mikhaylova E.A. (2016), “Implementation of professional capacity of Russian women: sociological dimension”, *Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 25–38, <https://doi.org/10.21064/winrs.2016.3.3>
- Mincer J. (1974), *Schooling, Experience, and Earnings*. National Bureau of Economic Research, Cambridge, Massachusetts, US.
- Segal M. (1986), “Post-institutionalism in labor economics: The forties and fifties revisited”, *Industrial and Labor Relations Review*, no. 39, pp. 388–403, <https://doi.org/10.2307/2524098>
- Talmor E., Wallace J.S. (1998), “Computer industry executives: An analysis of the new barons’ compensation”, *Information Systems Research*, vol. 9, no. 4, pp. 398–414, <https://doi.org/10.1287/isre.9.4.398>
- Xuan Jiang (2021), “Women in STEM: Ability, preference, and value”, *Labour Economics*, vol. 70, article number 101991, <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2021.101991>
- Xue Yi, Larson R.C. (2015), “STEM crisis or STEM surplus? Yes and yes”, *Monthly Labor Review*, U.S. Bureau of Labor Statistics. <http://dx.doi.org/10.21916/mlr.2015.14>
- Zadvornova Yu.S. (2019), “Elimination of gender wage gap in STEM as a key task of eradication of gender inequality in countries with digital economy”, *Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 114–120, <https://doi.org/10.21064/winrs.2019.3.9>

Цифровизация средств массовой информации как фактор влияния на доверие к искусственному интеллекту

УДК 004.89 DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-90-97

Получено 07.10.2022

Доработано после рецензирования 11.11.2022

Принято 21.11.2022

Разов Павел Викторович

Д-р социол. наук, проф. департамента социологии
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3298-6165

E-mail: PVRazov@fa.ru

Гараганов Артур Владимирович

Науч. сотр. Центра изучения и мониторинга эффективности
мер социально-экономической поддержки промышленности
и предпринимательства «Локомотивы роста»

Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7886-2896

E-mail: arturcompany21@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние цифровизации средств массовой информации на доверие индивидов к технологиям искусственного интеллекта. Авторами были изучены ключевые особенности, связанные с современным состоянием медиарынка, а также выделены риски, которые оказывают влияние на развитие средств массовой информации и на доверие к ним со стороны потребителей. Важное место отведено анализу цифровизации средств массовой информации. Описаны основные элементы, которые отражают последствия этого процесса, а также рассмотрены глобальные тенденции, связанные с медиарынком. В ходе работы

был изучен аспект доверия индивидов к искусственному интеллекту, в частности, были рассмотрены основные причины недоверия к исследуемому явлению. Авторами была выявлена взаимосвязь между процессом цифровизации средств массовой информации и доверием индивидов к искусственному интеллекту. В заключительной части статьи авторами представлены результаты цифровизации средств массовой информации в контексте перехода к новым форматам, а также раскрыт существующий механизм влияния данного перехода на доверие к искусственному интеллекту со стороны людей.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, цифровизация, нейросоциальный интеллект, доверие, СМИ, сеть «Интернет», информация, реклама, цифровая трансформация, медиарынок, потребности, глобализация, социальные сети

Для цитирования

Разов П.В., Гараганов А.В. Цифровизация средств массовой информации как фактор влияния на доверие к искусственному интеллекту / / Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 90–97.

© Разов П.В., Гараганов А.В., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
(<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Digitalization of mass media as a factor of influence on trust in artificial intelligence

Received 07.10.2022

Revised 11.11.2022

Accepted 21.11.2022

Pavel V. Razov

Dr. Sci. (Sociol.), Prof. at the Sociology Department
Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3298-6165

E-mail: PVRazov@fa.ru

Artur V. Garaganov

Researcher, "Locomotives of Growth" Center for Studying and
Monitoring the Efficiency of Measures of Socio-Economic Support
for Industry and Entrepreneurship

Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7886-2896

E-mail: arturcompany21@gmail.com

ABSTRACT

The article discusses the influence of media digitalization on the individuals' trust in artificial intelligence technologies. The authors study the key features associated with the current state of the media market, as well as highlight the risks that affect the development of the media and consumer confidence in them. An important place in this work is given to the analysis of the media digitalization. The main elements that reflect the consequences of this process are described, as well as global trends associated with the mass media market. In this paper, the

aspect of individuals' trust in artificial intelligence is studied, in particular, the main reasons for distrust in the phenomenon under study are considered. The authors have identified the relationship between the process of digitalization of the media and the trust of individuals in artificial intelligence. In the final part of the article, the authors present the results of digitalization of the media in the context of the transition to new formats, and also reveal the existing mechanism of the impact of this transition on people's trust in artificial intelligence.

Keywords

Artificial intelligence, digitalization, neurosocial intelligence, trust, media, Internet, information, advertising, digital transformation, media market, needs, globalization, social networks

For citation

Razov P.V., Garaganov A.V. (2022) Digitalization of mass media as a factor of influence on trust in artificial intelligence, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 90–97. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-90-97

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Процесс внедрения новейших цифровых технологий активно происходит в различных сферах, одной из которых является деятельность средств массовой информации (далее – СМИ). Актуальность исследования обусловлена трансформацией медиарынка в условиях глобальной цифровизации, где традиционные медиа отмирают и заменяются новыми медиаформатами и новыми возможностями. Тенденции, связанные со СМИ, отражаются на технологиях искусственного интеллекта, в частности на доверии к нему.

Проблема исследования заключается в том, что интеграция новейших цифровых технологий в процесс функционирования средств массовой информации сопровождается возникновением новых рисков в области доверия населения. Объектом исследования стало доверие к искусственному интеллекту (далее – ИИ), а предметом – цифровизация СМИ как фактор влияния на доверие к ИИ.

Целью статьи является изучение цифровизации СМИ как фактора влияния на доверие к искусственному интеллекту. На основе заявленной цели сформулированы следующие задачи:

- 1) изучить специфику медиарынка в современных условиях;
- 2) выявить глобальные тенденции массовых каналов коммуникации;
- 3) исследовать влияние цифровизации на медиарынок;
- 4) проанализировать результаты авторского исследования;
- 5) сформировать рекомендации относительно повышения эффективности изучения процесса цифровизации средств массовой информации и влияния этого процесса на доверие к технологиям искусственного интеллекта.

В ходе исследования были использованы общие и специальные методы научного познания: системный, структурный анализ, анализ и сравнение количественных данных, полученных в результате изучения медиарынка.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ / THEORY AND METHODS

СПЕЦИФИКА МЕДИАРЫНКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Медиарынок – это совокупность всех средств массовой информации, которые создают контент для нужд конкретных целевых аудиторий. Медиарынок можно разделить на два блока: рынок ресурсов и информационный рынок. Рынок ресурсов – это элементы производства информационного

медиаконтента, например, финансы, медиаматериалы, медиатексты, а информационный рынок – это пространство с медиапродуктами (пресса, аудиовизуальные и электронные СМИ, публикации информационных агентств, документальные фильмы и т.д.), которые участвуют в процессе купли-продажи [Колобова, 2019].

С появлением новых цифровых технологий медиарынок в XXI в. стал активно развиваться в разных форматах, включая ведение блогов и подкастинг. Пандемические угрозы и вызовы сформировали новые глобальные тенденции в СМИ. Одним из таких примеров являются подкасты – их растущая популярность характеризуется развитием потоковых платформ и подкаст-клиентов (менеджеров подкастов).

Медиарынок объединяет информационные и ресурсные рынки, которые направлены на продвижение медиаконтента в современном мире. Рыночными составляющими медиабизнеса являются: регуляторы медиарынка, специфика медиаформатов, медиапродуктов и рекламных услуг в медиасфере [Кириленко, Колобова, 2021].

В трансформации медиарынка особую роль играет интеграция искусственного интеллекта – систем, которые пытаются имитировать аспекты функционирования человеческого интеллекта, включая обучение, решение задач и т.д. [Seshia et al., 2022]. На современном этапе развития особенно актуальны машинное обучение искусственного интеллекта и реакции индивидов (нейро-социальный интеллект), позволяющие СМИ использовать новейшие технологии в собственной деятельности.

Ценность цифровой трансформации медиарынка важна как для потребителей медиаконтента, который связан с возможностью удовлетворения индивидуальных потребностей, так для страны в целом и компаний в частности.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МАССОВЫХ КАНАЛОВ КОММУНИКАЦИИ

С 2020 г. мировой медиарынок находится в новых условиях, связанных с пандемией COVID-19, внедрением электронной коммерции, трансформации медиаконтента и разработки новых медиа-форматов [Уманский, 2020]. В 2020–2022 гг. глобальные медиатренды, несомненно, связаны с пандемическими угрозами и вызовами, цифровой трансформацией медиаканалов и значительным скачком в развитии онлайн-ресурсов и стриминговых платформ [Кузовкова и др., 2020]. Именно глобальная цифровизация повлияла на то, что потребление новых медиаформатов привело к возрастанию спроса на аудиоконтент,

в результате чего аудиореклама стала одним из эффективных каналов распространения информации [Блохина, 2022; Бителин, 2021].

В связи с новейшими угрозами, возникшими в 2022 г., можно выделить следующие глобальные тенденции в медиасфере [Кривоносов и др., 2019]:

- политизация социальных сетей;
- развитие аудиоформатов (голосовые помощники, голосовой поиск, подкасты) и VR/AR (англ. virtual/artificial reality – виртуальная и дополненная реальности);
- популяризация платных подписок на средства массовой информации и конкуренция между ними;
- формирование канала доверия с потребителями профессиональных медиабрендов на разных платформах;
- возврат инвестиций брендов в имиджевые размещения;
- создание искреннего контента;
- небольшое количество мировых премьер.

Эти тенденции опираются на технологии искусственного интеллекта. В рамках цифровой трансформации новые современные устройства и ИТ-технологии являются важным инструментом для профессиональной и повседневной жизни современного человека. Медиа контент и медиатексты популярны среди пользователей интернет-пространства [Панова, 2020]. С появлением новых ИТ-технологий медиасфера приобретает новые форматы и новые возможности.

Искусственный интеллект является одним из механизмов распространения и масштабирования новейших тенденций медиарынка – с помощью искусственных нейронных сетей многие приложения, продвигающие медиаконтент, формируют для пользователей персональные подборки подкастов, музыки, видео, и т.д. на основе анализа контента, который был интересен ранее [Гараганов, 2022].

Важным аспектом в области искусственного интеллекта и СМИ является доверие [Glikson, Woolley, 2020]. Доверие выступает в качестве базового фактора, который обеспечивает поддержку ИИ со стороны пользователей и способствует его развитию [Мазикова, Зацепина, 2019; Кривоносов, 2020]. Доверие к искусственному интеллекту зависит от большого количества факторов, одним из которых выступает влияние со стороны СМИ [Дашков, Нестерова, 2021]. Они могут формировать определенные мнения у больших социальных групп, вследствие чего оказывают влияние на создание установки на доверие или недоверие к определенным явлениям, в частности – к искусственному интеллекту [Семис-оол, 2019]

В 2022 г. в контексте цифровой трансформации, возможным является охват большой целевой аудитории в интернет-пространстве [Шаронин и др., 2019]. Медиарынок кардинально меняется, адаптируясь к современным формам общения с аудиторией, появляются новые направления деятельности в онлайн-пространстве. Все больше и больше компаний, объединяя информационный и ресурсный рынки, создают собственные СМИ для продвижения бренда. Многие исследователи подчеркивают, что традиционная рекламная кампания отходит на второй план с точки зрения продвижения бренда, хотя бы из-за доступности веб-ресурса для компаний. Сегодня существует несколько основных видов интернет-рекламы [Jacovi et al., 2021].

1. Реклама в средствах массовой информации направлена на размещение текстовых или графических материалов на веб-сайтах, форумах и порталах.

2. Контекстная реклама – это текстово-графический или текстовый блок, который отображается с учетом контента рекламной платформы. Этот вид рекламы подходит для представления брендов и хорошо воспринимается пользователями интернет-пространств.

3. Реклама в социальных сетях чаще всего размещается либо в виде баннерной и контекстной рекламы на странице пользователя, либо в виде создания тематических сообществ с активным привлечением нескольких подписчиков, то есть заинтересованных потребителей.

4. Поисковое продвижение с использованием услуг SEO-продвижения (англ. search engine optimization – поисковая оптимизация) для рекламы товаров или услуг на предполагаемом сайте, который входит в топ-10 результатов поисковой системы.

5. Публикация пресс-релизов на тематических и новостных сайтах или продвижение статей.

Развитие института рекламы тесно связано как со сферой медиа, так и с искусственным интеллектом. В связи с этим особенно остро встает вопрос доверия, причем как к самим СМИ, так и технологиям продвижения. Учитывая большое количество видов рекламы, а появление многих из них стало возможным благодаря процессу цифровизации СМИ, доверие к этому явлению может стать превалирующим фактором. Несмотря на то что совершенствование рекламы зачастую рассматривается как обособленный процесс, оно в определенной степени зависит от искусственного интеллекта, в том числе от правильности его применения [Пурванто и др., 2020].

В аспекте распространения рекламы искусственный интеллект также играет значительную роль – на современном этапе широко используется система таргетинга – механизма, функционирующего с применением системы искусственного интеллекта, основанного на отборе потенциальной целевой аудитории. Благодаря таргетингу реклама определенных товаров отображается для пользователей, которые заинтересованы в поиске конкретной информации, товара или услуги [Панова, 2020; Панова Н., Панов В. 2020].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ / DISCUSSION

Влияние цифровизации на медиарынок

Медиарынок построен на прибыли не от медиаконтента новых и социальных медиа, а от сопутствующей деятельности по продаже рекламного пространства и времени в историях, видео, подкастах и т.д. [Кузнецова, Русавская, 2022].

Медиарынок, благодаря современным ИТ-технологиям, интернет-пространству, новым медиаформатам, стал глобальным в контексте всеобщей цифровизации и цифровой трансформации [Ryan, 2020].

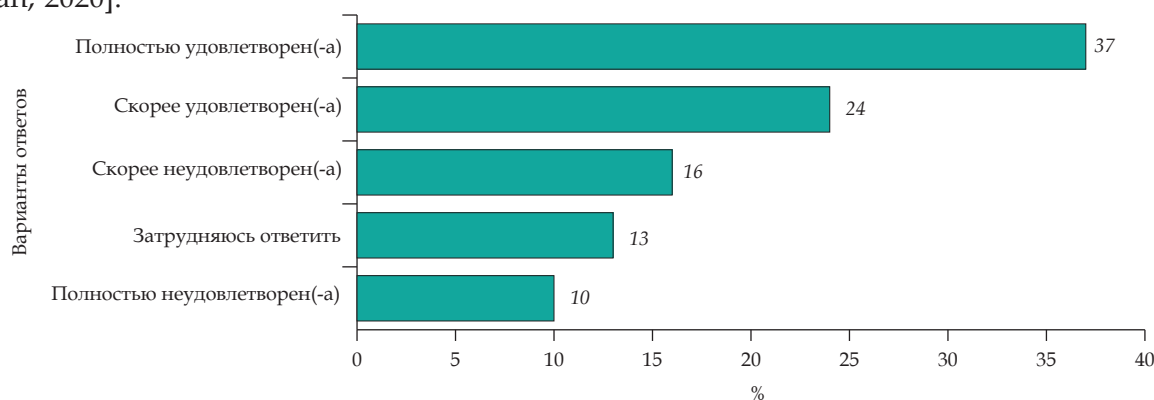
Стремительное развитие цифровых технологий является определяющим вектором функционирования рыночных отношений по продвижению своих товаров, продукции и услуг [Разов, 2022].

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В июне 2022 г. в Москве было проведено авторское социологическое исследование, посвященное изучению вопросов цифровизации СМИ и связанного с этим явлением доверия к искусственному интеллекту. Выборка исследования составила 336 человек, среди которых 47,9 % – женщины, 52,1 % – мужчины; высшее образование имеют 72 % респондентов.

В вопросе, связанном с субъективной оценкой степени цифровизации средств массовой информации, были получены следующие результаты: большая часть респондентов отметила, что СМИ сильно подвергаются процессу цифровизации (рис. 1).

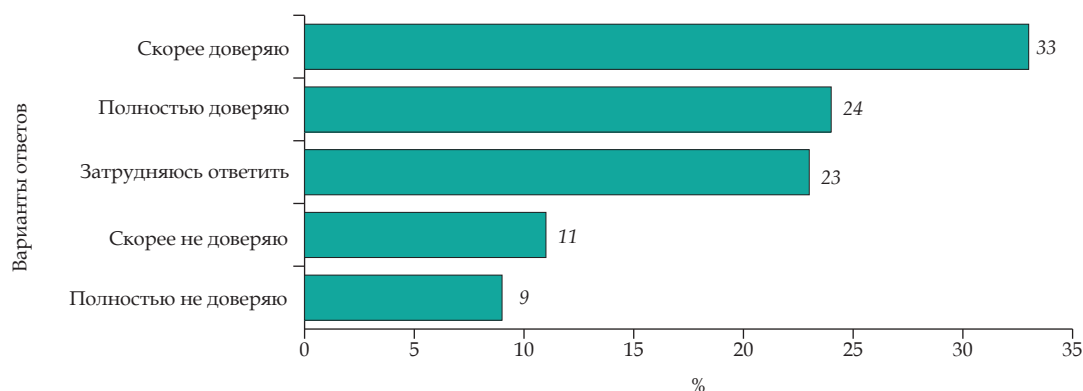
В аспекте уровня доверия к СМИ наблюдается определенный перевес в сторону доверия, чем недоверия. При этом следует отметить высокую долю тех, кто затруднился с ответом (рис. 2).

Составлено авторами по результатам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис 1. Субъективная оценка респондентами степени цифровизации средств массовой информации

Fig. 1. Respondents' subjective assessment of the media digitalization degree

Составлено авторами по результатам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 2. Уровень доверия респондентов к средствам массовой информации

Fig. 2. The level of respondents' trust in the media

По мнению респондентов, фактор влияния развития технологии искусственного интеллекта на цифровизацию СМИ является одним из ключевых (68 % опрошенных назвали этот фактор основным). При этом наблюдается и обратная закономерность, связанная с тем, что большинство респондентов (83 %) отметили, что цифровизация такой большой сферы, как СМИ, оказывает существенное влияние на дальнейшее развитие искусственного интеллекта.

Для полного подтверждения полученных результатов был задан контрольный вопрос, который был направлен на выявление отношения респондентов к влиянию цифровизации средств массовой информации на искусственный интеллект (рис. 3).

Если учитывать высокий уровень доверия респондентов к СМИ, то можно прийти к выводу о том, что процесс цифровизации данной сферы, который сделал связь с искусственным интеллектом более ощутимой и значимой, еще больше усилил влияние СМИ на доверие к рассматриваемому явлению.

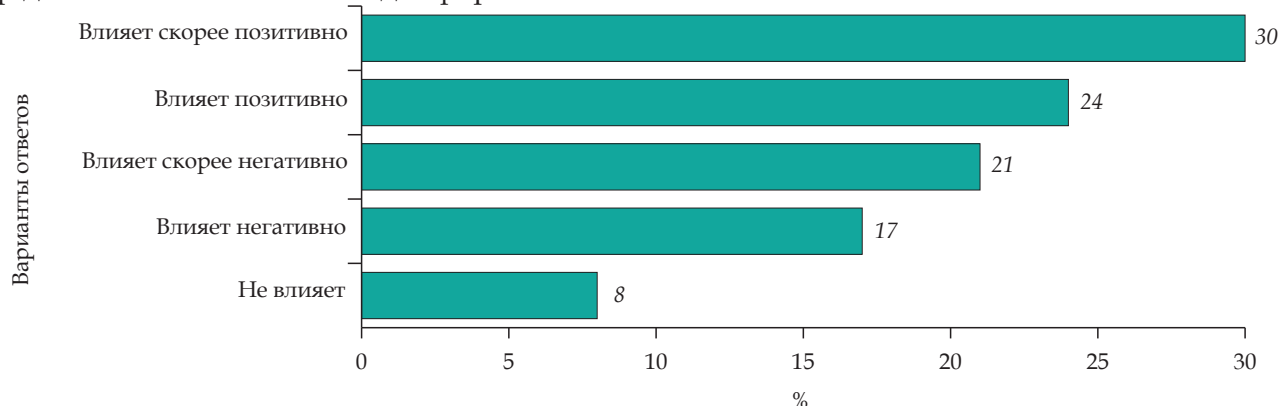
Выводы

Медиарынок, благодаря современным ИТ-технологиям, интернет-пространству и новым медиаформатам, стал глобальным в контексте всеобщей цифровизации и цифровой трансформации.

1. Стремительное развитие цифровых технологий является определяющим вектором функционирования рыночных отношений по продвижению своих товаров, продукции и услуг.

2. Интернет-пространство является основной рекламной площадкой, где реклама продолжает развиваться и укореняться в различных новых медиа-форматах.

3. Медиарынок радикально меняется, адаптируясь к современным формам общения с пользователями. Все это приводит к появлению новых сфер деятельности и новых медиаформатов.

Составлено авторами по результатам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 3. Оценка респондентами влияния цифровизации СМИ на искусственный интеллект

Fig. 3. Respondents' assessment of the media digitalization impact on artificial intelligence

Среди рекомендаций по повышению эффективности изучения процесса цифровизации средств массовой информации, а также влияния этого процесса на доверие к технологии искусственного интеллекта можно отметить следующие:

1) следует уделять больше внимания новым каналам, которыми пользуются СМИ, например, подкастам;

2) акцент на комплексном подходе, который будет учитывать взаимное влияние явлений друг на друга;

3) проведение большего числа пилотажных исследований для выбора наиболее перспективных направлений в отрасли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Высокий спрос на новые медиапродукты, медиатренды и форматы в современном мире среди пользователей цифрового медиаконтента приводит к развитию медиарынка и медиабизнеса в контексте цифровизации и трансформации. В свою очередь, цифровизация СМИ оказывает влияние на доверие индивидов к технологии искусственного интеллекта.

Использование искусственного интеллекта средствами массовой информации является повсеместным – продвижение подкастов и рекламы, распространение информационных статей и их написание – все это уже является частью повседневности для пользователей, поэтому следует сформировать вывод о росте доверия относительно технологий искусственного интеллекта, применяемых СМИ. Перспективным направлением исследования темы доверия к искусственному интеллекту в контексте интеграции данной технологии в СМИ является изучение фейковых новостей и их влияния на поведение различных групп населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бителин В.В. (2021). О проблеме доверия к технологиям искусственного интеллекта // *Успехи кибернетики*. № 2(3). С. 6–7. <https://doi.org/10.51790/2712-9942-2021-2-3-1>
- Блохина М.С. (2022). Модель инновационных компетенций руководителя коммерческой организации // *Цифровая социология*. Т. 5, № 3. С. 31–37. <https://doi.org/10.26425/2658-347x-2022-5-3-31-37>
- Гараганов А.В. (2022). *Нейросоциальный интеллект: эволюция потребностей и интеллекта человека в эпоху глобальной цифровизации // Самоуправление*. № 5(133). С. 296–301.
- Дашиков А.А., Нестерова Ю.О. (2021). Построение доверия при использовании искусственного интеллекта // *E-Management*. Т. 4, № 2. С. 28–36. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-2-28-36>
- Кириленко В.П., Колобова Е.Ю. (2021). Развитие медиабизнеса в условиях глобальной цифровизации // *Управленческое консультирование*. № 2 (146). С. 127–142. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-2-127-142>
- Колобова Е.Ю. (2019). Развитие российского медиарынка и цифровой разрыв // *Управленческое консультирование*. № 6 (126). С. 67–78. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-6-67-78>
- Кривоносов А.Д., Семенова Л.М., Лучинский Ю.В. (2019). Современные СМИ и медиарынок. Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума «Наука и инновации – современные концепции». Т. 4; отв. ред. Кривоносов А.Д. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 138 с.
- Кривоносов В.В. (2020). Кризис государственного управления в России в «зеркале» социального доверия // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 12-1. С. 41–44.
- Кузюкова Т.А., Салютин Т.Ю., Кухаренко Е.Г., Шарова О.И. (2020). Механизм управления эффективностью применения цифровых технологий // *Инновации в менеджменте*. № 2. С. 36–45.
- Кузнецова Е.И., Русавская А.В. (2022). Влияние цифровизации на изменение технологий и информационной модели современного медиабизнеса // *Вестник Московского университета МВД России*. № 1. С. 376–380. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-376-380>
- Мазикова Е.В., Зацепина Д.Г. (2019). Некоторые аспекты доверия к цифровым технологиям // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Вызовы и возможности финансового обеспечения стабильного экономического роста» (Финансы-2019)*, Севастополь, 20–22 мая 2019 г. Севастополь: Изд-во СевГУ. С. 220–224.
- Панова Н.А. (2020). Интернет вещей и медиабизнес: особенности, проблемы, перспективы // *Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела*. № 1. С. 48–53.
- Панова Н., Панов В. (2020). Направления развития медиабизнеса в цифровой экономике // *Danish Scientific Journal*. № 36-4. С. 8-13.
- Пурванто П., Кусванди К., Фатмах Ф. (2020). Интерактивные приложения с искусственным интеллектом: факторы доверия пользователей // *Форсайт*. Т. 14, № 2. С. 64–72. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2020.2.64.75>
- Разов П.В. (2022). ESG: прогресс в исследованиях и перспективы на будущее // *Социально-политические науки*. Т. 12, № 2. С. 60–66. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-2-60-66>
- Семис-оол И.С. (2019). «Заслуживающий доверия» искусственный интеллект // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Технологии XXI века в юриспруденции»*, Екатеринбург, 24–25 мая 2019 г.; ред. Бахтеев Д.В. Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ. С. 145–149.
- Уманский Р.Ю. (2020). Трансформация медиабизнеса в условиях цифровой экономики // *Сборник трудов XIV Международной отраслевой научно-технической конференции «Технологии информационного общества»*, Москва, 18–19 марта 2020 г. М.: Медиа паблишер. С. 389–390.
- Шаронин П.Н., Шельгов А.В., Третьяк Е.Б. (2019). Трансформация стратегии развития медиабизнеса под влиянием цифровизации экономики. Монография. М.: Издательство «ИТРК». 142 с.
- Glikson E., Woolley A.W. (2020). Human trust in artificial intelligence: Review of empirical research // *Academy of Management Annals*. V. 14, no. 2. Pp. 627–660. <https://doi.org/10.5465/annals.2018.0057>
- Jacovi A., Marasović A., Miller T., Goldberg Y. (2021). Formalizing trust in artificial intelligence: Prerequisites, causes and goals of human trust in AI // In: *Proceedings of the 2021 ACM conference on fairness, accountability, and transparency*. Virtual Event Canada March 3–10, 2021. New York: Association for Computing Machinery. V. 3. Pp. 624–635. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2010.07487>
- Ryan M. (2020). In AI we trust: ethics, artificial intelligence, and reliability // *Science and Engineering Ethics*. V. 26, no. 5. Pp. 2749–2767.
- Seshia S.A., Sadigh D., Sastry S.S. (2022). Toward verified artificial intelligence // *Communications of the ACM*. V. 65, no. 7. Pp. 46–55.

REFERENCES

- Bitelin V.V. (2021), “Can we trust the artificial intelligence technologies?”, *Russian Journal of Cybernetics*, no. 2(3). pp. 6–7, <https://doi.org/10.51790/2712-9942-2021-2-3-1>

- Blokhina M.S. (2022), "Commercial organisations head's innovative competencies model", *Digital Sociology*, vol. 5, no. 3, pp. 31–37, <https://doi.org/10.26425/2658-347x-2022-5-3-31-37>
- Garaganov A.V. (2022), "Neurososial intelligence: the evolution of human needs and intelligence in the era of global digitalization", *Samoupravlenie*, no. 5(133), pp. 296–301.
- Glikson E., Woolley A.U. (2020), "Human trust in artificial intelligence: a review of empirical research", *Academy of Management Annals*, vol. 14, no. 2, pp. 627–660, <https://doi.org/10.5465/annals.2018.0057>
- Dashkov A.A., Nesterova Yu.O. (2021), "Building trust when using artificial intelligence", *E-Management*, vol. 4, no. 2, pp. 28–36, <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-2-28-36>
- Jacovi A., Marasović A., Miller T., Goldberg Y. (2021), "Formalizing trust in artificial intelligence: Prerequisites, causes and goals of human trust in AI", In: *Proceedings of the 2021 ACM conference on fairness, accountability, and transparency: Virtual Event Canada March 3–10, 2021*, Association for Computing Machinery, New York, US. V. 3, <https://doi.org/10.48550/arXiv.2010.07487>
- Kirilenko V.P., Kolobova E.Yu. (2021), "Media business development in the context of global digitalization", *Administrative Consulting*, no. 2 (146), pp. 127–142, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-2-127-142>
- Kolobova E.Yu. (2019), "Development of the Russian media market and digital divide" // *Administrative Consulting*, no. 6 (126), pp. 67–78, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-6-67-78>
- Krivososov A.D., Semenova L.M., Luchinsky Yu.V. (2019), *Modern mass media and media market. Proceedings of the International Scientific Forum "Science and Innovation – Modern Concepts"*, Krivososov A.D. (ed.), vol. 4, Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (in Russian).
- Krivopuskov V.V. (2020), "The crisis of public administration in Russia in the 'mirror' of social trust", *Humanities, social-economic and social sciences*, no. 12-1, pp. 41–44.
- Kuzovkova T.A., Salutina T.Yu., Kukharensko E.G., Sharavova O.I. (2020), "Mechanism for managing the effectiveness of digital technologies" // *Innovations in management*, no. 2, pp. 36–45.
- Kuznetsova E.I., Rusavskaya A.V. (2022), "The impact of digitalization on changing technologies and the information model of the modern mediabusiness", *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1, pp. 376–380, <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-376-380>
- Mazikova E.V., Zatsepina D.G. (2019), "Some aspects of confidence to digital technologies", In: *Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference Challenges and opportunities for financial support for stable economic growth (Finance-2019)*, Sevastopol, 20–22 May 2019, Sevastopol State University Publ. House, Sevastopol, Crimea (in Russian).
- Panova N. (2020), "IOT technology and media business: features, problems, prospects", *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatelskogo dela [News of higher educational institutions. Problems of printing and publishing.]*, vol. 1, pp. 48–53.
- Panova N., Panov V. (2020), "Directions of media business development in the digital economy", *Danish Scientific Journal*, no. 36-4, pp. 8–13.
- Purwanto P., Kuswandi K., Fatmah F. (2020), "Interactive applications with artificial intelligence Applications: The Role of Trust among Users", *Foresight and STI Governance*, vol. 14, no 2, pp. 64–75, <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2020.2.64.75>
- Ryan M. (2020), "In AI, we trust: ethics, artificial intelligence and reliability", *Science and engineering ethics*, vol. 26, no. 5, pp. 2749–2767.
- Razov P.V. (2022), "ESG: Research Progress and Future Prospects" // *Sociopolitical Sciences*, vol. 12, no. 2, pp. 60–66, <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-2-60-66>
- Semis-ool I.S. (2019), "Trustworthy artificial intelligence", In: *Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference Technologies of the XXI century in jurisprudence*, Yekaterinburg, May 24–25, 2019; ed. Bakhteev D.V., Ural State Law University named after V.F. Yakovlev Publ. House, Yekaterinburg, Russia, pp. 145–149 (in Russian).
- Seshia S.A., Sadigh D., Sastry S.S. (2022), "Toward verified artificial intelligence", *Communications of the ACM*, vol. 65, no. 7, pp. 46–55.
- Sharonin P.N., Shelygov A.V., Tretyak E.B. (2019), *Transformation of the media business development strategy under the influence of digitalization of the economy*, monograph, ITRK Publishing House, Moscow, Russia (in Russian).
- Umansky R.Yu. (2020), "Media business transformation in the digital economy", In: *Proceedings of the 14th International Industry Scientific and Technical Conference Technologies of the Information Society*, Moscow, March 18–19, 2020, Media Publisher, Moscow, Russia, pp. 389–390 (in Russian).
- Yakovi A., Marasovich A., Miller T., Goldberg Y. (2021), Formalization of trust in artificial intelligence: prerequisites, reasons and goals of human trust in AI // *Proceedings of the ACM 2021 Conference on Fairness, Accountability and Transparency*. Volume 3. pp. 624–635.

Информационная безопасность несовершеннолетних: опыт организации отдельных субъектов Российской Федерации

УДК 351.751 DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-4-98-105

Получено 24.10.2022

Доработано после рецензирования 21.11.2022

Принято 28.11.2022

Титор Светлана Евгеньевна

Канд. юр. наук, доц. каф. частного права

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-5930-9972

E-mail: setitor@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Проблема информационной безопасности несовершеннолетних не касается только лишь федерального регулятора. Безопасность должна обеспечиваться на всех уровнях регулирования: федеральном, региональном, муниципальном и локальном. Основные принципы и механизмы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних регулируются федеральным законодательством. На региональном уровне механизмы детализируются, вырабатываются самостоятельные концепции. В настоящем исследовании проанализирован опыт отдельных субъектов Российской Федерации по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних. Исследованы следующие регионы: Республика Коми, Пермский край, Оренбургская область, Республика Татарстан. По регионам зафиксировано состояние криминализации несовершеннолетних. Исходя

из этого подобраны регионы со средним уровнем состояния преступности несовершеннолетних. В статье изучено региональное законодательство по защите несовершеннолетних от деструктивной информационной среды, региональные программы обеспечения информационной безопасности. Также рассмотрена правоприменительная практика, в частности, по повышению медиаграмотности подростков. Изучено участие региональных правоохранительных органов в разъяснительной работе. Исследована роль волонтерских движений в деле защиты несовершеннолетних от негативной информации, в просветительской работе. Выделен положительный опыт регионов по защите детей от негативной информации. В заключении исследования сделаны выводы о трансляции положительного опыта.

Ключевые слова

Информационная безопасность, несовершеннолетние, защита детей, региональный опыт, сеть «Интернет», деструктивная информация, региональное законодательство, просветительская работа

Для цитирования

Титор С.Е. Информационная безопасность несовершеннолетних: опыт организации отдельных субъектов Российской Федерации // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 98–105.

© Титор С.Е., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Information security of minors: individual subjects of the Russian Federation organization experience

Received 24.10.2022

Revised 21.11.2022

Accepted 28.11.2022

Svetlana E. Titor

Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. at the Private Law Department
State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5930-9972

E-mail: setitor@mail.ru

ABSTRACT

The problem of information security of minors does not concern only the federal regulator. It should be provided at all levels of regulation: federal, regional, municipal and local. The basic principles and mechanisms for ensuring the information security of minors are regulated by federal legislation. At the regional level, the mechanisms are being detailed, independent concepts are being developed. This study analyzes the experience of individual subjects of the Russian Federation in ensuring the information security of minors. The following regions were studied: Komi Republic, Perm Krai, Orenburg Region, Republic of Tatarstan. The state of criminalization of minors has been recorded by region. Based on this, regions with an average

level of juvenile delinquency have been selected. The work examines regional legislation on the protection of minors from the destructive information environment, regional information security programs. The law enforcement practice is also considered, in particular, increasing the media literacy of adolescents. The participation of regional law enforcement agencies in explanatory work has been studied. The role of volunteer movements in protecting minors from negative information and in educational work is investigated. The positive experience of the regions in protecting children from negative information is highlighted. At the end of the study, conclusions about the translation of positive experience were made.

Keywords

Information security, minors, child protection, regional experience, Internet, destructive information, regional legislation, educational work

For citation

Titor S.E. (2022) Information security of minors: individual subjects of the Russian Federation organization experience, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 98–105. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-98-105

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Комплексное решение проблемы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних невозможно без согласованных действий федеральных и региональных органов власти [Магдилова, 2017]. Региональные структуры должны вырабатывать свою концептуальную позицию по противодействию информационным вызовам и угрозам для несовершеннолетних [Сустина, 2022]. Так, в Испании, наряду с принятым основным Органическим законом страны, на уровнях автономий (например, Каталонии) приняты свои акты, направленные на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних.

Анализ сложившейся системы нормативно-правового регулирования отношений, возникающих в связи с защитой детей и подростков от деструктивного контента, показывает, что в настоящее время все регионы Российской Федерации (далее – РФ) в той или иной мере реализуют предоставленные им Конституцией Российской Федерации полномочия в сфере защиты несовершеннолетних от влияния деструктивной информационной среды [Колобаева, Несмеянов, 2020].

Федеральный законодатель предусмотрел, что для реализации указанных полномочий органы законодательной и исполнительной власти субъектов РФ вправе принимать нормативно-правовые акты, которые с учетом конкретной демографической обстановки субъекта, экономического, образовательного, информационного, культурного уровней развития и прочих нюансов жизнедеятельности каждого конкретного региона определяют меры, обеспечивающие защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ / THEORY AND METHODS

Опыт, накопленный в результате реализации международных принципов, концепций, сформулированных на межгосударственных площадках, закрепленных федеральным законодательством, позволил некоторым субъектам Российской Федерации сформулировать и нормативно закрепить дополнительные (по отношению к регулирующим эти отношения указанным выше федеральным законам) юридические процедуры защиты несовершеннолетних от угроз, представляемых интернет-пространством.

Полагаем возможным проанализировать опыт по организации защиты несовершеннолетних от деструктивной информации в отдельных регионах Российской Федерации. В работе при-

менен сравнительно-правовой метод, метод анализа, формально-правовой метод, социологический метод, метод обобщения.

ИССЛЕДОВАНИЕ/ RESEARCH

В Республике Коми в 2022 г. был создан Региональный центр информационной безопасности, который подведомствен Министерству образования, науки и молодежной политики Республики Коми¹. Основная его цель – защита детей и молодежи в интернет-пространстве. Организация работает в трех направлениях: первое предусматривает выявление в информационно-коммуникационной сети «Интернет» (далее – Интернет) деструктивной, опасной информации для несовершеннолетних. Второе направление выражается в том, что на основе полученных данных о способах потребления информации несовершеннолетними, местах ее распространения, формируются методические пособия и рекомендации, проводятся вебинары и семинары, просветительская работа как среди детей (на классных часах), так и среди родителей (родительские собрания). Третье направление выражено в профилактической работе. Специалисты Регионального центра информационной безопасности просвещают население по теме безопасности молодежи, детей в цифровом пространстве. Просвещение реализуется через онлайн- и оффлайн мероприятия различного характера и видов. Деятельность центра реализуется через группу в социальной сети «ВКонтакте». Пользователями данной социальной сети, в большинстве своем, являются молодежь и дети, поэтому, на наш взгляд, ориентирование на распространение сведений об информационной безопасности в социальной сети «ВКонтакте» является целесообразным решением. Позиция региона заключается в том, что донести до молодежи мысль и распространить необходимую информацию о важности безопасного информационного пространства необходимо через популярные среди этой возрастной группы источники.

Данные по криминализации несовершеннолетних в рассматриваемых регионах представлены в таблице¹.

Необходимо отметить, что по отношению к общему количеству несовершеннолетних, проживающих в Республике Коми, процент несовершеннолетних, совершивших преступления в 2021 г., очень высок и составляет 0,2 %.

¹ Региональный центр информационной безопасности. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rcibdim2022.vsite.biz/> (дата обращения: 01.10.2022).

**Таблица 1. Данные по криминализации несовершеннолетних
в отдельных субъектах Российской Федерации**

Table 1. Data on the criminalization of minors in certain regions of the Russian Federation

Название субъекта Российской Федерации	Показатель криминализации несовершеннолетних, чел.							
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	1-е полугодие 2022 г.
Республика Коми	855	569	479	374	403	401	322	197
Пермский край	1 835	1 967	1 362	1 160	1 083	829	709	360
Оренбургская область	937	673	637	607	543	499	373	206
Республика Татарстан	1 147	923	767	756	786	686	608	332

Источник²

В Пермском крае губернатором была утверждена Программа обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних на 2021–2023 гг.³ (далее – Программа). В ней определены основные мероприятия, направленные на формирование организационно-правовых механизмов защиты несовершеннолетних от распространения в информационно-коммуникационной сети «Интернет» деструктивной информации, а также перечень исполнителей и сроки проведения мероприятий. Как и большинство программ в Российской Федерации по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних, одним из первых мероприятий является мониторинг. В Пермском крае происходит мониторинг деятельности образовательных организаций, в которых должны быть ограничения на доступ к запрещенным ресурсам в Интернете. Ответственное лицо в данном случае – Министерство образования Пермского края. Также программа предусматривает оснащение библиотек, которые направлены на детскую аудиторию, компьютерами с доступом в Интернет и средствами защиты, позволяющими обеспечить информационную безопасность (антивирусы, фильтры контента).

В Пермском крае для обеспечения информационной безопасности работает волонтерское движение «КИБЕРдружина». Основная деятельность движения заключается в том, что участники выявляют противоправный, деструктивный контент, представляющий опасность для несовершеннолетних в Интернете и предоставляют сведения в Роскомнадзор, полицию, прокуратуру для блокировки. Необходимо отметить, что

«КИБЕРдружина» принимает активное участие в реализации Программы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних на 2021–2023 гг. в Пермском крае. Так, дружина взаимодействует с Главным управлением Министерства внутренних дел Российской Федерации по Пермскому краю, с Управлением Следственного комитета Российской Федерации по Пермскому краю, с территориальными органами Роспотребнадзора, Роскомнадзора. Во-первых, в совместную деятельность вышеупомянутых органов и дружины входит разъяснение несовершеннолетним информации о правилах общения, безопасного поведения в Интернете. Во-вторых, в зависимости от учебного цикла организации, проводится единый урок по безопасности в сети «Интернет». В-третьих, разрабатывается специальный проект, направленный на распространение позитивного контента в популярных среди молодежи социальных сетях, например, во «ВКонтакте».

Отдельно Программа предусматривает мероприятия, реализуемые на территории субъекта органами внутренних дел и комиссий по делам несовершеннолетних Пермского края (в том числе и муниципальных комиссий). Указанные органы должны проводить мероприятия по работе с несовершеннолетними лицами, вовлеченными в противоправную деятельность и деструктивные сообщества.

Привлечение молодежи к информационной безопасности происходит не только через специализированные воспитательные мероприятия в образовательных организациях, но и через доступную и понимаемую всеми детьми форму – игровую. Таким образом, для несовершеннолетних в Пермском крае, помимо обязательных уроков по кибербезопасности, информационной безопасности и проведения встреч со специалистами в данной области, устраиваются конкурсы и тренинги, направленные на развитие творческого потенциала ребенка, на которых развивается его

² Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры. Режим доступа: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 01.10.2022).

³ Правительство Пермского края. Постановление от 25.09.2013 № 1270-п «Об утверждении государственной программы Пермского края «Развитие информационного общества». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/911543777?marker> (дата обращения: 01.10.2022).

заинтересованность в защите себя от информационных угроз. Проводятся всевозможные конкурсы среди жителей, например, конкурс творческих работ для детей и молодежи по влиянию Интернета на современную жизнь. Также в регионе проводятся форумы, формируются волонтерские движения, устраивают квесты [Баталова и др., 2016].

Большую роль в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних играет уполномоченный по правам человека Пермского края и его сайт⁴. На сайте есть раздел, посвященный информационной безопасности детей, в котором отражены материалы, посвященные обсуждению данной проблемы, путям ее решения, а также методические рекомендации, собран цикл выступлений экспертов в этой области.

На наш взгляд, программа по защите детей и подростков от деструктивного контента разработана и представлена в полной мере. Разнообразное количество мероприятий и привлеченных к реализации программы различных должностных лиц, органов власти, органов местного самоуправления, а также простых граждан посредством участия в волонтерском сообществе позволяют говорить о широком охвате аудитории, вовлеченной в процесс защиты несовершеннолетних [Миков, Истомина, 2015].

По отношению к общему количеству несовершеннолетних, проживающих в Пермском крае, процент несовершеннолетних, совершивших преступления в 2021 г., относительно высок и составляет 0,14 % (табл. 1).

В Оренбургской области, как и в вышеуказанных регионах Российской Федерации, реализуется Программа по обеспечению информационной безопасности, которая охватывает периоды с 2021 г. по 2027 г.⁵ В ходе данной программы за вышеупомянутый период должны быть проведены следующие мероприятия. Во-первых, в Оренбургской области должна быть выявлена реклама, пропагандирующая наркотики, алкоголь, табачную продукцию. Во-вторых, на всех билетах и афишах обязательно должна быть размещена возрастная маркировка, аналогичные уведомления должны быть озвучены при проведении мероприятий. Эти сообщения должны отражать возраст лиц, которые допущены на то или иное мероприятие.

⁴ Уполномоченный по правам человека в Пермском крае. Официальный сайт. Режим доступа: <https://ombudsman.perm.ru/> (дата обращения: 01.10.2022).

⁵ Правительство Оренбургской области. Постановление от 7.12.2020 № 1042-пп «Об утверждении плана мероприятий («дорожная карта») по обеспечению информационной безопасности детей в Оренбургской области на 2021-2027 годы». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/571081786> (дата обращения: 01.10.2022).

В образовательных организациях Оренбургской области, в соответствии с вышеуказанным нормативным актом, проводят ежегодный Единый урок безопасности. По сравнению с Пермским краем, где частота таких занятий составляет 1 раз в семестр или четверть, на наш взгляд, проведение урока раз в год недостаточно эффективно. Любой материал, пригодный для практического применения, необходимо отрабатывать на практике, а также в последующем закреплять. Проведение одного урока в год не позволяет говорить об эффективности занятий.

Отличительной особенностью Оренбургской области в сфере реализации Программы по защите несовершеннолетних от информации можно назвать то, что в субъекте поставлен вопрос о проведении акции, предназначенной для профилактики у детей и подростков интернет-игровой зависимости [Носенко, 2014]. Как известно, все свободное время современный ребенок проводит в Интернете, а деструктивная направленность онлайн-источников информации широко знакома всем. Эта акция предполагает рассмотрение интернет-зависимости, игровой зависимости как источников вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность.

В Оренбургской области, помимо проведения занятий с детьми, мониторинга интернет-ресурсов и размещения на сайтах образовательных организаций ресурсов, посвященных информационной безопасности, информирование происходит не только через сайты, но и через мессенджеры и электронные почты. Данный фактор позволяет говорить о высоком уровне ориентированности на современную аудиторию граждан, то есть с развитием цифровых технологий все больше людей перестают читать отдельные правила на сайтах, брошюры, выданные на уроках, родительских собраниях. Современному человеку гораздо проще и удобнее получить информацию через смартфон. Поддерживаются конкурсы среди детей на лучшего блогера, организуются флешмобы, что говорит о том, что в субъектах программу составляют исходя из интересов подрастающего поколения.

Образовательные организации Оренбургской области применяют Приложение № 1 к Письму Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 мая 2018 г. № 08-1184.⁶ Само

⁶ Министерство образования и науки Российской Федерации. Письмо от 14.05.2018 № 08-1184 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями о размещении на информационных стендах, официальных интернет-сайтах и других информационных ресурсах общеобразовательных организаций и органов, осуществляющих управление в сфере образования, информации о безопасном поведении и использовании сети «Интернет»). Режим доступа: <https://rulings.ru/acts/Pismo-Minobrnauki-Rossii-ot-14.05.2018-N-08-1184/> (дата обращения: 01.10.2022).

письмо содержит в себе методические рекомендации о размещении на информационных стендах, официальных интернет-сайтах и других информационных ресурсах общеобразовательных организаций и органов, осуществляющих управление в сфере образования, информации о безопасном поведении и использовании сети «Интернет». Так, памятка для обучающихся гласит, что нельзя сообщать всем подряд свою частную информацию, открывать файлы, если не знаешь их отправителя, вести себе невежливо и агрессивно в сети и другое.

На наш взгляд, Оренбургская область эффективна в своей политике в сфере информационной безопасности среди несовершеннолетних. Упор Программы идет на современного индивидуума, который привык жить в цифровом пространстве, использовать его. Программа ориентирована на различные возрастные группы детей, родителей, педагогических работников.

По отношению к общему количеству несовершеннолетних, проживающих в области, процент несовершеннолетних, совершивших преступления в 2021 г., в Оренбургской области составляет 0,1 % (табл. 1).

Республика Татарстан также активно реализует свои полномочия субъекта в указанной сфере, осуществляя регулирование отношений, обеспечивающих информационную безопасность детей. Так, Кабинет Министров Республики Татарстан в своем Распоряжении от 17 июля 2021 г. № 1341-р утвердил план мероприятий, направленный на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних и молодежи в медиапространстве на 2021–2027 гг.⁷

Одним из первых пунктов плана мероприятий является изучение рынка программно-технических решений по фильтрации контента в образовательных организациях. Поскольку дети могут использовать компьютерное оснащение образовательной организации с целью потребления деструктивного контента. Учащимся рассказывают об ответственности за совершение противоправных действий в информационно-коммуникационной сети «Интернет», проводятся встречи, круглые столы, тренинги по теме программы. При уполномоченном по правам ребенка в Республике Татарстан Программой предусмотрена реализация проектов «Детский общественный совет», «Детская академия права», направленные на повышение правовой грамотности несовершеннолетних, защиту их прав.

Обеспечение безопасности происходит в разных возрастных группах, так, например, для достижения безопасности исследуется мнение родителей учащихся дошкольных учреждений. То есть учитывается мнение родителей по вопросам, связанным со снижением физической активности несовершеннолетнего в условиях цифровизации общества.

Из анализа Плана мероприятий («дорожной карты») по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних и молодежи в медиапространстве на 2021–2027 гг. в Республике Татарстан можно сделать вывод, что политика Республики в данной сфере направлена на частичный отказ от онлайн-жизни несовершеннолетнего, то есть на способы предотвращения интернет-зависимости. Для этих целей предусмотрены следующие мероприятия: проведение в музеях, музеях-заповедниках акций, позволяющих повысить духовно-нравственную культуру несовершеннолетних, групповое посещение музеев, театров, кинотеатров, проведение в библиотеках встреч по тематике «Интернет без зависимости», «Будем лично общаться!» и другие.

Опасность современного информационного пространства заключается в том, что по большей части общение происходит в Интернете. Доступ к Интернету возможно получить через компьютеры, планшеты, мобильные телефоны. Как бы ни хвалили научный прогресс и Интернет, как правило, постоянное нахождение в цифровом пространстве приносит вред не только ментальному здоровью ребенка, но и физическому. Ментальное здоровье страдает от запрещенной информации, кибербуллинга, тогда как физическое здоровье портится из-за постоянной нагрузки на органы зрения, а сидячий образ жизни провоцирует ряд заболеваний. На наш взгляд, в данном вопросе Республика Татарстан приучает детей не только к цифровой жизни, но и к реальной, что можно расценивать исключительно с положительной точки зрения.

Помимо вышеупомянутых мероприятий в Татарстане подготавливаются, выпускаются сюжеты, статьи в средствах массовой информации, посвященные информационной безопасности, проводится ежегодно Единый урок безопасности в Интернете, демонстрируются социальные ролики разной тематики (про персональные данные и другое).

Подводя итог, можно сказать, что в Республике Татарстан эффективно построена политика в области защиты детей от деструктивной информации, проводятся мероприятия для различных возрастных групп, а главное, через реализацию разнообразных мероприятий ребенок

⁷ Кабинет министров Республики Татарстан. Распоряжение от 17.07.2021 № 1341-р. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/574801141> (дата обращения: 01.10.2022).

познает, в большей степени, реальную жизнь, а не виртуальную.

По отношению к общему количеству несовершеннолетних, проживающих в Республике, процент несовершеннолетних, совершивших преступления в 2021 г., закономерно низок и составляет 0,08 % (табл. 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

1. Все, без исключения, рассмотренные выше субъекты Российской Федерации реализуют предоставленные им Конституцией Российской Федерации, федеральными законами «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», и «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» полномочия по нормативному регулированию общественных отношений, обеспечивающих защиту детей и подростков от деструктивного контента сети «Интернет» [Сустина, 2021]. Основным способом реализации указанных полномочий является принятие специальных законов субъектов в данной сфере, соответствующих региональных программ, или нормативно-правовых актов органов исполнительной власти субъектов [Мышко, Каменева, 2022].

2. Законодательное и нормативное регулирование субъектом указанных отношений носит преимущественно субсидиарный (дополнительный по отношению к федеральному регулированию указанных отношений) характер. При этом законодательное и нормативное регулирование этих отношений каждым субъектом Российской Федерации, как это предполагает

федеральный законодатель, должно обладать и, в некоторых случаях, реально обладает определенной спецификой.

Часть субъектов РФ пытается выработать собственные региональные критерии определения деструктивного контента и обусловленные региональной спецификой правовые механизмы его ограничения (например, Республика Татарстан).

3. Без проведения дополнительных социологических и криминологических исследований можно сделать достоверный вывод о том, что количество несовершеннолетних, совершающих преступления на территории того или иного субъекта, является критерием, достоверно отражающим масштаб влияния деструктивного контента на несовершеннолетних в уголовно-превенционном аспекте. Указанный критерий объективно отражает социально и юридически значимую степень криминализации несовершеннолетних (совершивших преступления) и, одновременно, степень их декриминализации (несовершеннолетние, не совершившие преступления). Однако такой критерий не отражает психологически значимые характеристики усвоения несовершеннолетним тех или иных моделей деструктивного поведения, возникших под влиянием интернет-контента, большая часть которых может не иметь правового значения.

В этой связи достоверная оценка качества реализации субъектами Российской Федерации правовых механизмов защиты несовершеннолетних от деструктивного контента требует разработки специальной комплексной психолого-социологической, и одновременно, юридической методики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баталова Е.С., Козьминых Д.А., Фазлыева В.Ф., Егоров К.Б. (2016). Дети в Интернете: проблемы безопасности // Безопасное детство как правовой и социально-педагогический концепт. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и специалистов, в рамках Недели науки на факультете правового и социально-педагогического образования ПГГПУ, Пермь, 25–28 апреля 2016 г. В 2-х тт. Т. 1. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. С. 172–174.
- Колобаева Н.Е., Несмеянова С.Э. (2020). Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в интернет // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. № 6. С. 14–21. <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-6-14-21>
- Магдолова Л.В. (2017). Правовые основы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних // Юридический вестник дагестанского государственного университета. Т. 23, № 3. С. 104–108. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2017-23-3-104-108>
- Миков П.В., Истомина Е.С. (2015). Обеспечение информационной безопасности детей в Пермском крае // Защита прав человека в современных условиях: проблемы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции, Пермь, 16 апреля 2016 г. Пермь: От и До. С. 162–168.
- Мышко Ф.Г., Каменева Т.Н. (2022). Риски коммуникации подростков в интернет-пространстве // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 13, № 4. <https://sfk-mn.ru/PDF/37SCSK422.pdf>

Носенко Л.И. (2014). Правовая культура и информационная безопасность как фактор, влияющий на административную ответственность несовершеннолетних // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. № 3 (47). С. 234–236.

Сустина Т.И. (2022). Европейский опыт правового обеспечения информационной безопасности детей -в поисках основополагающих принципов // Право и государство: теория и практика. № 1 (205). С. 156–159. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_1_156

Сустина Т.И. (2021). Информационная безопасность детей: особенности правового регулирования // Аграрное и земельное право. № 9 (201). С. 226–229. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_1_156

REFERENCE

Batalova E.S., Kozminykh D.A., Fazlyeva V.F., Egorov K.B. (2016), “Children on the Internet: security issues”, In: *Safe childhood as a legal and socio-pedagogical concept. Proceedings of the 3rd All-Russian scientific and practical conference with international participation for students, undergraduates, graduate students, teachers and specialists, within the framework of the Week of Science at the Faculty of Legal and Social and Pedagogical Education of PSGPU, Perm, April 25–28, 2016*. In 2 vol. V. 1. Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia. Pp. 172–174 (in Russian).

Kolobaeva N.E., Nesmeyanova S.E. (2020), “Information security of minors and the right to access the Internet”, *Electronic supplement to the Russian Law Journal*, no. 6, pp. 14–21, <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-6-14-21>

Magdilova L.V. (2017), “The legal basis for ensuring of information security of minors”, *Law herald of Dagestan State University*, vol. 23, no. 3, pp. 104–108, <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2017-23-3-104-108>

Mikov P.V., Istomina E.S. (2015), “Ensuring the information security of children in the perm region”, In: *Protection of human rights in modern conditions: problems of theory and practice. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, Perm, April 16, 2016*, Ot i Do, Perm, pp. 162–168 (in Russian).

Myshko F.G., Kameneva T.N. (2022), “Risks of teenagers’ communication in the Internet space”, *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, vol. 13, no. 4.

Nosenko L.I. (2014), “Legal culture and information security as a factor influencing the administrative responsibility of minors”, *Izvestia Orenburg State Agrarian University*, no. 3(47), pp. 234–236.

Sustina T.I. (2022), “European experience of legal provision of information security of children - in search of fundamental principles”, *Law and state: the theory and practice*, no. 1 (205), pp. 156–159, https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_1_156

Sustina T.I. (2021), “Information security of children: features of legal regulation”, *Agrarian and land law*, no. 9 (201), pp. 226–229, https://doi.org/10.47643/1815-1329_2021_9_226

ИТОГИ XIII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВО»: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Всероссийская научно-практическая конференция «Государство, власть, управление и право» – это ежегодная научная дискуссионная площадка, организуемая Институтом государственного управления и права и кафедрой государственного управления и политических технологий Государственного университета управления (далее – ГУУ) в сотрудничестве с российскими вузами, в фокусе исследования которых находятся проблемы государственного управления и публичной политики. Цель проведения конференции – обсуждение современных тенденций и лучших практик государственного и муниципального управления, формирования и реализации публичной политики и правового обеспечения управления социально-экономическими и политическими процессами в современном российском обществе.

Вузы-партнеры: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет); Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова (МГУУ Правительства Москвы); Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Национальный исследовательский университет – Московский энергетический институт (НИУ – МЭИ); Московский гуманитарный университет (МосГУ).

XIII Всероссийская научно-практическая конференция «Государство, власть, управление и право», приуроченная к юбилейной дате – 350-летию со дня рождения Петра Великого, состоялась в ГУУ 10 октября 2022 г.

Открывая мероприятие, ректор Государственного университета управления Владимир Строев обозначил актуальность проблематики научно-практической конференции и провел исторические параллели по выстраиванию государственной политики и экономики на фоне международных изменений с петровскими государственными преобразованиями. «Петр Первый отстраивал новую российскую государственность и полностью перестроил работу органов власти, – напомнил ректор ГУУ. – В результате мы получили сильное государство с мощной экономикой, уважаемое на мировой арене».

Исполняющий обязанности заведующего кафедрой государственного и муниципального управления, к.и.н. Сергей Чуев, в свою очередь, рассказал участникам конференции об этапах перестройки на примере Ростовской области, начиная с 1985 года. Тогда, по его словам, все стартовало с «косметических улучшений», выражавшихся в повышении партийной инициативы, критике недостатков, появлении в составе региональных управлений новых лиц. Далее был дан старт политическим преобразованиям, выразившимся в гласности, сокращении политического влияния КПСС, а в экономике – внедрении хозрасчета, самоокупаемости, легализации кооперативов. Третий этап ознаменовался борьбой за сокращение влияния КПСС, крушением авторитета партийных органов и появлением легальной оппозиции, заменой кадрового состава первых лиц региональной управленческой элиты. Последний этап, завершившийся в 1991 г., принес крах перестройки и падение КПСС со всеми вытекающими последствиями. В результате всех этих политических, экономических и социальных процессов в стране радикально изменилась избирательная система, возникла легальная оппозиция, вследствие социально-экономических трудностей возникло почти повсеместное критическое отношение к реформам, хотя на этом этапе экономическая ситуация еще не находилась в ситуации краха. «Из запланированного был осуществлен ряд пунктов: появилась доминирующая партия с плюрализмом и гласностью, ограниченными некой системностью, мы получили доступ к мировой научной и культурной базе, предприятия

перешли на самоокупаемость, были решены проблемы с нехваткой жилья и товаров массового спроса, – отметил Чуев. – Вместе с тем мы получили и развал промышленного потенциала, технологическую деградацию ряда отраслей, в ряде регионов – безработицу, социальное расслоение и проблемы с безопасностью».

Далее выступил профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова Алексей Мамычев с докладом «Трансформация государственной политики в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики». А.Ю. Мамычев обозначил тему цифровой реальности, которая формирует автономную ценностно-мировоззренческую (постгуманистическую) и нормативную (социально-техническое нормирование, инжиниринговое право) системы. Докладчик отметил, что цифровизация политики – это процесс расширения теневых сфер и «серых» зон взаимодействия, поэтому чем больше развивается «цифровой потенциал», тем уязвимей становится государство и общество, тем больше расширяются теневые и внеправовые зоны взаимодействия.

Возможными сценариями развития цифрового пространства, по мнению докладчика, являются: суверенизация цифрового пространства, цифровая глобализация и смешанный формат, подразумевающий формирование «гибридной» социально-технологической политики государства, которая реализуется в совместном взаимодействии государственных органов, крупных технокорпораций и гражданских структур. Докладчик обозначил пять основных видов регуляторной практики: инструментальное регламентирование, формирование типичных (регуляторных) моделей, общее (доктринально-правовое) регулирование, создание принципиально новых социально-технологических норм и конвергенционных (смешанных) правовых режимов, алгоритмический мониторинг цифрового взаимодействия.

Большой интерес вызвал также доклад научного руководителя факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета Сергея Белоконева на тему «Вызовы военного времени современной России для муниципалитетов и регионов», раскрывающий участникам конференции острые и насущные проблемы на местном уровне, новые задачи политико-административного регионального регулирования, вызовы финансово-промышленному сектору в результате блокады Западом интеллектуальных и наукоемких технологий, повышение миграционной активности и другие вопросы.

Научный руководитель конференции, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий ГУУ, профессор Николай Омельченко представил доклад о Российской империи после Петра Великого и об особенностях и результатах правления Елизаветы Петровны, в котором пояснил слушателям, что правление Елизаветы Петровны, вступившей на русский престол с многообещающим заявлением «править по заветам» своего отца Петра Великого, оказалось весьма противоречивым по своему содержанию и своим результатам.

Формат Конференции предполагал пленарное заседание, а также работу пяти секций и двух круглых столов.

Секция 1: Проблемы государственного управления и публичной политики в России и в мире.

Секция 2: Проблемы регионального и муниципального управления в современной России.

Секция 3: Государственная миграционная политика и управление миграционными процессами: отечественный и зарубежный опыт.

Секция 4: Новаии в российском праве.

Секция 5: Человек, общество и государство: трансформация отношений.

Круглый стол 1: Государственные преобразования Петра Великого и современная российская государственность: преемственность или антагонизм?

Круглый стол 2: Требования к профессиональной подготовке государственных служащих и современная кадровая политика в системе государственной службы России.

Каждая секция и круглые столы работали очень активно, были представлены актуальные доклады, в атмосфере живой полемики велись дискуссии и обсуждались сегодняшние проблемы, стоящие перед государственным и муниципальным управлением в России, вызовами политической повестки дня и глобализационными процессами в мире.

В заключении на закрытии конференции профессор Николай Омельченко подвел итоги состоявшегося мероприятия и поблагодарил всех активных участников, студентов, аспирантов, преподавателей и гостей университета. По итогам конференции материалы всех участников и докладчиков конференции были опубликованы издательством ГУУ в сборнике материалов конференции

«Государство, власть, управление и право». С материалами сборника можно ознакомиться в библиотеке ГУУ либо скачать в электронном виде с сайта кафедры государственного управления и политических технологий ГУУ.

http://www.iguip.narod.ru/life/Sbornik_konferencii_GVUP_GUU_2022.pdf

Крюкова Елена Вячеславовна

канд. полит. наук, доцент
Государственный университет управления, г. Москва, Россия
E-mail: ev_kryukova@guu.ru

Омельченко Николай Алексеевич

д-р истор. наук, профессор
Государственный университет управления, г. Москва, Россия
E-mail: na_omelchenko@guu.ru

Соколов Николай Николаевич

канд. социол. наук, доцент
Государственный университет управления, г. Москва, Россия
E-mail: nn_sokolov@guu.ru